23-1-14

ТМУТАРАКАНЬ — ЗЕМЛЯ НЕВЕДОМАЯ И ОБЕТОВАННАЯ.
ЧТО ЗНАЕМ МЫ О НЕЙ?
ЧТО ДОШЛО ДО НАС ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ?
КАКОЙ ВИДЕЛИ ЕЕ ПУШКИН И ЛЕРМОНТОВ?

Об этом читайте
в одном из следующих номеров нашего журнала.

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

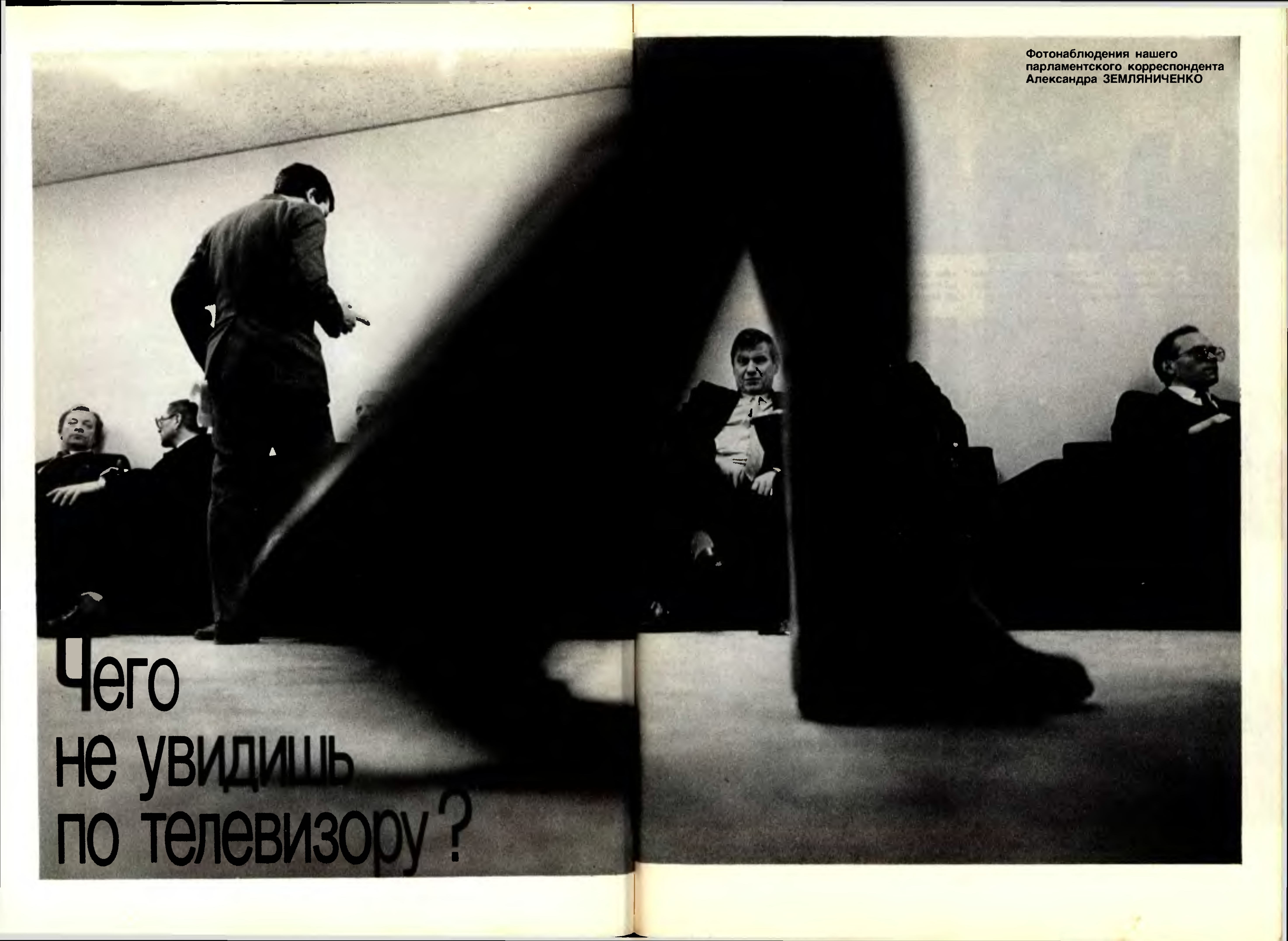
3/90
ISSN 0235–7089

Читайте в номере очерк «Росинант» и донкихоты».

*В ЧАЩАХ, В БОЛОТАХ ОГРОМНЫХ,
У ОЛОВЯННОЙ РЕКИ,
В СРУБАХ МОХНАТЫХ И ТЕМНЫХ
СТРАННЫЕ ЕСТЬ МУЖИКИ.*

Николай ГУМИЛЕВ

Фотонаблюдения нашего парламентского корреспондента Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Чего не увидишь по телевизору?

«Когда к нам приходит успех, остается только удивляться количеству людей, которые внезапно оказываются нашими друзьями» (А. Моруа).

«Вы думаете — легко им наше белье ежедневно прополаскивать в газетной странице!» (В. Маяковский.)

«Человек измеряется не с ног до головы, а от головы до неба» (Конфуций).

«Досадно было, боя ждали...» (М. Лермонтов).

«Легко ли Иванову, когда Гдляна рядом нет?» (Реплика в кулуарах.)

«Опытом люди называют свои ошибки» (О. Уайльд).

«Способность быть гражданином — это и есть способность возносить себя до целого мнения страны» (Ф. Достоевский).

«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета» (Данте).

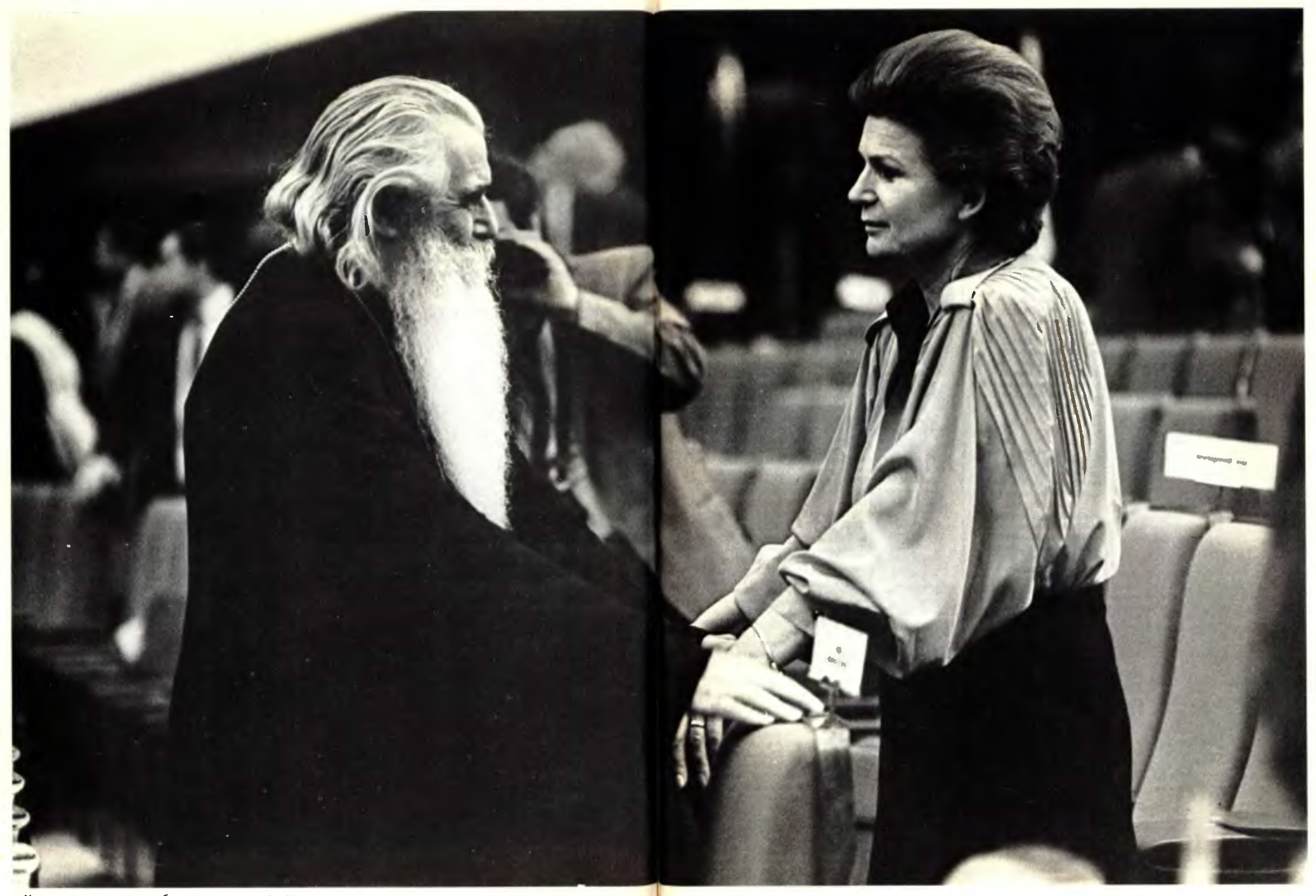
«Известное мудрое правило: выступай с либералами, а обедай с консерваторами» (О. Уайльд).

«...Нет мысли маломальской, которой бы не знали до тебя» (Гете).

«В России две напасти, внизу — власть тьмы, вверху — тьма власти» (В. Гиляровский).

«Чем жаловаться на всеобщую темноту, не лучше ли самому зажечь маленькую свечу» (Питирим).

РОДИНА 3/90

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР

Выходит с января 1989 г.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В нашей постоянной рубрике авторы журнала высказывают свое мнение (которое редакция может не разделять) о роли молодежи в сегодняшнем обществе.

8
Илья СМИРНОВ,
редактор журнала «Урлайт»:
«НИКАКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РОЛИ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ МОЛОДЕЖЬ НЕ ИГРАЕТ».

23
Владимир ЛУКИН,
доктор исторических наук, профессор:
«У СЕГОДНЯШНЕГО ПОКОЛЕНИЯ, БУДЬ ЭТО НЕФОРМАЛЫ ИЛИ ИНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫЕ ГРУППЫ, ЧИСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕНЕЕ БЕСКОРЫСТНЫЕ, МЕНЕЕ БЛАГОРОДНЫЕ, МЕНЕЕ ЯРКИЕ».

33
Юрий ЩЕКОЧИХИН,
публицист:
«ОЧЕНЬ СИЛЬНЫ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ УГОЛОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И КУДА СЛАБЕЕ ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ».

СТАРОЕ

20
ГЕРАРД ФРИДРИХ МЮЛЛЕР,
ставший в России Федором Ивановичем Миллером, сделал огромный вклад в историческую науку новой своей родины. О судьбе его, о путешествиях и трудах рассказывает кандидат исторических наук Александр Каменский в рубрике «Историки об историках».

24
ПРОШЛО ПОЧТИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ
с того жаркого мая 1962 года, когда в городе Новочеркасске огнем и свинцом была вписана еще одна кровавая строка в трагическую историю нашего общества, нашей страны. «Они хотели найти правду» — назвала журналистка Ольга Никитина свой очерк о событиях тех дней.

67
«ПАСЫНКИ РЕВОЛЮЦИИ» —
так назвали кандидат исторических наук Лев Овруцкий и доктор исторических наук Анатолий Разгон свой диалог о самой массовой политической партии дореволюционной России — эсерах. Этой публикацией мы открываем новую рубрику «Из истории российских партий».

НОВОЕ

9
СЕГОДНЯ ГЛАВНОЕ
действующее лицо нашей традиционной рубрики «Имя а политике» — Борис Вениаминович Гидаспов, первый секретарь Ленинградского областного и городского комитетов КПСС, народный депутат СССР. Беседуют с ним журналисты Юрий Макарцев и Виктор Герасимов.

30
ЛИТЕРАТУРА О ЧЕРНОБЫЛЕ
поистине необъятна, но до сих пор еще не выслушаны те, кто был признан — официально — по суду виновником происшествия. Мы хотим восполнить этот пробел. Читайте интервью, которое взял журналист Андрей Караулов у бывшего директора Чернобыльской АЭС Виктора Брюханова.

46
МЫ ПОМЕЩАЕМ ИНТЕРВЬЮ
французского журналиста Энри Амури с Президентом Польской Республики Войцехом Ярузельским, взятое специально для журнала «Родина».

56
ТЕМА ЖИЛЬЯ
у нас настолько остра, что, думается, все прочтут статью директора ЦНИИЭП жилища Станислава Николаева «Жилье-2000»: лозунг или расчет?»

ВЕЧНОЕ

34
В РУБРИКЕ
«Сто народов России» мы рассказываем об очень маленьком народе — сету, который живет в Печорском районе Псковской области.

36
СТРАННЫЕ ЛЮДИ,
которых еще называют чудаками, не перевелись на русской земле, и племя это, видимо, неистребимо. Один все свободное время, деньги и труд свой вкладывает в создание невиданного летательного аппарата, другой играет на трубе, хоть камни с неба сыпься, третий... Впрочем, лучше прочесть очерк Владимира Белых «Росинант» и донкихоты» — о чудаках из вятского края.

84
РУССКОМУ УЧЕНОМУ НИКОЛАЮ УЛЬЯНОВУ
пришлось испытать многое — сталинские и гитлеровские концлагеря, ссылку, эмиграцию. Он умер в 1985 году в Нью-Хэйвене, штат Коннектикут, США, и оставил после себя немалое литературное и научное наследство. Публикуем эссе Николая Ульянова «Русское и великорусское», впервые увидевшее свет в 1967 году в парижском журнале «Возрождение».

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ХОМО СОВЕТИКУС

Илья СМИРНОВ, редактор журнала «УРЛАЙТ»

Никакой самостоятельной роли в советской политике молодежь не играет. Через дорогу от меня — округ по выборам в Моссовет, где баллотировался мой друг. Из десятка кандидатов он (1962 г. р.) самый младший. Похожая картина складывалась на выборах по стране в целом, руководство основных политических организаций и партий тоже немолодо. Есть, конечно, исключения — например, анархо-синдикалисты, обращающие на себя внимание черным флагом на митингах в Лужниках, но, во-первых, эту партию не назовешь влиятельной, а, во-вторых, своим по преимуществу молодежным составом они обязаны не только своей, скажем так, специфической идвологии, но и происхождению организации, которая выросла из студенческого кружка в МГПИ имени Ленина.

Кстати сказать, когда в том же МГПИ компания «заединщиков» Аполлона Кузьмина выживала из института крупнейшего специалиста по русскому средневековью профессора Владимира Кобрина, студенчество, в том числе и «политические активисты», не слишком-то громко высказывали свое отношение к этому. Что поделаешь — «бунтовать» на улице сегодня куда безопаснее, чем по месту работы или учебы отстаивать элементарную справедливость.

С другой стороны, активное самовыражение молодежи в политике — тоже не всегда благо. Псевдореволюции на Востоке как раз и заключаются в том, что толпы неграмотных деревенских подростков свергают старую династию, сажают на трон «своего» крестьянского вождя, а тот немедленно восстанавливает всю систему эксплуатации (того же крестьянства) в наиболее бесчеловечных формах, зато под новым «идеологическим» колером.

Автор этих строк впервые вышел на несанкционированную уличную демонстрацию в 16-летнем возрасте. Сами понимаете, при Леониде Ильиче это занятие принципиально отличалось по возможным последствиям от нынешних ДС-овских упражнений на Пушкинской. Вспоминаю не ради саморекламы, а только для того, чтобы признаться: господи, какие же мы были темные, оторванные от культуры и самоуверенные идиоты! Мы всерьез рассчитывали «облагородить» партию и комсомол в духе 20-х годов и ходили с нашей программой (она называлась «26 восклицательных знаков») в ЦК к Б. Пастухову. А диссидентов мы осуждали, разумеется, не читая, за то, что они связаны с капиталистичвским Западом. Сколько глупостей совершили мы от одного только невежества! И подлостей тоже — потому что подлость гораздо теснее связана с глупостью, чем принято думать. Неразумный человек постоянно ставит себя в такие положения, из которых просто нет достойного выхода. И можно только благодарить Бога за то, что в те годы он не допустил нас ни к какой реальной власти, а начальство — за то, что оно по неразумию и лености предпочло нас раздавить, а не использовать в качестве хунвзйбинов.

Вообще в юности очень трудно воспринимать политику в связи с реальной жизнью реальных людей, которым нужно питаться, отапливать квартиру, лечить больных — она воспринимается скорее как геометрия, то есть совокупность абстракций, более или менее внутренне непротиворечивая (внутренне! — а не по отношению к реальному миру). С этой точки зрения, простите за парадокс, у нас сейчас почти вся политика «молодежная».

Приятно тешить себя надеждой на то, что новое поколение окажется принципиально более цивилизованным. Поделюсь в этой связи еще личным опытом, связанным на сей раз с рок-движением 1980—1988 годов. В самые черные времена это был едва ли не единственный «заповедник свободы» в тоталитарном государстве, но пврвые же годы перестройки подвели под его историей жирную черту какого-то неприятного коричневого цвета. В кратчайший срок молодые музыканты, представители самого молодого и демократичного жанра, допущенные с грехом пополам к самому краешку официальной кормушки, повторили до деталей все то, что покрыло позором «старшие» творческие союзы. В феврале 1987 г. большая группа небезызвестных в рок-мире людей накатала на конкурентов политический донос в горком партии с обвинениями в рвспространении и изготовлении антисоветской литературы, устройстве подпольных концертов и даже «употреблении спиртных напитков» — этот шедевр украшен подписями А. Троицкого, В. Шумова, П. Мамонова. «Пожилая» прокуратура оказалась в данном случае куда ближе к цивилизации, потому что не стала возбуждать уголовного дела. Ну чем вам не одиннадцать бдительных литераторов 1969 года с их доносом на «Новый мир»? Дальше — больше. В ленинградском рок-клубовском независимом (!) журнале «Рокси» вскоре после смерти А. Башлачева появляется о нем грязная сплетня, весьма похожая на то, что писал о Высоцком Ст. Куняев. Бывший барабанщик группы ДК вступает а «Память», а когда Илья Кормильцев из группы «Наутилус-Помпилиус» отказался принять от Анатолия Иванова премию Ленинского комсомола, басист Дм. Умецкий поспешил осудить своего товарища на страницах «Комсомольской правды»...

Дело здесь не в возрасте (как видите, симптомы одни и те же у представителей разных поколений) и не в том даже, что модно сейчас именовать «HOMO SOVETI-CUS». Никакого такого особого «хомо» не существует — существует обычное докапиталистическое сознание, свойственное большинству представителей любого общества на определенном этапе развития. В этих рамках совершенно закономерны и отсутствие собственного достоинства (поскольку личность не выделена из коллектива), и широкое распостранение «идвологий», основанных на изначальном (расовом, национальном, классовом) неравенстве людей — эти идвологии как раз и призваны обосновать эксплуатацию принудительного труда, и специфическая «революционность», заключающаяся во внезапном переходе от абсолютной покорности к бесмысленному бунту, прааленному сплошь и рядом протиа ни в чем не повинных людей. Даже такое «западное» качество, как терпимость, отличается от европейской терпимости так же сильно, как наш портвейн от португальского: сплошь и рядом оно означает соучастие в сознательном и целенаправленном зле.

Это и есть тот главный враг, с которым нам предстоит бороться — и молодым, и немолодым. И борьба эта не так уж безнадежна. Во всяком случае, и немцы, и итальянцы, и японцы — народы, для которых реставрация средневековья в XX веке тоже имела катастрофические последствия — сумели, мне кажется, навсегда предать земле своих «гениев всех времен и народов» (Гитлера, Муссолини и Тодзио). Когда Натан Эйдельман в 1989 г. в Италии пытался выяснить, где в этой деловой стране «неореализм» (грязные переулки, голопузые дети, висящее белье), куда все это подевалось, ему очень хорошо ответил один итальянец: «Все это — до 60-го годв. Я не знаю, как бы мы жили, если бы мы не начали жить хорошо».

ИМЯ В ПОЛИТИКЕ

Борис Вениаминович ГИДАСПОВ

Народный депутат СССР, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома КПСС — собеседник журналистов Юрия МАКАРЦЕВА и Виктора ГЕРАСИМОВА.

I. В НАЧАЛЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

— Борис Вениаминович! Сомнений больше нет — мы начинаем, как на Западе, жить в условиях многопартийной системы. По этому поводу вы не пьете валерьянку?

— Я давно к такому повороту событий внутренне готов.

— Правда, после того, как недавно III Съезд народных депутатов страны внес изменения и дополнения в статьи 6 и 7 Конституции СССР, нам еще только предстоит принять Закон о партиях и общественных организациях, и уже после этого начнется регистрация новых партий. Однако не будем делать вид, будто их сегодня вовсе в природе не существует. Согласитесь, характер выборов в Верховный Совет РСФСР и местные органы власти республики уже во многом определялся про-

тивоборством различных политических сил...

— Очевидно, вас интересует, а как в Ленинграде? У нас тут можно насчитать до сотни формирований различных социально-политических оттенков. Народный фронт, Объединенный фронт трудящихся России, Христианский демократический союз, ДС, социал-демократы, монархисты и так далее — до национал-социалистов, «друзей генерала Корнилова» и «друзей» самого батьки Махно. Публика разношерстная. У одних, безусловно, серьезные политические цели, а у других на уме «игры» — на уровне бытового хулиганства. Висел тут в городе лозунг на кумаче: «Наша цель — гуманный социализм». Представьте, нашлись «партизаны», не поленились, взяли кисти и краски, ночью перерисовали буквы, утром читаем: «Наша цепь — туманный социализм». Смешно?!

В науке есть такое понятие: коэффициент активности. Опираясь на него, я прикидываю — суммарная масса всех этих движений в целом пока невелика. Мы пытались делать некоторые прогностические оценки, сколько же действительно активных людей в новых формированиях. Может быть, десятки, ну, сотни... Лидеры способны увлечь за собой еще несколько тысяч сочувствующих им, «попутчиков», как говорили раньше. Вот и все.

— И, наверное, Борис Вениаминович, никаких признаков того, что кто-то из неформалов или представителей новых партий собирается, образно говоря, взять Смольный штурмом, не существует?

— Все это разговоры о борьбе за власть!.. Ну, чего мы боимся! Чтобы взять власть в свои руки, надо быть компетентным. Кое-кто из лидеров, сподвижников движений, неформалов после недавних выборов прошел в Ленсовет и местные органы власти. Что ж, пусть попробуют заняться конкретным делом. Пусть на своем опыте почувствуют, что власть — это не броские лозунги, это ответственность и рутинная работа.

Не надо драматизировать, но и упрощать обстановку не стоит. Что бы это значило: одно время на каждый мой прием в обкоме КПСС стали записываться и приходить ребята из Демократического союза — как правило, одни и те же лица. Чего хотят, не могу понять. Объясняю им, что обком больше хозяйственными вопросами не занимается, лучше обращайтесь к властям, и тут я тоже готов помочь — не слышат. Потом дошло. Провоцируют: крепкие ли, мол, у вас, товарищ Гидаспов, нервы. По-моему, ребята-демократы не в меру увлечены самим процессом политической борьбы.

Поляризация общественных сил, считаю, совсем не повод для паники. Надо сначала послушать, чего хотят всякие там друзья, понять их, попробовать на прочность, «покачать»...— вот и станет ясно, как и на каких принципах лучше строить политику мирного сосуществования с партиями и движениями.

— Подобной же тактики, однако, на наш взгляд, придерживается и нарождающаяся оппозиция. Готовя для себя выгодные стартовые условия, оппоненты КПСС в последние месяцы старались основательно «прощупать», где же у партии самые слабые места. Вспомним обстановку в стране накануне 25 февраля, когда последовал призыв — всенародно выйти на митинги и, может быть, как порой срывалось с языков, «прорепетировать февральскую революцию». Впрочем, в последний момент, похоже, у инициаторов манифестаций и митингов хватило благоразумия «притормозить», слава богу, день прошел без инцидентов. Но потом обидались многие горожане: да что же это такое, так нас запугали, что боимся на улицу высунуться? Есть власть в стране или нет?

— Репетиция «февральской»,— наверное, слишком громко сказано, а вот шабаш на улицах не исключался, и мы в Ленинграде создали координационный совет, которым я руководил. Специфика момента зимой — весной этого года, на мой взгляд, состояла в том, что партия начала передачу власти Советам, а там сидели люди, не способные эту власть принять.

Митинги, демонстрации — все это сегодня демократическая норма государства, и хорошо, что она у нас есть. К сожалению, организаторы массовых выступлений на часы не смотрят: а время ли бить в колокола? Не станет ли трудящимся еще хуже? Экономика у нас жесткая: события гремят где-нибудь в Армении, Азербайджане, Молдавии — трясет в Ленинграде. Из-за недопоставок комплектующих изделий мы едва вытянули план 1989-го, да и сегодня работаем тяжело.

Мы и с Прибалтикой как сообщающиеся сосуды. Откуда в Ленинграде паспортная система торговли? Ее сначала наши соседи ввели. Бурлит, бунтует Литва — радости мало. Ведь Прибалтийские республики поставляют нам мясо, там расположен ряд крупных промышленных предприятий всесоюзного значения, связанных с нами договорными обязательствами. Зато к нам оттуда валом и бесперебойно поступает другая продукция: газеты, листовки, инструкции и пособия, где разъясняется, как организовывать и проводить на предприятиях Ленинграда забастовки. Частые гости у нас и прибалтийские эмиссары, с их участием проходят встречи и консультации представителей народных фронтов и движений...

— Теперь-то, думается, можно расшифровать природу «нерешительности» Горбачева и оценить тактику Генерального секретаря, почему он «тянул с отменой» 6-й статьи, за что и вызвал на себя шквал критики оппонентов. Так ведь Михаил Сергеевич выигрывал время, чтобы КПСС успела перестроиться для действий в условиях многопартийности. Как вы думаете, Борис Вениаминович, есть ли в проектах Платформы ЦК и нового Устава та идейная и организационная сила, которая остановит отток коммунистов из партии?

— Надеюсь, Платформа и Устав свое дело сделают, хотя, считаю, они предлагают далеко не исчерпывающий перечень мер для преодоления кризиса в партии. В 1989 году у нас здесь, в Ленинграде, сдавали свои партбилеты люди в основном случайные: мальчики из ПТУ, студенты, зеленая молодежь. За ними — пенсионеры, потом те, кто обнаружил свое внутреннее несогласие с КПСС. Не задержались и скрытые карьеристы. Последним ныне никакой выгоды быть коммунистами: никто уже ни привилегий, ни должностей не обещает.

Ладно, все это можно объяснить и стерпеть. А вот когда в декабре — январе с КПСС стали прощаться рабочие высокой квалификации, ИТР, люди, которые в недавнем прошлом входили в состав партийного актива города и области, тут мы поняли: начались существенные потери. То цена промедления — демократизация в КПСС отставала и отстает от стремительного продвижения демократизации общества в целом.

В обком я пришел, когда вовсю звучала критика консервативного аппарата, мне думалось, с ходу смогу реорганизовать его структуру, преодолеть отчуждение этой надстройки и рядовых масс коммунистов. Но оказалось не все так просто. Мы упразднили отраслевые отделы, передислоцировали кое-какие силы, осмотрелись,— по сути, остался тот же самый неповоротливый обком.

Сейчас, в преддверии предстоящей в Ленинграде отчетно-выборной конференции, многие секретари обкома, горкома, райкомов, заведующие отделами сникли и ослабили работу. Они озабочены своим будущим. Я был со своими товарищами честен и откровенен. Я говорил им: вы видите, какая обстановка на улицах, в обкоме предстоит новое сокращение, думайте, как будете жить дальше.

Партийная работа теперь не каждому по плечу, в условиях многопартийности определенно нужны кадры особой выучки. Надо иметь не только гибкий ум, четкие нравственные принципы, лошадиное здоровье, но и мужские качества — быть в хорошей физической форме и просто смелостью обладать, если хочешь послушать, что там, допустим, Гавриил Харитонович Попов произнесет на воскресной проповеди перед народом. Поэтому кое-кого из партийных работников мне искренне жалко...

II. ВЫДВИЖЕНЕЦ ГОРБАЧЕВА?

— Борис Вениаминович! Выдвижение вас летом прошлого года на пост «первого» в Смольном стало в определенном смысле сенсацией — и в нашей стране, и за рубежом. Что удивило. В коридорах власти, да еще в такой роли, предстал человек, до этого не работавший ни в партийных, ни в советских органах. Зрелый муж, прежде не знавший вкуса хлеба партаппаратчиков и соблазнившийся на этот хлеб в тот момент, когда престиж партийного деятеля в обществе резко упал. По анкете: ученый-химик, член-корреспондент АН СССР, руководитель крупнейшего в Ленинграде и в стране научно-производственного концерна «Технохим». По критериям номенклатурных игр — «человек со стороны». Западные радиоголоса и средства массовой информации тут же принялись судить-рядить: что за фигура этот Гидаспов, почему именно на нем остановил свой выбор Горбачев? В самом деле, почему и как?

— Прежде всего в коридорах Смольного я далеко не новичок. Как руководитель, связанный с большой хозяйственной работой, не раз избирался членом Ленинградского обкома КПСС, а в декабре 1988 года был даже выдвинут в члены бюро обкома. Знал лично первых секретарей, начиная от Толстикова и кончая Соловьевым, и они знали меня.

В Ленинграде стало известно, что первый секретарь обкома Юрий Филиппович Соловьев подал в отставку. Сам он этого, конечно, никому не говорил, но уж такое у нас свойство коридоров — слухи в них разносятся с быстротой молнии. Идет месяц, второй... Когда же я услышал, что к нам прибывает Генеральный и все бюро обкома, в полном составе, едет встречать его в аэропорт, тут уж гадать не приходилось: отставка Соловьева предрешена. И действительно, Михаил Сергеевич объявил нам о цели своей миссии прямо в аэропорту. Наверное, он перед поездкой в наш город изучал, что у него там, «в картотеке», точно не знаю. Мы же услышали от него, что, мол, вопрос выдвижения первого секретаря Ленинградского обкома КПСС — это дело самих ленинградцев, но не москвичей. Лично он никаких кандидатур и предложений с собой не привез. Думайте сами.

Ну, а потом ко мне начали подходить секретари обкома и другие члены бюро: дескать, берись-ка ты, Борис Вениаминович, нести этот крест. Разве я создан для такой роли? Поверьте, я отказывался не из какой-то ложной скромности или желания набить себе цену. Я и вправду чувствовал себя не готовым сменить Соловьева на посту первого секретаря.

— Наверное, в доводах коллег и товарищей не последнее место отводилось тому факту, что вы единственный среди членов бюро, кто победил в труднейшей предвыборной борьбе и стал народным депутатом СССР. Даже Соловьев выборы не осилил. А депутатство сегодня существенно прибавляет баллов к политическому рейтингу первого секретаря, без такого титула он — как сирота.

— Разумеется, все знали и мои деловые качества, не раз видели в бою, помнили, с какими муками я пробивал «Технохим» и добился своего. Что касается этого концерна, руководил я им, собственно, недолго, куда больше времени — около двух лет — ушло на саму его организацию. Дело тогда было новое, я долго не находил понимания ни в Совете Министров, ни в отраслевых отделах ЦК КПСС. Не говорю о министерствах — оттуда на меня обрушилась просто ожесточенная травля, чиновники давили методами экономическими и неэкономическими. В конце концов все закончилось на комиссии Политбюро, и не без участия Михаила Сергеевича я получил «добро». Поверьте, создать фирму с 70-тысячным коллективом, где только работников науки и сферы научного обслуживания 22 тысячи человек,— это непросто.

— Принимая большие решения, мы обычно испытываем муки сомнений. Что-то похожее было и с вами, Борис Вениаминович?

— Мне дали для размышлений сутки. Как же поступить? Я немало поездил по стране по делам институтов нашего объединения и, как правило, добивался нужных мне результатов через обкомы партии. Я же видел: секретари обкомов на процентов 70—80 — хозяйственники, а уже потом работники идеологической сферы, и никуда от этого не денешься. С другой стороны, тонкостей партийной работы я не знал — по Сеньке ли шапка?!

Как отказаться? Я испытывал на себе сильное психологическое давление. А тут еще задели за живое слова Михаила Сергеевича, что, мол, надо «браться за оружие». Словом, согласился. Сама процедура выборов, замечу, мне не понравилась. Кандидатура моя была выдвинута без учета мнений коммунистов рядовых партийных организаций, без серьезного совета с райкомами — строго рассуждая, такие выборы сегодня не могут считаться демократичными. Хотя все по Уставу. Один член бюро обкома уходит, другой занимает его место.

Так я стартовал в Смольном. Но с самого начала твердо для себя решил: следующие выборы первого секретаря обкома должны состояться не на пленуме, а на партийной конференции. И обязательно надо позаботиться о выборах из нескольких кандидатур. Это я, кстати, пообещал, давая интервью прессе и телевидению. И там же обратился ко всем: вы ко мне присматривайтесь — гожусь я для должности первого секретаря или не гожусь.

— Борис Вениаминович! Как утверждают, приняв дела в Смольном, вы вскоре совершили некий тактический просчет. Речь о двух массовых митингах в Ленинграде, состоявшихся один за другим во второй половине прошлого года и получивших в стране широкий и противоречивый резонанс. Ваши политические оппоненты постарались тут же создать вам соответствующую репутацию...

— Слышал, мне приклеили ярлык — «знак вопроса».

— Если бы!.. Критики огласили всюду, где только можно, что, мол, Ленинградскую партийную организацию возглавил консерватор Гидаспов. «Отмыться» от такой славы, извините за термин, Борис Вениаминович, не так-то просто. Тем более что в центральной печати с тех пор никаких сведений о повторении вашего опыта митинговой демократии не было.

— Я выступал на обоих упомянутых вами митингах, и тем, и другим доволен, пусть эти массовые встречи граждан кем-то восприняты по-своему, даже недоброжелательно. Главное, полагаю, они разбудили Ленинградскую партийную организацию. Теперь у нас что ни партийное собрание, что ни встреча секретарей с производственными коллективами, то митинг. Но поскольку никаких скандалов обычно не происходит, то и пресса молчит...

Был я в феврале на одном из московских митингов, дабы послушать, чем там смущает народ мой коллега — депутат Гавриил Попов. Узнали меня граждане неформалы, окружили, прижали так, что несколько страшновато стало: того гляди, сомнут... Но ничего, я калач тертый, когда надо, тоже за словом в карман не лезу.

Я сторонник того, чтобы лидеры партии любого уровня как можно больше общались с народом. И настоящую критику, считаю, надо не на высоких трибунах ловить — это бесполезно, не в газетных фельетонах — тогда уже поздно. Лучше глотать ее на улицах и площадях, которые давно проснулись. Я за общение, которое могло бы прояснить температуру организма общества, а она у нас уже где-то под сорок.

Чего я только не наслушался на недавнем митинге в Ленинграде, когда, взяв в руки микрофон, шагнул прямо в толпу...

— Еще Джон Голсуорси писал: в толпе щепетильность с людей как рукой снимает. Иные люди рассуждают так: сколько лет молчали, хватит — и режут правду-матку, как колуном машут...

— Нам, безусловно, не хватает политической культуры. На массовых встречах раздаются раздраженные выкрики, звучат прямые оскорбления, а то и брань. Но чем лучше этих невоспитанных граждан люди, равнодушные ко всему, пассивные? И я обычно веду себя так, чтобы в условиях уличной демократии не было никаких сомнений, будто кого-то боюсь или от чего-то прячусь.

— А прав ли Б. Н. Ельцин, когда на предвыборной встрече в Ленинграде, отвечая на чей-то вопрос, заявил, дескать, Гидаспов склонен менять свои взгляды?

— Подобный упрек можно адресовать и самому Борису Николае-

вичу, ведь и его взгляды претерпели определенную эволюцию. Жизнь кипит, события развиваются так бурно, что приходится пересматривать свое отношение к иным явлениям даже на протяжении нескольких дней. Не верю я людям, которые отрицают компромиссы в политике. По-моему, у них это от собственной неуверенности, от того, что нетвердо стоят на земле.

Я, например, никогда не был в душе прямым противником создания Компартии РСФСР на Платформе КПСС. Но идею до поры до времени в открытую не поддерживал, поскольку считал: при нынешнем состоянии межнациональных отношений лучше подождать. Стоя на берегу реки, надо посмотреть, куда ты собираешься плыть. Российское бюро оказалось мертворожденным образованием, с ним мы поспешили. И это быстрее меня заметили рядовые коммунисты Ленинграда. Потом я с ними согласился: да, без своей парторганизации республике больше жить нельзя.

Отвечая оппонентам, хочу также заметить: делить людей на радикалов и консерваторов — такая двухкрасочная схема серьезной критики не выдерживает. Зрелый политик, тем более в обстоятельствах плюрализма мнений, быть однозначным не может. Во многих вопросах экономической практики, реорганизации работы структур партии, вплоть до ЦК, я радикал. Но есть проблемы, где считаю себя консерватором и ни от кого этого не скрываю. Некоторые представители интеллигенции «подбираются» к Ленину — как бы его развенчать. К знатокам трудов Ленина я себя не отношу, а вот о его жизни прочитал довольно много, даже книгу Кларка «Ленин без маски», считавшуюся у нас «закрытой». Уважения к Ленину у меня после этого еще больше прибавилось. Выдающаяся личность, отличный организатор, ученый, смелый человек. Пусть его ниспровергатели попробуют хотя бы с месячишко пожить в подполье, а я на них посмотрю.

— И Хрущев, и Брежнев, придя к власти, рассаживали своих людей в центральных органах, они расставляли «свою команду» на ключевых постах в областях страны. По этой аналогии можно вас спросить: «Вы — человек Горбачева?» Все ли вы принимаете в действиях лидера перестройки?

— С Михаилом Сергеевичем мне приходилось беседовать в узком кругу и один на один. Не скрою, стиль его мышления, энергия, эрудиция, манеры — все это производит большое впечатление. Но вместе с тем я не все в нем понимаю — правда, отношу это прежде всего на свой счет...

На мой взгляд, Горбачеву стоило бы действовать энергичнее в вопросах продвижения экономической реформы. Не принесла пока желаемых плодов реорганизация обкомов и структуры аппарата ЦК, а с повышением зарплаты партработникам, мне кажется, мы тоже промахнулись. Народ недоволен, да и деньги все равно не на что тратить.

III. ВОЖДИ И ЛИДЕРЫ

— Борис Вениаминович! Ленинградский обком — крупнейший в стране, и отсюда, как правило, «первые» обязательно «делегировались» в Политбюро ЦК КПСС, в его полноправные члены или кандидаты. Но кто были первые секретари? Толстиков закончил карьеру послом в Китае. Романов — о нем сказать особенно нечего. Зайков в сложной роли в Москве не потянул. Ну, а Соловьев... Мы слышали, он каким-то не очень красивым образом приобрел «мерседес» и за это привлечен бюро Ленинградского обкома к партийной ответственности. Кстати, не было ли его наказание популистской мерой?

— Не думаю. Если бы не строгая оценка бюро, перед Смольным, не исключено, стояли бы возмущенные люди. Окончательное решение по Соловьеву примет объединенный пленум обкома и горкома. Так что, если мы пересолили, нас поправят. Да и сам Юрий Филиппович осознал неэтичность своего поступка, собирается, слышал, отказаться от этого злосчастного и, кстати, изрядно изношенного автомобиля, который он не без помощи «доброжелателей» купил в комиссионном магазине.

— Так вот, продолжая мысль: со времен С. М. Кирова Ленинград, крупнейший интеллектуальный центр страны, больше ни одного Сергея Мироновича партии не дал. Есть ли тут повод для размышлений?

— Я уже отвечал в печати на подобный вопрос. Дело, думаю, не в перечисленных фамилиях. У нас в стране дефект в системе формирования политических лидеров высшего ранга. Начальник смены, начальник цеха, зам. главного инженера — инфаркт. Главный инженер — второй инфаркт. Наконец, в 55—60 лет человек становится директором или вторым, третьим лицом в обкоме. Ну, а дальше?!

Григорий Васильевич Романов, допустим, просидел в Смольном в должности первого секретаря, наверное, лет 15. Он прекрасно знал Ленинградскую область и ленинградскую промышленность, пользовался определенным авторитетом. Имел жесткий характер, управлял. Приехал в Москву, как говорят артиллеристы,— на излете. Чего от него ждать? Ждать нечего. То же и Лев Николаевич Зайков, он ведь главным образом энергию отдал Ленинграду. Будучи генеральным директором объединения «Ленинец», где заслужил Звезду Героя Социалистического Труда, работал первым секретарем обкома. Что он мог после такой «выжималовки» привезти в Москву?!

— А как коммунистов Москвы вел вперед Гришин? Один из нас видел его несколько раз на субботнике в депо Москва-Сортировочная, куда Виктор Васильевич прибывал в сопровождении «девятки». Произносил по бумажке речь, написанную помощниками... Он и другие секретари обкомов больше были похожи на вождей, чем на лидеров.

— Да, ездили они в машинах с особыми номерами, проходили к себе в кабинет через особо охраняемый отдельный подъезд здания обкома. А меня, когда утром приезжаю на работу в Смольный, уже инициативные граждане встречают, в приемной свежая пачка писем лежит...

Многие годы обком партии формировался по так называемому номенклатурному принципу. Среди членов обкома (так, возможно, предписывали негласные инструкции) должно быть такое-то количество секретарей райкомов, такое-то — секретарей парткомов, столько-то мест надо отдать директорам, ученым, писателям, художникам, женщинам, комсомольцам. Номенклатурный принцип раньше срабатывал. Почему? Все очень просто. Обком работал от пленума до пленума — вы это знаете. Хорошо, если ты, член обкома, в течение года выступил раза четыре, ну, два — вот и вся твоя работа. Поэтому можно было совершенно спокойно руководить крупным заводом и быть при этом членом обкома партии.

— Проблема партийных лидеров, Борис Вениаминович, одна из самых важных в политической жизни, и не только у нас в стране. Когда в ФРГ В. Брандт ушел с поста председателя СДПГ, социал-демократы схватились за голову: с кем же во главе им идти на выборы в бундестаг? А когда-нибудь уйдет с поста Генерального секретаря Горбачев — кем заменить?! В памяти у нас еще свежа процедура выборов Председателя Верховного Совета СССР на последнем Съезде народных депутатов. Ни одна из альтернативных кандидатур, выставленных в противовес А. Лукьянову, не получила сколько-нибудь серьезной поддержки...

— У нас мало активной молодежи, которая бы хотела попробовать себя на политическом поприще. Правда, сейчас при всем несовершенстве проведенных в Верховный Совет страны выборов начали наконец «обозначаться» политики до 30 лет и старше. Есть надежда, к 40 годам они наберутся мудрости и себя покажут. Вспомним, на Западе к политическому амплуа людей начинают готовить с детства. Надо и нам, коль мы встали на путь парламентаризма и многопартийности, надо нам тоже создавать свою систему поиска и выдвижения лидеров. Хозяйственных, советских, политических.

«Вождизм», согласен, нам придется изживать. Подавляющее большинство руководителей старой закалки не приучены к нормальному общению с людьми. Трибуны в закрытых помещениях — да. А вот митинги на площадях, открытый микрофон — этого они побаиваются. Меня многому неформалы научили во время предвыборной кампании, когда дискуссии длились по восемь часов: ты один на сцене — в зале сотни человек. Хватало нервотрепки. Знаете, какое условие мне неформалы ставили? Чтобы милиции рядом не было. И я соглашался...

— Под давлением трудящихся в Волгограде, Чернигове, Тюмени ушли в отставку В. Калашников, Л. Палажченко, Г. Богомяков. Последний просидел первым секретарем обкома в своем регионе 17 лет, все руководил — изрядно надоел людям.

— Как научный работник, я убежден — нельзя первым секретарям пересиживать, два срока на их трудном посту — больше чем достаточно. Жизнь настоятельно требует и сокращения сроков проведения конференций: не через пять лет, полагаю, а через три года. Иначе начинается дистрофия власти. Это неизбежно на любых руководящих постах.

IV. ЧЕМ СТРАХУЕТ СЕБЯ ПОЛИТИК

— Борис Вениаминович! Вас не обидит, если мы полюбопытствуем, откуда есть-пошла ваша фамилия?

— Я по национальности русский. У Льва Успенского есть очерк, где проясняется, откуда взялась чуждая русскому уху фамилия Гидаспов. Приобретение то церковное. Был некогда в моей родословной мальчик Саша с барской кличкой Васильев, довольно способный. Его отправили учиться в духовную семинарию. Стал выпускаться — окрестили Гидасповым, по созвучию с рекой, которая упоминается в Священном писании. В любом городе, где действует духовная семинария, тьма-тьмущая Гидасповых, в чем я однажды убедился сам, открыв справочник Ленинграда. Мать Смирнова. Женат, сына имею, который в профессии пошел по моим стопам и много времени проводит на полигонах — оттуда его за уши не вытащишь.

— Вы, Борис Вениаминович, выезжали — очевидно, как ученый-химик — в Чернобыль в самую горячую пору аварии на АЭС. Не «нахватались» там?

— Нахватался, не без этого.

— Дали награду?

— Все ордена мною получены за разработку конкретных образцов оборонной техники. На днях вручили значок с удостоверением: Гидаспову — за освоение космоса. Спасибо, производственники не забывают. Вообще-то я не «чистый» химик, моя специальность — боеприпасы. Если точнее, химическая физика, стык наук, требующих знаний химии и химических технологий, вооружений и многого другого. Работал в основном в закрытых организациях по закрытой тематике, у меня одних изобретений больше двухсот, и многие образцы оборонной техники, в разработке которых я принимал участие, пока еще не попали под конверсию, служат.

Вы интересовались, как и почему я подался в политику. Есть такие понятия, как долг и совесть, слышу их зов, знаю их смысл. Да и жилка у меня такая — люблю браться за совершенно новые дела. С самого начала жизненного пути так. Заведовал кафедрой в технологическом институте, был деканом, удостоился звания почетного профессора в том же Ленинградском технологическом. Создавал на базе высшей школы производство, возился с концерном — все было.

— Когда все успели?

— Мне 57 лет. В 31 год защитил докторскую диссертацию, очень скоро стал профессором, а в 35 был уже главным конструктором. К 45 годам считался вполне нормальным хозяйственным руководителем.

— С переходом в обком партии науку — побоку?

— Работа первого секретаря — это должность, профессия у меня совсем другая. По возможности и в моем нынешнем положении я стараюсь профессиональные навыки сохранить. Трудно, зашиваюсь со временем, но работаю над книгой, занимаюсь с аспирантами, продолжаю сотрудничать с Ленинградским научным центром, где исследуются экологические проблемы Ленинграда. Лимит времени — это одно, главное, окунувшись в политическую борьбу, я лишился той жизненной уравновешенности, что необходима человеку для занятий наукой.

— Утверждают, Борис Вениаминович, что наша жизнь в последнее время заметно политизировалась, всколыхнула даже прослойку закоренелых обывателей — и они жертвуют своим сном, наблюдают по телевизору до утра за ходом дебатов в парламенте страны.

— Полноте, степень политизации населения мы явно переоцениваем. Когда я встречаюсь со своими избирателями, только единицы из них интересуются, скажем, законами о собственности, печати, земле. На встречах иногда меня, правда, спрашивают, как я отношусь к частной собственности. Отвечаю, что против, но если разрешить ее в ограниченных размерах с запретом эксплуатации человека человеком,— с этим, пожалуй, смирюсь. Чаще людей интересует, станет ли стабильно работать промышленность, появятся ли на прилавках магазинов товары, прокормит ли себя страна. Не очень-то я много питаю надежд на перспективы развития фермерства в нашей области. И климат не тот, и традиций нет. Я бы просто роздал землю людям, предусмотрев при этом антимонопольный закон и нормы собственности, которые оградят нас от «помещичьих хозяйств».

Депутатские приемы граждан нередко затягиваются до полуночи и позже, и далеко не всем людям я в состоянии помочь, так как их просьбы-запросы в основном связаны с получением жилья. Многие граждане действительно живут тесно и неустроенно, а что делать? Нам бы «блокадников» переселить из коммуналок в квартиры. В городе существует 16 типов очередей на получение жилья. 16!

— В стране ходят по рукам ксерокопии тестов, где изложены предсказания популярных астрологов, мужа и жены Павла и Тамары Глоба. По их расчетам, Ленинграду в скором времени вроде бы дарована судьба региона экономического благоденствия. Как ученый и человек, верите ли вы, Борис Вениаминович, во все те чудеса, которые сегодня на устах миллионов наших сограждан: колдунов, прорицателей, ясновидцев?

— По характеру и образу мышления я отношу себя к людям здравого смысла. Из-за своей занятости я не видел ни одного телевизионного сеанса Кашпировского или Чумака, да и любопытства к их чудотворчеству, честно говоря, не испытываю. Воздействие человека на человека — прием известный, им пользовались люди с сильной волей с древних времен. Если обратиться к истории цивилизации, то выясняется, что мистика, чудодействие, прорицательство овладевали умами людей в эпоху государственной нестабильности и на этапах переломного общественного развития. В дни Февральской революции по России гремело имя Распутина...

— Завершая разговор, вернемся к дням нынешним с их сложной социально-политической обстановкой, когда даже серьезный политик, не рассчитав шаги, может «сгореть». Вдруг, Борис Вениаминович, однажды к Смольному придут граждане и потребуют вашей отставки?

— В политику, где всегда есть взлеты и падения, человеку нельзя приходить голым — без профессионального багажа и тыла. Когда бывает трудно, я вспоминаю, что у меня за плечами 30 лет научного стажа, изобретения, построенные на основе их образцы машин и звание почетного профессора. И тогда я чувствую себя человеком состоятельным, независимым ни от Москвы, ни от «низов». Придется уйти — что ж, буду переживать, поскольку человек я самолюбивый и не привык сдаваться так просто. Случится — переживу. И пойду преподавать, потому что, надеюсь, в вуз меня на работу возьмут...

Думаю, нам предстоят тяжелые годы политической борьбы и борьбы взглядов, становления экономической системы государства, а надежных рецептов в руках опять не имеем. Ситуация сегодня требует от политических руководителей фанатического отношения к себе, аскетического образа жизни. Но при всем этом каждый политик еще — избранник судьбы или неудачник...

Смольный, 26 марта 1990 г.

МНЕНИЕ ОППОНЕНТА

КТО КОМАНДУЕТ В СМОЛЬНОМ?

Юрий ПОМПЕЕВ,
писатель

Не изгладился в памяти за год тот совместный пленум Ленинградских областного и городского комитетов партии, собравшихся через три дня после первых свободных выборов 26 марта. Для меня, новичка (я четвертый месяц состоял кандидатом в члены обкома, да и партийный стаж мой приближался к четырем годам, к возрасту перестройки), это заседание представлялось историческим. Только что схлынули волны предвыборной агитации, накал страстей вокруг станции метро доходил до таких частушек:

Мы не слуги Соловьева,
Мы — хозяева страны.
Кандидаты от обкома
Нам и даром не нужны.

Но перенесемся в зал имени К. Маркса в левом крыле Смольного на первый после выборной кампании пленум. Наступал назначенный час, а длинный стол президиума пустовал. Выглядело это непривычно. Все члены бюро обкома и горкома сидели в первых рядах, и было непонятно, что же сейчас произойдет: ведь шесть членов бюро обкома, добрая половина, выдвинутые кандидатами в народные депутаты СССР, потерпели поражение на выборах. Юрию Филипповичу Соловьеву не помогла даже предпринятая им поездка в городском автобусе в район села Рыбацкое.

Наконец Соловьев поднялся, он был в траурном черном костюме и горестно-белой рубашке с галстуком. За ним привычно, но без прежнего энтузиазма понуро двинулись на сцену остальные, кому положено.

И мало кто обратил тогда внимание на седьмого члена бюро обкома, баллотировавшегося, как и Соловьев, в своем округе без соперника, но тем не менее добившегося доверия избирателей,— Бориса Вениаминовича Гидаспова. Никто его с избранием не поздравил. Он действительно держался как бы в тени, как бы виноватясь оттого, что стал народным депутатом СССР. Они не стали, а он — стал.

Так что «вычислить» возможного претендента на лидерство в Смольном было несложно. Возможно, и сам Соловьев, перешагнувший к тому времени пенсионный рубеж, в уме или в списке резерва держал Гидаспова, введя его в декабре 1988 года в состав бюро обкома.

Некоторые партийные первички, несмотря на доверие руководству, избранному конференцией три месяца назад, все же бурлили. В начале апреля мне пришлось выступать в своем районе перед социологами. Они ставили вопрос прямо: Соловьеву нужно уходить. Но кто придет ему на смену? Лидера подходящего не видно. А кто рвется к власти, тем доверять нельзя.

Я тогда ответил: существующие формы партийной работы не дают возможности коммунистам проявить себя, перспектива настоящих выборов на XIX партконференцию перечеркнута была инструкцией ЦК, дискуссия в партии откладывается, хотя могла начаться еще в ноябре 1987 года, после отставки Б. Н. Ельцина. Вот и получается, что плохо мы знаем своих товарищей да и собственные возможности. И спросил социологов: а почему, к примеру, не может стать первым секретарем обкома Борис Гидаспов? Настоящий ученый и крупный организатор промышленности, знакомый с коридорами власти, не может не быть и политиком. Чем черт не шутит...

В июле прошлого года, когда именно этот выбор состоялся, я находился в Чехословакии и с волнением следил за забастовочной волной наших горняков. Сведения, правда, приходилось черпать из передач не местного, а западногерманского телевидения, наши газеты запаздывали на неделю. Но все, что относилось к визиту М. С. Горбачева в Ленинград, чехословацкие идеологи передавали исправно.

Заинтересовало первое же интервью Б. В. Гидаспова и поставленная им перед собой и аппаратом Смольного задача: поднять активность коммунистов Ленинграда и области. Благое и необходимейшее дело. Но как?

Дальнейшие события показали, что новый лидер оказался в плену у аппарата. Он не попытался даже поднять активность вверенных ему выборных комитетов — обкома и горкома. Встречаясь с руководителями творческих союзов города, Борис Вениаминович не пригласил в Смольный секретарей парткомов этих организаций, хотя и слепому было видно, что там уже наметилась известная конфронтация между секретарями партийных организаций и руководителями союзов. Где, как не в Смольном, об этом и поговорить.

Поражала поспешность многих решений, начиная от исключения из КПСС Ю. Ф. Соловьева и кончая передачей воссозданного журнала «Ленинград» под эгиду Леноблгорсоветов. Последнее постановление бюро обкома фактически перечеркивало решение секретариата ЦК от 24 октября 1989 года о журнале «Ленинград» как органе Ленинградской писательской организации. Неужели нельзя было предварительно посоветоваться с идеологической комиссией обкома? На худой конец с тремя писателями, входящими в состав обкома и горкома? Сейчас Борис Вениаминович объясняет решение бюро обкома расколом в писательской организации города. Правильно, раскол произошел, но писатели-то не исчезли. Почему было не обсудить такой вариант: пусть «Ленинград» станет органом обеих писательских организаций — и городской, и областной? Где, как не в Смольном, консолидировать литературные силы, где, как не в Смольном, думать о возможности редактора, стоящего вне группировок?

Эти примеры, казалось бы, частные, повествуют об одном: аппаратные, келейные методы принятия решений в Смольном продолжались при Гидаспове, как и при его последних предшественниках. Забота о поднятии активности партийных низов с его горизонта исчезла.

А ведь история нашего города знает другие, оправдавшие себя приемы убеждения масс. Так было в апреле семнадцатого, когда за тезисы Ленина, вернувшегося из эмиграции, высказались поначалу лишь два члена Петербургского комитета РСДРП(б). Как поступает Владимир Ильич? Революция — вещь трудная. Что делать? «Разъяснять,— говорит он товарищам.— Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс». Ленин идет в рабочие районы, выступает на митингах и собраниях по два-три раза в день.

Была ли полная уверенность в успехе у партии, находившейся в Советах в меньшинстве? «Ничего не поделаешь,— растолковывал Владимир Ильич.— Нам остается лишь разъяснять терпеливо, настойчиво, систематически ошибочность их тактики».

Другой пример — январь 1926 года. Оппозиционная буза зиновьевцев в Ленинграде. Что делает С. М. Киров? «Мы пошли по большим заводам и начали опрокидывать коллективы,— сообщает он в одном из писем Серго Орджоникидзе.— Губкомщики и райкомщики лезут на стену, они хотят, чтобы мы их разогнали. Мы же думаем, что это нарушило бы основные правила демократии».

Нынешние «губкомщики и райкомщики» в основном все-таки держатся за кресла, хотя есть и те, кто подыскивает себе другую работу. И правильно делают... Не могу забыть, как при чтении моей рукописи о Кирове (было это в 1985 году) один из тогдашних идеологов

Смольного испещрил ее карандашными возмущениями, в том числе и в адрес высказываний самого Сергея Мироновича. Напротив фразы из письма: «Сегодня взяли «Электросилу» — идеолог пометил: «Это что, Бастилия?» В Смольном забыли, что значит убеждать людей, переводить их в свою веру. А не мешало бы вспомнить об этом...

Менее трех месяцев хватило Кирову, «ставленнику Москвы», чтобы добиться признания питерских коммунаров после его многочисленных, как тогда иронизировали, «кир-р-ровых побед» на митингах и рабочих собраниях.

Что же почувствовали ленинградцы в Кирове прежде всего? Искренность, открытость, практический ум, хозяйственную сметку, твердую руку и светлую голову. Он говорил людям то, во что сам глубоко верил, не обещал невыполнимого: выше головы не прыгнешь.

Мы почему-то не хотим вспоминать, что сегодняшняя структура и специализация основной ленинградской промышленности сложилась в конце 20-х годов. Созданы были и новые ее отрасли, назову хотя бы химическую промышленность, Б. В. Гидаспову наиболее близкую, которой Россия практически не имела.

За девять лет работы Кирова в нашем городе были выстроены десятки первоклассных тогда домов и дворцов культуры. А за 35 лет после — лишь один театр и один Дворец культуры.

Вот на какие деяния был направлен партийный компас, определявший содержание, формы и размах партийной работы, притягивавшей людей к Смольному. Кто сегодня мешает этому?

Почему я столь подробно ссылаюсь на Кирова? Потому что в истории нашей парторганизации он был наиболее яркой личностью, общепризнанным и бесспорным лидером. И еще потому, что на собрании актива в Таврическом дворце 19 августа прошлого года мне вдруг показалось, что ленинградские коммунисты могут обрести нового лидера в лице Б. В. Гидаспова. Каждому, думаю, бросались в глаза его энергия, напор, натиск, как и самообладание, хорошая физическая форма — все данные для успешной работы. Он выступил с ярким докладом, выглядел, пожалуй, самым живым человеком в президиуме. Особенно вдохновенно прозвучало его заключительное слово, краткое, точное, взвешенное. А за ним была прочитана вялая, тягучая резолюция, за которую лично мне не хотелось голосовать.

Стал вполне ясен разрыв между возможностями самого Гидаспова и тех работников аппарата, которых он получил в наследство еще с романовских времен, назвав их любовно «трудящимися Смольного». Стало вполне очевидно, что он решил прокладывать курс с тем же экипажем. Конечно, быстрая смена помощников не всегда оправдана: необходимо присмотреться к каждому. Но выдержка эта у нас сильно задержалась, как, впрочем, и на самом верху, в Политбюро. Потерять право командовать, уйти с арены дружными рядами никто, к сожалению, не хочет, хотя с разных сторон звучат претензии к ответственным товарищам, оказавшимся на поверку мячами без воздуха: пора отвечать персонально, куда вы завели партию.

Гидаспов подобных претензий ни к кому в Смольном не предъявил. Стало ясно, что его, непрофессионального аппаратчика (в отличие от М. С. Горбачева), как раз аппарат и будет подставлять...

Дальнейшие события подтвердили сполна эти опасения. Ленинград включался в политическую жизнь все активнее, а Смольный уже во главе с Гидасповым продолжал устранять из борьбы за перестройку инакомыслящих, полагая, что они не в достаточной для партии весовой категории.

В рабочих же коллективах зреет недовольство: обещаниям люди верить перестали. Гидаспов, правда, выбирается на Кировский завод, смело выступает в цехе на митинге, но ни на одном крупном партийном собрании ни один из секретарей обкома и горкома не присутствует и не выступает. Ситуацию в руках они не держат. Не знаю, устраивает ли Гидаспова сложившаяся система отношений в Смольном. Здесь три категории питания (секретарь не может оказаться за одним столом, скажем, с инструктором, а тем паче с выборным членом обкома, кастовость соблюдается скрупулезно). Здесь выработка решений происходит в узком кругу секретарей, где мнение первого по-прежнему закон — кто посмеет не исполнить твою просьбу или поручение? При этом цель партийной работы — чтобы людям становилось жить лучше — как-то уходит на задний план: с бумагами, понятно, работать легче, чем с живыми людьми. Бумага податлива, люди — нет.

Сложившиеся рутинные формы заслоняют содержание, суть партийной деятельности. Почему же? Ведь столько времени перестройке...

Думается, даже революции «сверху» опасны аппарату, если он не в состоянии удержать народную инициативу в приемлемом для себя русле. А трудом своим, инициативой, убежденностью завоевывать доверие людей многие «трудящиеся Смольного» за десятилетия комфортной жизни попросту разучились. При таком неумении постановления аппарата становятся всегда дороже золота. Они, эти искомые слова и мысли, могут быть почерпнуты лишь в живой жизни за стенами Смольного, в первичных партийных организациях, в открытых спорах и разногласиях. И, лишь почерпнутые там, помогут, после анализа ситуаций, выработке стратегии и тактики партии, предупредят возможные повороты событий.

Борис Вениаминович, попавший в административный капкан Смольного, сможет вырваться из него лишь тогда, когда в своей команде обретет самостоятельных и независимых людей, привлечет на свою сторону лучшие умы города, а не угодливых и послушных исполнителей, оплаченных за это спецпривилегиями. Гидаспов так и не переломил себя, в полном отказе от этих самых спецблаг оглядываясь, наверное, на высшие власти в Москве. Настоящий лидер должен был это сделать, хотя бы учитывая индивидуальный опыт Ельцина. Угодить и тем, и другим — номенклатурщикам и народу — не удастся. Как не удавалось никому в истории усидеть одновременно на двух стульях.

Открытость партии без такого отказа невозможна, как невозможен поворот к человеку без каждодневного общения партийного руководителя с этими «человеками» в их непосредственном жизненном кругу, а не на активах и подготовленных кем-то встречах. Иначе откуда взяться искомому партийному товариществу?

И, наконец, о двух приснопамятных митингах в Ленинграде. После первого, прошедшего под девизом «Есть такая партия», мне звонили из Прибалтики со слезами в голосе — там уже полтора года не могли у себя произнести громко: Ленин, партия, социализм. То, что в Ленинграде звучало как голос консерватизма, для наших соседей оказалось левым радикализмом. Хотя незнание аппаратом Смольного настроений подавляющего числа ленинградцев оказалось для этого митинга губительным.

Второй митинг, организованный Народным фронтом, задумывался как митинг протеста. И выступление на нем Б. В. Гидаспова этот «протест» как бы снивелировало, хотя и вызвало крики: «В отставку».

Порицать Бориса Вениаминовича за это у меня рука не поднимается. Митинг — трудная школа для политического деятеля и опасный инструмент в политической борьбе. Одно ясно: Гидаспов сумел овладеть вниманием значительной толпы и показал себя бойцом, не привыкшим отступать. Достаточно сказать, что М. С. Горбачев на митингах не выступает. Ельцин, по собственному признанию, их недолюбливает. Это понятно: на митингах не ищут парламентских выражений, могут даже скинуть с трибуны. Но это испытанная большевистской партией в годы революции форма борьбы за большинство, где не может быть лишних слов, позволительных в кабинете, где мысль находит отточенную, как кинжал, форму. Но для успеха лидера, помимо митинговой закалки, марксистско-ленинской культуры и политического чутья, необходимо повседневное скрепление слова и дела, понимание того, говоря словами Ленина, «что народ сознает». То есть кто мы, куда идем и кем станем?.. А время рассудит, кто более матери-истории ценен.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Я не понимаю, что такое «молодежная политика». Более того. Не понимаю, что такое «сильная молодежная политика», хотя слова сказаны с такой трибуны, что их необязательно понимать, достаточно цитировать. Раздражает некоторая абстрактность постановки абстрактных «проблем» абстрактной «молодежи». Раздражает сама формула «удовлетворение общественно значимых потребностей молодых людей», получившая хождение по сотням докладов. Бесплодны великие споры, «кого считать молодежью». Бесперспективны попытки выцарапать из госбюджета «деревянные» миллионы на «удовлетворение первоочередных нужд тех, кто только вступает в жизнь». Во-первых, из-за того, что в разоренном обществе решить проблемы не находящейся у власти социальной группы невозможно, а во-вторых, потому, что нет — уверен! — «молодежи».

Есть молодость.

*У каждого — своя. У каждого — разная. У каждого — со своими синяками, скамейками первых поцелуев и своими возможностями. Вот это слово — **возможности** — и кажется мне ключевым.*

Заметьте: детям очень часто покупают вещи на вырост. Это от бедности, но все равно обидно. Как бы не на тебя рассчитывают, а твое будущее гарантируют, до которого надо дорасти, чтобы плечи стали впору. А когда и вправду размеры сходятся, то уже и радости нет.

Ориентация на будущее, на льготы «от выслуги», на то, что сейчас «еще молод» (возрастной ценз — что «пятая графа»),— это беда не столько слабого законодательства, о чем спора нет, сколько общественного сознания, где эти догмы закреплены.

Вопрос реализации способностей, реализации себя, на мой взгляд, первостепенен. Это вопрос трагичного превращения работы (любимой!) в трудовую занятость...

В принципе сказанное абсолютно не ново. «Снятие» проблем упирается, как всегда, в отсутствие средств.

Но есть вопросы, которые можно и стоит решать прямо сейчас, а не вплоть до 2000 года.

Необходимо позволить всем учиться во всех вузах, независимо от прописки и партийности.

Необходима профессиональная армия. И потому, что ненормально восемнадцатилетнему человеку охранять «зоны» и ночью «брать» Баку, и потому, что надо спасти два года для книг и работы.

И последнее: я не верю в «законы о молодежи» и финансовые операции народившихся банков или ЦК ВЛКСМ — ни то, ни другое молодости не продлит и всем доступным не будет.

А уж если говорить о том, что действительно нужно молодым, так это жилье.

Д. МУРАТОВ
Москва

В промышленности примерно треть и в сельском хозяйстве около 60, а на фермах более 80 процентов работающих заняты ручным трудом. В этих же сферах экономики, как показывают социологические исследования, в полную силу трудятся едва ли треть всех работников. Господство уравниловки привело, в частности, к тому, что оплата сложного труда инженерно-технических работников часто ниже оплаты простого труда рабочих.

По самым осторожным оценкам, избыточная занятость в народном хозяйстве составляет не менее 10 миллионов человек. Однако если учесть только потери в агропромышленном комплексе (около 60 миллиардов рублей), сверхнормативные товарные запасы и объемы незавершенного строительства (примерно 200 миллиардов) и то, что в лучшем случае треть занятых в основных сферах народного хозяйства работает в полную силу, тогда счет работников, делающих ненужную, порой даже вредную работу или имитирующих занятость, может исчисляться не десятью, а примерно пятьюдесятью миллионами. Для сравнения: в 1987 году во всех развитых капиталистических странах мира насчитывалось 28 миллионов полностью безработных. 50 миллионов — это почти половина занятых в нашей стране в сфере материального производства работников.

Думаю, что именно в этом явлении одна из основных причин дефицита государственного бюджета страны. Ведь получая только зарплаты 100 миллиардов рублей в год и не производя соответствующего товарного эквивалента, эта армия «занятых» порождает комплекс проблем: от неэффективности хозяйственного механизма до низкого уровня и качества нашей жизни.

Александр ЕГУРНЕВ,
кандидат экономических наук,
Москва

В № 12 «Родины» за 1989 год был напечатан мой материал «Свобод российских не понять...» об Особом журнале Совета Министров России за 7—8 июня 1906 года. Из-за редакторских сокращений в тексте оказались допущены несколько грубых неточностей.

*Во-первых, Особые журналы не велись на заседаниях Совета Министров, а составлялись **после**. Во-вторых, в опубликованном тексте говорится, что когда Николай II ставил в левом верхнем углу первого листа журнала знак рассмотрения %, журнал утверждался и становился законом Российской империи. Это неверно. Знак рассмотрения означал только, что царь прочитал документ и не высказал к нему никакого отношения. Чтобы предложения Совета Министров стали законом, нужна была царская воля, ясно выраженная в положительной резолюции. Неточно также, что депутаты Думы не имели законодательной инициативы. Наконец, из-за сокращений в статье отсутствует указание на исключительную роль С. Ю. Витте в разработке правовых актов революционного времени, в частности, на то, что именно Витте был автором проекта создания объединенного правительства России, постоянно действующего Совета Министров.*

Прошу опубликовать эти уточнения в вашем журнале.

Белла ГАЛЬПЕРИНА,
кандидат исторических наук
Ленинград

АРХИВАРИУСЫ ИЗ НКВД

Об одной несостоявшейся сенсации

Совсем недавно в архиве были обнаружены два не совсем обычных документа. Первый из них, датированный 31 августа 1937 года, представляет собой записку тогдашнего наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова, направленную им И. В. Сталину. Вот ее текст.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю вам подлинное письмо ЧЕРНЫШЕВСКОГО. Это письмо было обнаружено в одном из дел УНКВД по Якутской АССР.

Очевидно в аппарате УНКВД находилось дело ЧЕРНЫШЕВСКОГО, которое было использовано для черновиков.

Попытка обнаружить в других делах, а также в архиве, каких-либо остатков этого дела, результатов не дали.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР ЕЖОВ

31 августа 1937 года № 59540»

К записке был приложен небольшого формата листок желтоватой бумаги: старой, потертой, как говорится, видавшей виды. На одной стороне листа черными чернилами было написано упоминаемое Ежовым письмо Чернышевского жене — Ольге Сократовне Чернышевской.

«27 июня 1667 г. Александровский завод

Милый друг, Олинька,

Недели две тому назад я переселился жить на квартиру. Проезжая через Александровский завод, Ты, быть может, заметила домик, стоящий прямо

ЧЕРНЫШЕВСКІЙ ВЪ СИБИРИ

XIII *).

Книга «Чернышевский в Сибири» (СПб, 1913), в которой помещено факсимиле письма Н. Г. Чернышевского к жене.

Ольга Сократовна Чернышевская.

против комендантского дома; он принадлежит одному из дьячков здешней церкви. Я живу теперь у этого стврички, в этом домике. По одну сторону сеней помещается хозяин со своим семейством; по другую сторону, окнвми на улицу, моя комнатв. Она очень чиста; довольно великв.— Вообще, я доволен своим нынешним образом жизни.

Впрочем, уже до перехода на квартиру, я жил в Александровском заводе удобнее, нежели как Ты видела меня живущим в Кадае.

Здоровье мое остается прежнее. Не беспокойся о нем. Заботься только о своем.

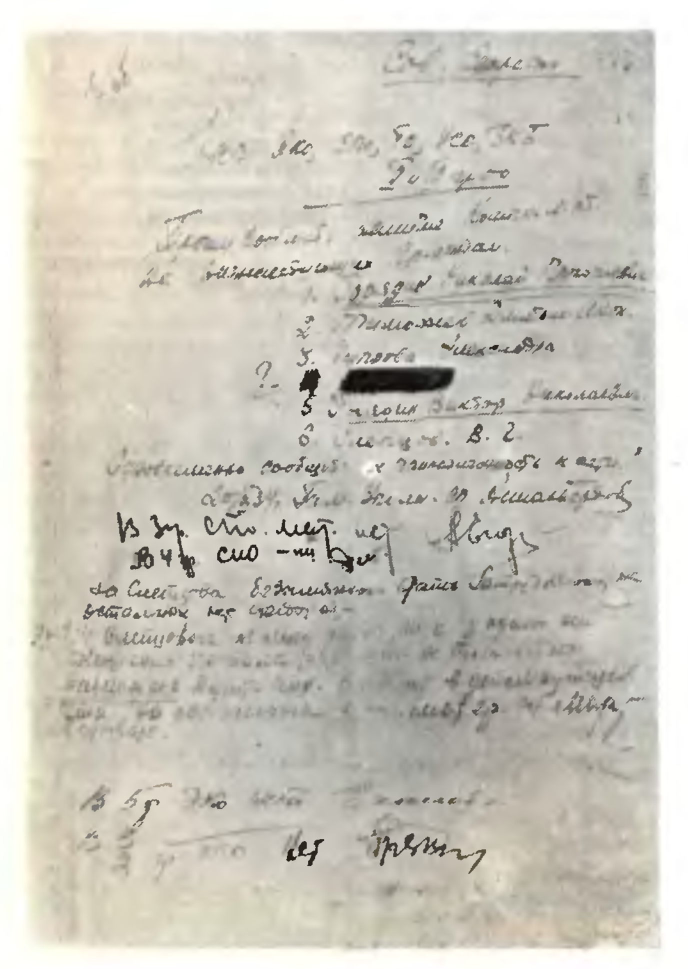
Я получил Твое письмо от 21 марта. Блвгодарю за него.— Также, я получил книги (и сигары), которые были мне посланы весною. Прошу, пусть будут мне присылаемы книги и журналы, русские и иностранные (журналы, в не газеты). Адрес: такому-то, в комендантское управление.— Пятьсот рублей на имя мое получены здесь на днях. Этих денег достанет мне очень надолго.

Целую детишек. Крепко обнимаю Тебя, мой милый друг. Будь здоровенькая и веселенькая.

Твой, Н. Чернышевский.»

Всякий, для кого отечественная история не пустой звук, легко поймет наше волнение. Шутка ли, неизвестное письмо Н. Г. Чернышевского, да еще в таком необычном сопровождении! На оборотной ранее чистой стороне письма Н. Г. Чернышевского действительно были видны сделанные бледными фиолетовыми чернилами записи. Разобрать их довольно трудно, но часть строк поддается прочтению.

Оборот факсимиле письма Н. Г. Чернышевского с записями сотрудников НКВД.

«Сов. секретно

Нач. ЭКО, СПО, ТО, УСО, БКБ.

II и III гроо

Прошу сообщить наличие компр. мат. на нижеследующих граждан.

1. Порядин Николай Прокопьевич.
2. Тимофеев Дмитрий Инок.
3. Чупрова Александрв...
(четвертая фамилия густо замазана — Н. М., А. Ч.)
5. Порядин Виктор Николаевич
6. Слепцов В. Г.

Одновременно сообщите их принадлежность к сети.

20/X.34 г. Пом. Уполн. 00 (подпись)»

Далее на том же листе начальники всех этих малопонятных ЭКО, СПО, ТО, УСО, БКБ докладывают о наличии запрашиваемых у них сведений. Одни сообщают, что в их распоряжении компрометирующих материалов на указанных граждан нет, другие приводят сведения типа: «Порядин Виктор Николаевич — сын царского чиновника...» и т. п.

Но так как места для этих сообщений на чистой стороне листа не хватило, то сотрудники НКВД перевернули его и сообщали о «компроматах» прямо поверх строк, написанных великим русским мыслителем и революционером.

Как видно из записей сотрудников управления НКВД по Якутской АССР на письме, они делали их в октябре 1934 г., а записка Ежова датирована, напомним, августом 1937 г. Это значит, прикинули мы, что использованное для служебных записей неотправленное письмо Чернышевского почти три года оставалось подшитым в делах Якутского УНКВД, пока каким-то образом не попало на стол наркома Ежова.

А попало оно к нему скорее всего так. Из Москвы в Якутию приехала какая-нибудь очередная комиссия из Наркомата внутренних дел, которая, просматривая бумаги местного управления, неожиданно наткнулась на это письмо и пришла, надо думать, в изумление. «Да вы что, с ума сошли! — воскликнули, должно быть, московские гости, которые были образованнее своих местных коллег.— Да вы на чем свои писульки пишете? Протрите глаза, это же сам Чернышевский!» Не исключено, что при этом были употреблены и более крепкие выражения, после чего последовало срочное задание: перерыть все имеющиеся в производстве дела, а также архив УНКВД, на предмет отыскания других документов, относящихся к якутской ссылке Чернышевского. Но поиски оказались безуспешными: как сообщает в своей записке Ежов, «попытки обнаружить в других делах, а также в архиве, каких-либо остатков этого дела результатов не дали».

Ну хорошо — нашелся автограф Чернышевского. А что с ним делать? Этот вопрос, конечно же, встал перед теми, кто обнаружил письмо. И решить его в то грозное время, наверное, было не очень просто. Ведь предстояло набраться мужества и доложить «наверх», что в органах НКВД работают люди, которые настолько далеки от истории революционной мысли, что позволяют себе кощунственно покрывать служебными каракулями письмо самого Чернышевского. Не исключено, что кто-то и заколебался: а надо ли ввязываться во все это? Не проще ли — от греха подальше — похерить это письмо, будто его и не существовало вовсе?

Как бы там ни было, письмо Чернышевского оказалось у наркома НКВД. Тому тоже, видимо, не просто было решиться отдать его Сталину. Ну и дураки, скажет, сидят у нас в органах — на письмах революционного демократа доносы пишут! Однако, надо отдать должное «железному наркому», он не дрогнул, передал вождю якутскую находку. Возможно, рассчитывал, что гром, если и разразится, падет на голову его предшественника по НКВД Г. Г. Ягоды: ведь письмо было «использовано для черновиков» в 1934 году, а Ежов сменил Ягоду на посту наркома в сентябре 1936-го...

Вот такой представлялась нам история письма. Оставалось лишь подготовить его к печати, снабдив кратким комментарием. Это не заняло много времени, и через несколько дней материал был подготовлен для журнала. Сомнений не было: мы публикуем подлинное, ранее неизвестное письмо Чернышевского, и тем самым производим пусть небольшую, но безусловную научную сенсацию.

Оглядываясь сейчас назад, мы с ужасом и облегчением думаем: какое счастье, что, прежде чем произвести эту сенсацию, было решено (для очистки совести) посмотреть опубликованные письма Чернышевского в собрании его сочинений. Письмо, оригинал которого был извлечен с запиской Ежова из архивного фонда, оказалось чудеснейшим и непостижимым для нас образом опубликованным в 1949 году в четырнадцатом томе Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского. Вот вам и сенсация!

Но, собственно, что же здесь загадочного? Вероятно, подумали мы, оправившись после вполне понятного разочарования, Сталин велел снять копию с этого письма и отправил ее исследователям творчества Чернышевского, оставив оригинал в архиве. Не мог же он, в самом деле, отдать ученым письмо с автографом НКВД! Уж такие-то «деликатные» вещи он понимал.

Словом, пришли к заключению: опубликована копия, оригинал же находится у нас. Таким образом, читателям можно рассказать о судьбе этого оригинала. Сенсация становится явно пожиже, но тем не менее...

Однако нам захотелось своими глазами увидеть копию найденного в Якутии письма — ту копию, которая, как мы считали, легла в основу публикации 1949 года. Звоним в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, где хранится переписка Чернышевского. Директор архива Наталия Борисовна Волкова подтверждает: да, письмо Н. Г. Чернышевского, посланное 27 июня 1867 года из Александровского завода Ольге Сократовне, у них в ЦГАЛИ.

— Но только почему,— удивленно спрашивает Волкова,— вы говорите о копии письма? У нас не копия, а оригинал — подлинный автограф Чернышевского.

— Не может быть! Вы ошибаетесь!

— Что значит — не может быть? Я отвечаю за свои слова.

— А откуда у вас это письмо?

Волкова объясняет, что письмо вместе с другими документами Чернышевского поступило 14 октября 1941 г. из архива Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове и хранится в одной папке с близкими по времени письмами.

Час от часу не легче! Договариваемся с Наталией Борисовной о встрече, а сами думаем: нет, здесь какая-то ошибка. Вот же он, оригинал — перед нами. Старый, потертый на сгибах листок, четкий, убористый почерк, текст без зачеркиваний и исправлений, с кляксой на слове «Целую...». И записка Ежова... Ну какие могут быть сомнения! Нет, ошибается Н. Б. Волкова. Одно из трех: либо в ЦГАЛИ — копия, заказанная для ученых Сталиным; либо копия письма, снятая царскими жандармами еще в те дни, когда Чернышевский отбывал ссылку; либо, наконец, в ЦГАЛИ действительно находится оригинальное письмо Чернышевского, а к нам попал авторский черновик письма. Последнее, правда, маловероятно: не похоже «наше письмо» на черновик — ни зачеркиваний, ни поправок, да и с какой стати он стал бы писать сугубо личное письмо к жене сначала как черноаик, а потом переписывать набело!

Словом, надо ехать в архив.

Приезжаем. Листаем папку с письмами Чернышевского, поступиашими военной осенью сорок первого года из Саратова. Да, вот оно, это письмо. Точно такое же, как наше. Тот же почерк. Те же отступления на абзацах. Та же самая клякса на слове «Целую». Только бумага другая — лист чуть больше и написано без полей, а все остальное один к одному. Что за черт! Может ли такое быть?

— Как видите, у нас оригинал,— говорит Волкова.

— Но ведь и у нас оригинал,— возражаем мы.— Посмотрите, мы привезли его фотокопию.

— Да, почерк Чернышевского,— соглашается Наталия Борисовна.— Но я пока вижу фотокопию, поэтому ничего сказать не могу. Откуда мне знать, когда и с чего она сделана?

— Но ведь письмо-то то же самое!

— То же самое. Но у нас, в ЦГАЛИ, бесспорный оригинал.

Делать нечего — стали думать, искать объяснения. В конце концов пришли к версии совершенно фантастической (другой придумать просто не могли). Дело, решили мы, обстояло следующим образом. Ежов приносит Сталину найденное письмо. Сталин отдает распоряжение направить письмо в музей Чернышевского, но при этом произносит примерно следующее: «Товарищ Ежов, позаботьтесь о том, чтобы на письме не осталось следов ваших пинкертонов». Тут, естественно, вмиг находится специалист по каллиграфии, который блестяще подделывает почерк Чернышевского, воспроизводит его письмо на соответствующе подобранном листе бумаги — и подделка идет как оригинал в саратовский Дом-музей писателя.

Сам собой напрашивался выход: отдать оба экземпляра письма на экспертизу и таким образом установить, какое из них подлинное, а какое — искусная подделка. Так и решено было сделать.

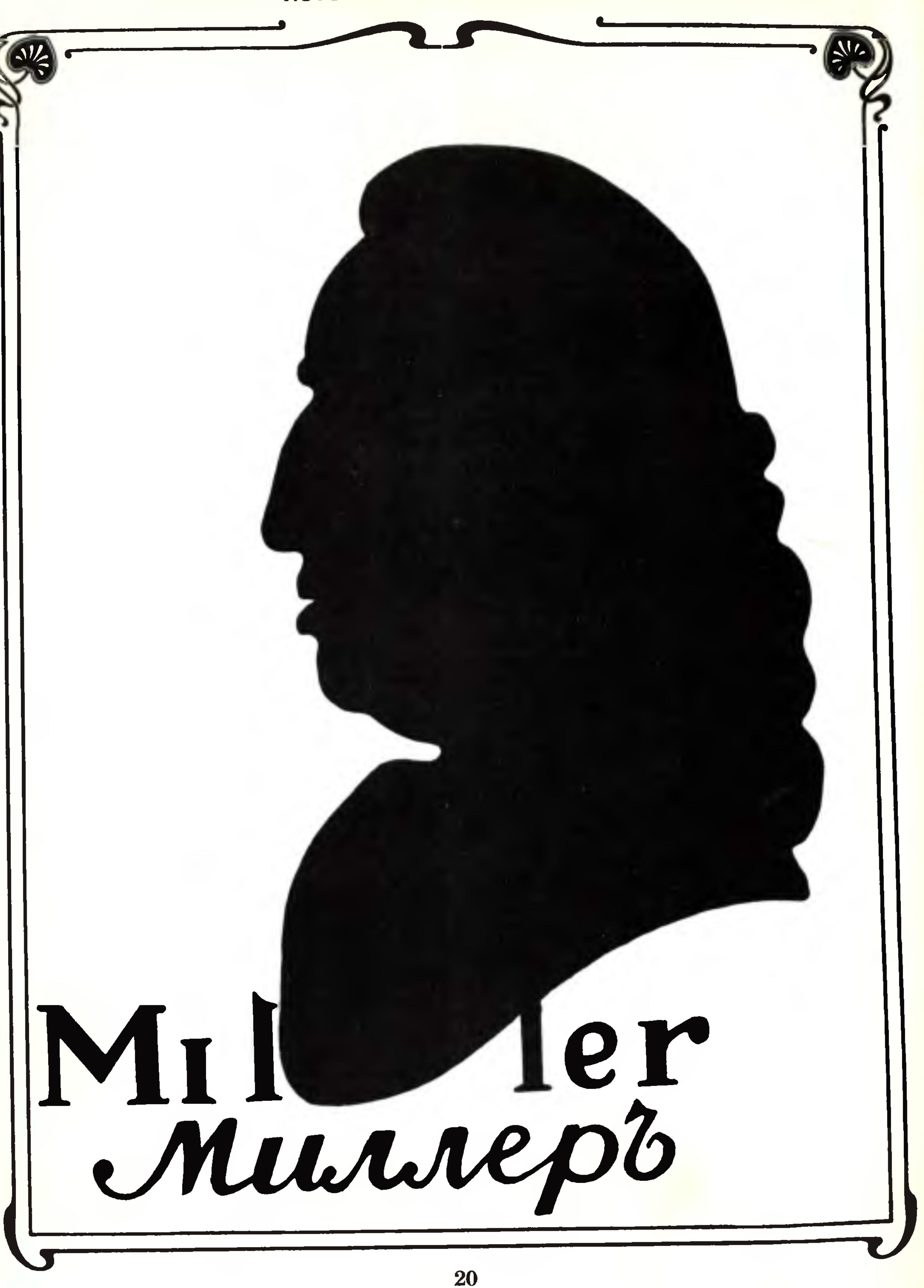
Между тем в течение одного вечера — того самого, когда мы сочиняли историю о подделке письма в тайных кабинетах НКВД,— Наталия Борисовна Волкова легко разгадала мучавшую нас тайну.

Вот эта разгадка, которая заставила нас вдоволь посмеяться прежде всего над собой. Как специалист, Волкова в отличие от нас знала, что первая публикация переписки Н. Г. Чернышевского была осуществлена еще до революции — в двух выпусках книги «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными» (Вып. I, СПб, 1912 и Вып. II, СПб, 1913). Она, естественно, еще раз посмотрела эти книги и сразу же обнаружила «наше письмо». Более того, во втором выпуске переписки, вышедшем в 1913 г., в качестве иллюстрации было помещено факсимильное воспроизведение этого письма, прекрасно исполненное способом фототипии. Вот вам и разгадка. Вырванная из книги, она-то, эта иллюстрация, и послужила для якутских сотрудников НКВД бумажным подспорьем в служебной переписке.

Конечно, отошли Сталин принесенный Ежовым «подлинник» специалистам по творчеству Чернышевского, загадка письма легко была бы разгадана тогда же. Но он по каким-то причинам не сделал этого, и в результате получилось то, что получилось.

Забавный казус? Архивный анекдот? Это как посмотреть.

Николай МИХАЙЛОВ,
доктор философских наук
Анатолий ЧЕРНЕВ,
кандидат исторических наук

РАБОТАЛ ДЛЯ ВЕКОВ В ГЛУШИ...

Он приехал в Россию в 1725 году двадцатилетним юношей, вряд ли подозревая, что в этой далекой незнакомой стране ему суждено прожить более полувека и сделать для русской науки так много, что и двести лет спустя после его смерти ученые будут черпать из неиссякаемого источника его наследия. Звали его Герард Фридрих Мюллер, но в России фамилию стали почему-то писать через «и» — Миллер, а имя превратилось в Федора Ивановича.

Смерть Екатерины I и опала Меншикова, заговор верховников и ссылка Долгоруких, казнь Артемия Волынского и победы в Семилетней войне, свержение Петра III и пугачевщина — всему он был свидетелем и современником. Правда, ко времени шумного ликования по поводу воцарения Елизаветы Петровны Миллер уже несколько лет жил вдали от Петербурга, в Сибири. Нет, сослан он не был. В Сибирь поехал добровольно, в составе академического отряда Великой камчатской экспедиции, возглавляемой знаменитым Витусом Берингом. Миллер ездил по городам и селам, обследуя местные архивы, собирая документы, записывая рассказы старожилов, сведения об обычаях, верованиях, языках коренного населения. Итогом стали капитальный труд «История Сибири» и серия статей по отдельным проблемам, обширная коллекция документов по истории Смутного времени и первые в России работы по этнографии, словарные материалы, по которым сегодня лингвисты реконструируют мертвые языки Сибири и Дальнего Востока, и географические описания городов и областей.

Кондратий Рылеев писал в поэме «Войнаровский»:

В стране той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер славной;
В укромном домике, в тиши,
Работал для веков в глуши,
С судьбой боролся своенравной
И жажду утолял души.
Из родины своей далекой
В сей край пустынный завлечен
К познаньям страстию высокой,
Здесь наблюдал природу он.
В часы суровой непогоды
Любил рассказы стариков
Про Ермака и казаков,
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов.

Когда Миллер вернулся в Петербург, до окончания срока контракта, заключенного с Академией наук, оставалось недолго. Он был уже членом многих зарубежных научных обществ, а привезенных из Сибири материалов с лихвой хватило бы на громкую славу и безбедную жизнь в любом университетском городе Европы. Но знаменитый профессор решил иначе: принял российское подданство. В 1754 году он стал конференц-секретарем Академии наук, а в 1755-м — редактором академического журнала «Ежемесячные Сочинения». У Миллера был большой редакторский опыт, ведь еще до отъезда в Сибирь он основал первый русский журнал — «Примечания к Ведомостям», а затем специальный исторический журнал на немецком языке, где впервые были опубликованы отрывки из Начальной русской летописи. Оттуда вся Европа черпала сведения по истории России.

На страницах журнала «Ежемесячные Сочинения» печатались произведения виднейших русских писателей и поэтов, труды крупнейших русских и зарубежных ученых. Естественно, Миллер помещал здесь и собственные статьи — первые в русской науке специальные работы по истории русского летописания, древнего Новгорода, Смутного времени, русских географических открытий. На страницах «Ежемесячных Сочинений» появилась и первая русская статья по археологии, также принадлежавшая перу Миллера. Журнал издавался десять лет и перестал выходить в 1764 году, когда его редактор переехал в Москву. Там находился «магнит», который неодолимо притягивал к себе историка. Это — архивы. Вскоре Миллер возглавил Московский архив Коллегии иностранных дел, в котором хранились древнейшие документы по истории России. Ученый много занимался проблемами организации архивного дела, пытаясь поставить его на научную основу. Со временем руководимый им архив превратился в крупный культурный центр и достопримечательность первопрестольной.

В Москве Миллер не прерывал и научных занятий: опубликовал труды о первых годах царствования Петра Великого, написал книгу по истории русского дворянства, совершил экспедицию по городам Московской провинции, готовил к изданию труды Татищева, издал «Ядро Российской истории» Манкиева, первый русский географический словарь, переписку Петра I с фельдмаршалом Шереметевым, документы XVII века. Он собрал коллекцию документов по истории пугачевщины и написал специальный труд, посвященный крестьянской войне. Взгляды ученого отличались редкими для XVII столетия демократизмом и терпимостью. А. С. Пушкин пользовался «миллеровскими» документами, работая над «Историей Пугачева».

Что было бы с временами лже-Дмитриев и смутного правления бояр в междуцарствии, если б Миллер, один Миллер не восстановил их актами, кои он отрыл в пыли городовых архивов Сибири?

П. М. СТРОЕВ

Неутомимый собиратель, строгий и точный в своих ученых работах, Миллер был настоящим отцом русской исторической науки, которая до сих пор еще не исчерпала всего богатства собранного им материала.

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

В 1776 году по заданию императрицы Екатерины II было написано исследование «Известие о дворянах». Эта книга служила всем, кто когда-либо писал о русском дворянстве, хотя не переиздавалась с 1790 года. В «Известии» Миллер опирался на многочисленные архивные документы, причем методика их использования была столь совершенна и нова для того времени, что П. Н. Милюков впоследствии удивлялся, как подобный труд мог быть создан в XVIII веке. И действительно, если бы не характерные речевые обороты и лексика, легко подумать, что книга написана нашим современником.

Уже стариком Миллер помогал М. М. Щербатову в создании «Истории Российской» и Н. И. Новикову в публикации документов. Перед самой смертью профессор отверг предложения богатых вельмож купить у него собрание рукописей и книг. Он предпочел продать коллекцию государству с условием оставить ее на вечное хранение в архиве, где он служил.

Умер Миллер в октябре 1783 года. Его гроб провожали многочисленные ученики, профессора Московского университета, друзья...

Сегодня, при первой попытке чтения сочинений Миллера они могут показаться тяжеловесными и скучными. Но надо иметь в виду, что наши предки в XVIII столетии жили, а следовательно и мыслили совершенно иначе, чем мы. Их мысли текли неторопливо. Вчитываясь в тексты, можно проследить весь ход рассуждений автора, увидеть, как одно положение вытекает из другого. Так же неспешно следует и читать Миллера, пытаясь почувствовать саму атмосферу его эпохи.

Специалисты высоко оценили наследие Миллера. К. Н. Бестужев-Рюмин даже назвал его «отцом русской исторической науки». Но в конце 40-х годов нашего века, когда в СССР развернулась борьба с космополитизмом, вспомнили, что Миллер был норманистом, то есть приверженцем теории о призвании на Русь варягов, основавших якобы древнерусское государство.

Сегодня, отбрасывая ярлыки, мы вновь обращаемся к работам этого историка. Многое звучит в них весьма злободневно. Прислушаемся к его словам: «Желал бы я очень, чтобы все народы признали общее свое происхождение от одного корня и вследствие этого отложили бы всякую ненависть и вражду между собою...»

Александр КАМЕНСКИЙ,
кандидат исторических наук

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, КАК ИСПРАВИТЬ ПОГРЕШНОСТИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЯХ, ПИСАВШИХ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Герард Фридрих МИЛЛЕР

Всякой, читая со вниманием печатанныя в чужестранных землях о Российской империи книги и сам имея некоторое знание в Российской истории и географии, не может спорить, что оныя книги наполнены премногими погрешностями, что очень много в них недостает того, что потребно к обстоятельному знанию о России и что повторяются в них разныя известия, писанныя лет тому назад за сто и за двести к безславию Российскаго народа, равномерно как бы оныя времена еще не миновались, в коих предки наши более к войне, нежели к наукам склонны будучи, имевши с иностранными народами весьма малое сообщение, конечно от нас, их потомков, нравами и обхождением (в чем признаться нам не стыдно) несколько были отличны. Но за что нас попрекать всегда теми же пороками, когда оные при возсиявшем наук свете, обстоятельным познанием должностей, коими мы богу, ближнему и самим себе обязаны, коротко сказать, изучением нравоучительной науки и разумным подражанием всему тому, что у других благонравных народов похвалы достойное примечается, хотя не у всех, однако у лучшей части Российскаго народа благополучно прекратились.

Причину сему увидеть не трудно. Никто еще из нас на свет не издавал истории о Российском народе и о состоянии сего государства на каком-нибудь языке иностранном. Все, что иностранные о России знают, то передано им от иностранных же. А большая часть из них не знали сами довольно о том, что писали. Никто не мог иметь довольных способов к получению нужных к своему намерению известий. Почти все следовали старым предуверениям, а некоторые, по-видимому, и хотели России отмстить за то, что, будучи в ея пределах, не сыскали себе щастия по их желанию. Однако такия сочинения приняты за самыя справедливыя, паче тогда, когда сочинители в России несколько лет обретались, другие в чинах состояли, или находились в таких обстоятельствах, что пощастливилось им получить более известий, нежели другим, или и ездили внутрь государства, чем достали себе похвалу, что будто известия, ими записанныя, обстоятельнее и достовернее всех прочих. Таким образом, один у другаго выписывает погрешности, потому наипаче, что оным с Российской стороны публичнаго в книгах прекословия и исправления не бывало...

Но когда есть нужда всей Европе в исправных и достаточных описаниях о истории и географии Российской, когда честь Российския империи того требует, чтоб находящияся в иностранных книгах неправедныя и предосудительныя известия поправлены были, когда необходимо нужно Российскому юношеству иметь исправныя книги к изучению по оным истории и географии их отечества, то надлежит приступить к самому делу, и потщиться с прилежанием наградить находящейся в сем поныне недостаток.

Весьма бы полезно было, когда бы кто, имеющий к сему довольно способности сочинял достоверную о Российском государстве историю и географию, наперед хотя сокращенную, а потом и пространную, и оныя бы издавал в печать. Также и немало бы к тому способствовало, ежели бы, по учиненному в апреле месяце 1755 году в сих «Ежемесячных сочинениях» предложению, угодно было напечатать летопись перьваго Российскаго летописца преподобнаго Нестора с продолжением, также и преизрядныя сочинения покойнаго господина тайнаго советника Василия Никитича Татищева, содержащия историю и географию Российской империи. Ибо по ним можно б было самим иностранным писателям поправить учиненныя ими погрешности. Но к сему делу требуется много времени, и едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобной господину советнику Рычкову в Оренбургской губернии, которой в прошедшем году прислал в Академию наук описание помянутой губернии с преизрядными ландкартами, или учинены будут во все прочия губернии и провинции такия же отправления, какия были в Сибирь во время Второй Камчатской экспедиции, чего ради намерен я предложить еще иной способ, которой, уповательно, за благо примется от желающих иметь в сочинении Российской истории участие, тем наипаче, что могут они начинать трудиться в том и перестать по своему изволению, и сочинения свои отдавать печатать по частям для общей пользы.

Надлежит читать знатнейших иностранных писателей, писавших о России, замечать учиненныя ими погрешности, неисправности поправлять, пополнять то, в чем явятся недостатки, и присылать свои примечания в императорскую Академию наук, которая не преминет оныя напечатать в сих книжках под именами сочинителевыми, или не объявляя имен, как кто пожелает.

Сему намерению могут многие способствовать в одно время своими трудами, и не будет помешательством, хотя б сообщались и многия на одну книгу примечания. Ибо чего не приметит один, оное другим усмотрено будет. И когда поправится одна погрешность многими, то сим сильнее доказана будет подлинность такой неправды, а по напечатании таких примечаний на Российском языке, старание приложено быть имеет о издании оных и на иностранных языках для известия чужестранным ученым людям.

За излишно кажется при том упоминать, что читать надобно токмо знатнейших чужестранных писателей, которые или сами в России бывали, и для того от прочих приводятся во свидетельство, или которые, будучи искуснее других и приложа лучшее рачение, всякия известия о Российском государстве собирали, между собою сносили и разсматривали, однако в некоторых погрешили. Ибо других писателей, знатнейшим последовавших, опровергать был бы труд безконечной и отчасти излишней. Наше намерение склоняется единственно к показанию самых погрешностей, а не писателей всех, неправедно писавших, дабы предбудущие писатели, также и Российское наше юношество, читая издаваемыя поправления, не принимали таких погрешностей за справедливыя известия.

Таковыя примечания, сочиняемыя с надлежащею умеренностию не могут быть противны никому из ученых людей, кои еще и поныне живы. Паче думать надлежит, что всякой сочинения сии примет с благодарностию, потому что намерение при том клонится к общей пользе, и сим откроется всем ученым в Европе людям свет в разсуждении Российскаго государства, которое чужестранным, хотя они многие годы в России и обретались, и поныне по большой части неизвестно...

БИБЛИОГРАФИЯ

Ежемесячные сочинения. СПб., 1754—1764, т. I—XX.

Миллер Г. Ф. Известие о дворянах российских. СПб., 1790.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1937—1940.

Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, 1988.

Камевский А. Б. Академик Г. Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века.— История СССР, 1989, № 1.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ

Владимир ЛУКИН, доктор исторических наук, профессор

Говорят, что перестройку подготовили «шестидесятники», а нынешняя молодежь готовит революцию. Говорят, что мы уже вроде бы сделали свое дело, реализовали хрущевские реформы и дальше не двинемся, что требуются политики нового поколения на смену нынешним либералам, действующим в рамках передового мышления шестидесятых... Да, мы были ближе к Сталину. Недаром Юлий Ким писал тогда: «Он в кацапах, он в китайцах, он в печенках, он в кишках. Он сидит внутри глубоко и диктует каждый шаг». Смешно, но это было истинной правдой.

Да, мы росли в эпоху формирования так называемого образа нового человека, несли в себе весь этот груз догматики и мыслили не отходя от категорий «плохого Сталина» и «хороших» тех, кто с ним боролся. Или даже не боролся. «Плохой Сталин, хороший Ленин» — вот это был весь наш мир. И были огромные трудности в преодолении идеологически очень жестких стереотипов. Скажем, создавались кружки: практически все они были «революционных ленинцев», «правильных ленинцев», по типу кружков, о которых пишет Жигулин,— и я сам участвовал в одном из подобных «обществ» в институте. Это были группы людей, полностью находившихся в рамках той идеологической клетки, которая была очень ловко выстроена за несколько десятилетий. Они боролись за идею, вне которой просто не видели политической альтернативы. Стоило больших трудов перейти от «расщепления волоса», как говорили древние схоласты, возни внутри идеологических схем к более широким ценностям, более глубоким моральным критериям, к тому, к чему в итоге и пришло демократическое диссидентское движение, на плечах которого, между прочим, стоят и нынешние неформалы. Очень нелегко это далось: прийти от борьбы за чистоту идеи к плюрализму. Среди «шестидесятников» сегодня — и выдающиеся мыслители внутрихристианской традиции, рационалистически-позитивистской, и мыслящие в рамках неокантианства... Именно мы вышли к мировой культуре из пустыни «Краткого курса».

Конечно, пока мы шли, молодежь восьмидесятых ушла еще дальше, опираясь на уже накопленный опыт. Но тут есть одна деталь. По-моему, нет ничего прекраснее, по-человечески чище, чем ранняя секта. У нас было состояние этой ранней секты, когда ты чувствуешь себя личностью, когда еще объединенные одной идеей люди не начали создавать жесткие организационные связи. Когда есть сцепление по духу, по душе, по любви... Мы воспитаны на этих прекрасных сторонах ранней секты, которая держалась на любви, на дружеских отношениях тем более, чем сильней было противостояние извне. Хотя не обходилось и без стукачей и прочего, неизбежного при тоталитарном режиме. У сегодняшнего поколения, будь это неформалы или иные политически активные группы, мне кажется, чисто человеческие связи менее бескорыстные, менее благородные, менее яркие.

Я часто вспоминаю однокурсника и моего близкого друга Илью Габая. Это, наверное, один из самых светлых людей нашего поколения. Есть люди, при которых сразу как-то неизбежно и органично повышаются моральные стандарты. Не в банальном смысле: этот человек мог и похулиганить, и солено пошутить, и обладал огромным чувством юмора... Он стал одним из активных деятелей диссидентского движения, его посадили, а когда выпустили из тюрьмы, стали активно «обрабатывать», и завершилось это тем, что Илья покончил с собой. Помню, мы сидели в одной из компаний, в которых тогда зарождалось демократическое движение, где-то немножко пили, рядом сочинялось очередное послание... Он посмотрел на меня, вдруг отрешившись от текущего разговора: «Слушай, Лука, а правда, здесь хорошо?..» Я понял, что речь идет не о том, что мы сидим вот в этой конкретной квартире, а ему нравится вообще атмосфера, которая была среди нас. «Здесь надо жить...»

Не знаю, хорошо или плохо скажется это отличие в том смысле, что нынешняя молодежь, конечно, играет и будет играть большую политическую роль, нежели мы тогда. Мы ездили на целину, на ударные стройки, мы были в каком-то смысле «кукурузным мясом», необходимым на строго заданных направлениях. Парадокс был в том, что движение в этих направлениях многими воспринималось именно как средство очищения от прежних догм, очищения души, ведь и Илья Габай и Юлий Ким начали с того, что куда-то поехали. Но потом вернулись, и наступила пора серьезных размышлений: что же происходит со страной?

Сегодня ситуация кардинально меняется. То, что происходит с молодежным движением, говорит о создании для нынешнего поколения серьезного политического пространства. И это очень важно, потому что действительно именно в этом основа многих политических перемен в будущем. Другое дело, что все подобные процессы крайне незрелы. Истеричность, нервозность, попытки иметь в пятнадцати организациях двадцать лидеров и определяют, наверное, главную разницу между поколением 60-х и нынешним. Тогда не было демократического общества и мы не были демократами, но стремились ими стать. Сейчас есть возможность формирования демократического процесса, для этого открыто пространство, но демократической личности почти нет. Что прежде всего относится к молодежи. Вроде бы все можно, а демократического процесса не получается. Члены какой-то леворадикальной организации могут вместо обращения «товарищ Иванов» говорить «демократ Иванов», но суть старых штампов не изменится. И если такие «демократы» кричат сегодня «Бей коммунистов!», это еще не значит, что сделан решительный шаг в сторону прогресса от политиков нашего поколения. Быть «крутым» еще не значит быть прогрессивным политиком. Как раз «крутость» прекрасно вписывается в российскую тоталитарную традицию. В этой традиции принято: если я умираю за то, чтобы установить какой-то компромисс с людьми разных убеждений, то я оппортунист. А если гибну, не согласившись с компромиссом, отвергнув все цвета, кроме черного и белого, то вот он я, настоящий герой и борец.

В основе демократии лежат многослойность, полифоничность, умение устанавливать компромисс между различными тонами. А революционность как раз чаще всего и предполагает идейный тоталитаризм, что весьма опасно.

Наше поколение родителей мудрее в этом отношении. Но самое любопытное в том, что политизирована довольно небольшая, как мне кажется, часть молодежи. Подтверждение этому, кстати,— слова главного редактора «Московских новостей» Егора Яковлева, который посетовал, что он, мол, пытается переделать мир, пишет статьи, а дети взяли да и ушли в коммерцию, создали кооператив... Это очень характерно. Масса молодых людей сегодня не считает перестройку политическим процессом, далеко не все живут внутри политики. В нашем же поколении как раз большинство инициативных, смелых людей оказывалось внутри политики.

Так что же лучше?

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ОНИ ХОТЕЛИ НАЙТИ ПРАВДУ

Ольга НИКИТИНА (Ростов-на-Дону)

Если бы вдруг по какой-то необъяснимой причине жители Новочеркасска потеряли память, мы, вероятно, до сих пор бы так и не узнали, что же произошло здесь в июне 1962 года. Концы этой трагедии упрятаны глубоко и надежно. Из местных архивов выметено все подчистую и переправлено в архивы более высокие и, стало быть, более недоступные. Ни к чему не привели пока и попытки выяснить, где захоронены жертвы.

Удивляться тут нечему. В нашем Отечестве по части сохранения тайн есть непревзойденные мастера.

1962 год — 25-й, если отсчитывать от 37-го, года торжества сталинизма, своеобразный юбилей — наглядно продемонстрировал: система, созданная «отцом народов», не умерла вместе с ним, XX съезд партии заставил ее лишь отступить, но не сдаться. Расстрел рабочей демонстрации в 1962 году в Новочеркасске не единственное тому подтверждение. Пока только по слухам мы знаем о событиях тех лет в Тбилиси, Орджоникидзе, Краснодаре. Однако нигде они не завершились столь трагично. Недавние публикации в ростовской молодежной газете, в «Комсомольской правде», в «Литературной газете», в «Огоньке» (именно в такой последовательности они появились) в той или иной степени воссоздали картину происшедшего. Но они больше поставили вопросов, нежели дали ответов.

Новочеркасская трагедия — глубокий колодец, из которого сведения черпать и черпать. Зачем? Собирая материалы для публикации, я не раз слышала этот вопрос. У людей, потерявших родных и близких, за 28 лет затянулись душевные раны. Зачем же заставлять кого-то еще раз переживать боль? Думаю, что это необходимо. Правда должна служить предостережением всем тем, кто попытается с помощью военной силы разрубить узел социальных проблем. Вот ради чего мы, журналисты молодежной редакции, пустились в это рискованное предприятие. Оно действительно казалось рискованным, потому что, несмотря на скорую реакцию западной прессы, у нас в стране заговор молчания держался еще ровно год. Не удалось опубликовать второй материал, основанный на показаниях откликнувшихся на первую публикацию очевидцев. Целый год молчала «Комсомольская правда», работавшая одновременно с нами. Извлекать уроки из прошлого, как оказалось,— наука чрезвычайно сложная. А впереди было 9 апреля в Тбилиси...

* * *

Вторая половина мая 1962 года выдалась жаркой. Сбивалась с ног милиция. В городе осело немало бывших уголовников. Только на НЭВЗе (Новочеркасском электровозостроительном заводе) каждый четвертый отбыл заключение. Завод лихорадило. За последние три года на нем сменилось 19 тысяч работников. Люди бежали не от хорошей жизни. Ютились в основном в бараках: бесконечный коридор, направо и налево двери в тесные клетушки. Удобств никаких.

В одном из таких бараков с маленьким сынишкой жила Валентина Водяницкая. Не бедствовала. Деревенская родня помогала продуктами. Без этого было бы нелегко: полки в магазинах пустовали, в заводских столовых — манная каша и горох. Да и об удобствах для рабочих голову не ломали: не было даже бытовок, переодевались прямо у станка. Привыкали к новым деньгам. Правда, еще помнили, что на старую десятку можно было накормить семью, а нынче на нее, ставшую рублем, особо не разбежишься.

Тем не менее всеобщего уныния не было. Напротив. Страна пережила великое объединяющее чувство национальной гордости: советский человек стал первым космонавтом Земли. Полет второго, Германа Титова, чьи фотографии девушки вешали на стену рядом с изображением артиста Баталова, подтверждал этот триумф.

Еще не прошло и года со времени принятия программы партии, где было записано, что через двадцать лет мы будем жить при коммунизме. У подавляющей массы народа это никаких сомнений не вызывало. И молодой бригадир Владимир Ковтунов вступил в партию, чтобы самому участвовать в строительстве коммунизма. Он жил в самом справедливом обществе, и ничто не могло поколебать его веру. Привычно текла жизнь и студентов Новочеркасского политехнического института — крупнейшего вуза на юге России. Юрий Дементьев и Олег Ярошенко готовились к сессии.

Благополучие царило в доме новочеркассцев Дьяконовых. Глава семьи — секретарь парткома завода металлоизделий, двое маленьких сыновей.

Налаживалось житье-бытье у Анны Васильевны Терлецкой. Подрос, стал на ноги единственный сын Гена, которого она поднимала одна, без мужа.

В эти же самые майские дни в Краснодарском крае проходили сборы командного состава Северо-Кавказского военного округа. В них участвовал член Военного совета генерал Матвей Кузьмич Шапошников.

Если что и объединяло столь разных людей, так это беспокойство по поводу предстоявшего повышения цен на продукты.

Предвещало ли что-либо выступление рабочих? Во всех трех перечисленных публикациях последнего времени утверждается со ссылкой на Шапошникова, бывшего в 1962 году заместителем командующего округом, что телеграмма с приказом свернуть сборы командного состава в связи с напряженной обстановкой в Новочеркасске была получена еще в 20-х числах мая.

— Нас собрал командующий округом генерал Плиев,— рассказывает Матвей Кузьмич.— Нас — это генералов Пароваткина, Иващенко, Степшина и меня. И объявил о том, что пришла телеграмма от Малиновского с приказом немедленно выехать в Ростов и привести войска округа в боевую готовность. На НЭВЗе могут быть беспорядки. Плиев выехал тут же, а я — через два дня и в Ростове был числа 29—30-го.

Если генералу не изменяет память (а я убедилась, что, несмотря на свои 83 года, многие события тех лет он помнит до мельчайших подробностей), то все происшедшее в Новочеркасске предстает в совершенно особом свете. Однако для окончательных выводов нужны более веские доказательства, чем только воспоминания Шапошникова. Тем более что другой член Военного совета округа — П. В. Степшин наотрез отрицает факт существования телеграммы Малиновского.

Как бы то ни было, о неблагополучном положении на заводе знали и в горкоме, и в обкоме партии. Бывший главный инженер завода Сергей Николаевич Елкин вспоминает: «Когда в последних числах мая я вернулся из отпуска и жена рассказала о повышении цен на продукты, сразу же позвонил в партком: были ли в цехах, говорили ли с рабочими. Нет, ответили мне, не велено. Считалось, что это может возбудить нездоровые настроения. То, что в тот момент было естественным и самым разумным, напротив, посчитали излишним и опасным».

А «нездоровые настроения» уже вовсю гуляли по заводу.

Существуют две версии событий. Одна дошла до нас в констатирующей части приговора Верховного суда РСФСР, заседания которого состоялись 14—20 августа 1962 года.

«В период с 1 по 3 июня 1962 года в городе Новочеркасске Ростовской области уголовными элементами были спровоцированы массовые беспорядки, сопровождавшиеся бандитскими нападениями на помещение заводоуправления Новочеркасского электровозостроительного завода, городского комитета КПСС, горисполкома, городского отдела милиции, погромами в этих помещениях, избиениями лиц, противодействовавших преступникам, работников милиции и других.

Организаторы и наиболее активные участники массовых беспорядков и бандитских нападений, состоявшие в большинстве своем из лиц, ранее судимых за различные уголовные преступления, в том числе за хищения социалистической собственности, кражи личного имущества граждан, злостное хулиганство, тяжкие преступления против личности и другие преступные деяния, пытаясь привлечь возможно большее число соучастников, вызвать замешательство среди местного населения и дезорганизовать работу промышленных предприятий, размещенных в городе Новочеркасске, совершили ряд особо общественно опасных провокационных преступных действий.

Так, 1 июня 1962 года группа хулиганов, в которую входил подсудимый по настоящему делу Черных В. И., ворвалась в компрессорную станцию Новочеркасского электровозостроительного завода и, несмотря на сопротиаление обслуживающего персонала, включила заводской гудок, подав тревожный сигнал и понудив, таким образом, большое число рабочих оставить работу.

На предварительном следствии и судебном заседании подсудимый Черных В. И. признал, что именно он включил гудок на полную мощность, причем когда работники станции пытались прекратить подачу тревожного сигнала, то группа хулиганов, и в том числе Черных, воспрепятствовала этому.

Материалы дела, полностью подтвержденные на судебном следствии, свидетельствуют, что подача тревожного гудка сыграла большую роль в провоцировании массовых беспорядков.

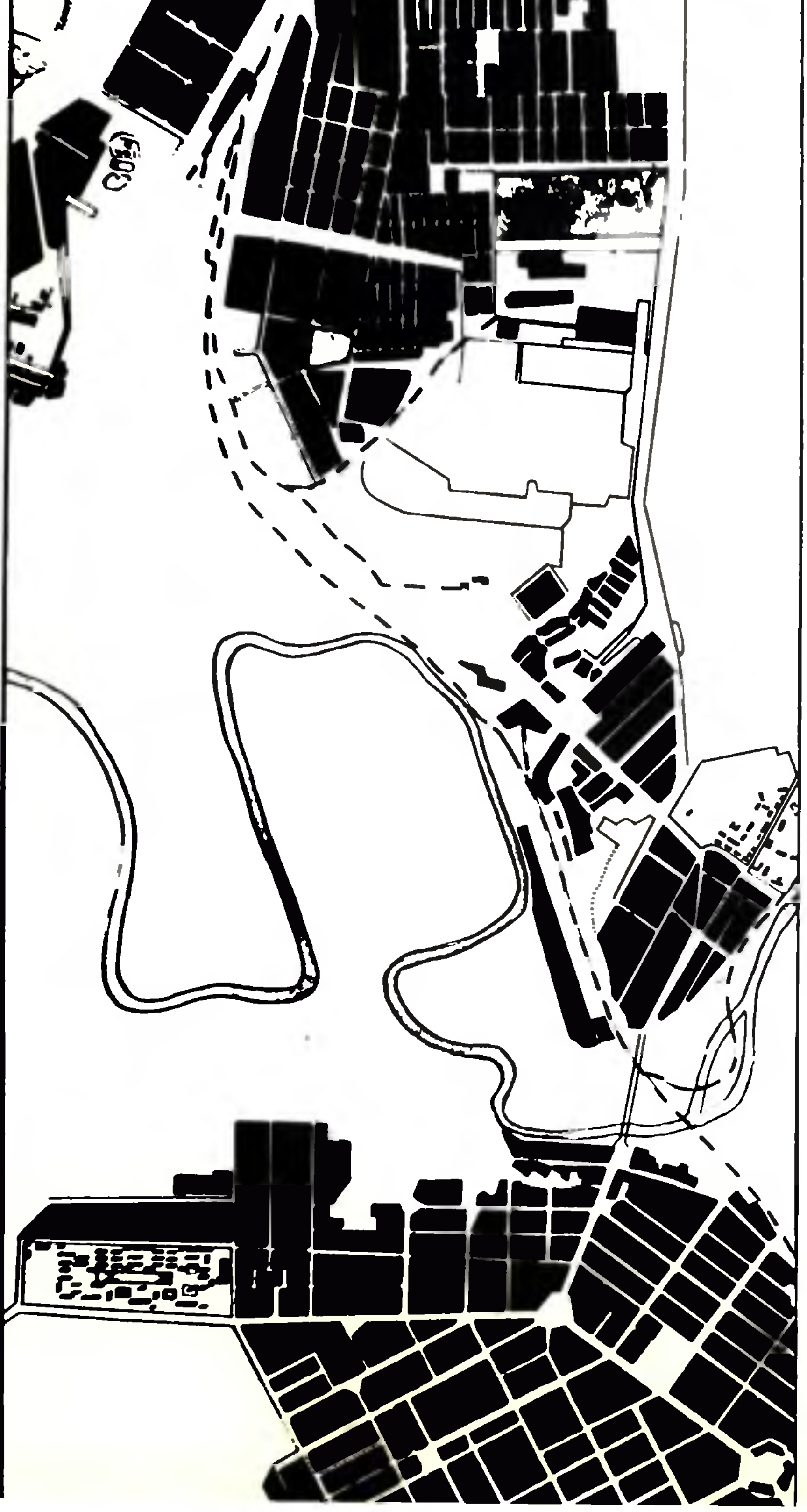
После подачи заводского тревожного гудка другая группа бесчинствующих хулиганов, находившаяся на территории между зданием заводоуправления и линией железной дороги, остановила пассажирский поезд Саратов — Ростов, захватила поезд и, в свою очередь, стала подавать длительные тревожные сигналы, чем привлекла к зданию заводоуправления значительное число жителей ближайших пригородных местностей.

Для дальнейшего расширения беспорядка подсудимый Черных В. И. совместно с привлеченным к уголовной ответственности по другому делу Коротеевым В. Д. изготовили и принесли в толпу провокационный лозунг, который был затем закреплен на высокой опоре электропередачи. Скопившиеся у здания заводоуправления электровозостроительного завода бесчинствующие уголовные элементы подвергли избиениям главного инженера завода т. Елкина, начальника отдела заводоуправления т. Брагинского, офицера милиции т. Округа и других лиц, которые пытались навести порядок.

После этого группа преступников ворвалась в здание заводоуправления и учинила там погром. Активное участие в этом нападении принял подсудимый по настоящему делу Гончаров, который насильно открыл дверь, удерживаемую мастером Насоновым, и нанес Насонову удар кулаком по голове. Ворвавшиеся в здание заводоуправления следом за Гончаровым участники массовых беспорядков избили инженера Ершова и учинили погром: ломали мебель, били стекла, срывали портреты, разбивали телефоны и прочее.

В то же время оставшиеся на площади против здания заводоуправления активные участники массовых беспорядков продолжали подстрекать толпу к новым преступлениям.

Так, подсудимый Служенко И. П., забравшись на козырек пешеходного тоннеля, напротив здания заводоуправления, выступил с провокационными заявлениями, призывая толпу не расходиться до утра, послать представителей на другие заводы и ближайшие города, учинить на следующий день массовые беспорядки в городе Новочеркасске и прочее. Служенко предлагал также не приступать к работе, заявляя, что «Кто будет работать — тот фашист», и допустил враждебные выпады и угрозы в адрес руководителей КПСС и Советского правительства. С провокационными подстрекательскими речами с козырька пешеходного тоннеля

к толпе у здания заводоуправления обращались и другие подсудимые по настоящему делу. В частности, подсудимый Дементьев Ю. П. призывал к захвату административных помещений и средств связи в городе Новочеркасске, с тем чтобы использовать их для расширения массовых беспорядков. Он предлагал с этой целью собраться у здания заводоуправления 2 июня в 5 часов утра и к этому времени сам явился к зданию заводоуправления, где и был задержан.

Подсудимый Сотников С. С. в своем выступлении с козырька тоннеля призывал толпу направить делегатов на завод № 17 и электродный завод для того, чтобы дезорганизовать там работу. Кроме того, Сотников предложил пойти на газораспределительную станцию и отключить подачу газа на промышленные предприятия для того, чтобы прервать их работу и провести на следующий день так называемую «демонстрацию» в городе Новочеркасске.

Между тем из заключения специалистов явствует, что в случае если бы преступные намерения Сотникова были осуществлены, то лишь заводу № 17 при остановке его на одни сутки мог быть причинен убыток на сумму около 50 тысяч рублей, не считая оплаты за вынужденный простой. Внезапное отключение газа заводу № 17 могло повлечь за собой взрывы в трубных печах, газоподогревательных и других аппаратах, их повреждение и травмирование персонала.

С газораспределительной станции толпа бесчинствующих хулиганов направилась к электродному заводу, где, сорвав заводские ворота, участники массовых беспорядков разбежались по цехам, принуждая угрозами и насильственными действиями бросать работу и останавливать станки находящихся в цехах рабочих. Группа хулиганов ворвалась в насосно-аккумуляторную станцию завода и, плотно окружив машиниста Выоненко, угрожая ему расправой в случае отказа, потребовали от Выоненко поддержки их бесчинств. После ответа Выоненко, что если хулиганы не покинут помещение, то он взорвет станцию со всеми находящимися в ней людьми, бесчинствующие разбежались».

А вот те же события, но уже со слов непосредственного их участника, осужденного и отбывшего наказание П. П. Сиуды.

«В то утро по дороге на работу и в цехах все обсуждали повышение цен на продукты питания, возмущались. В стальцехе рабочие собирались кучками, обсуждали и недавно проведенные снижения расценок оплаты труда. Но никто не помышлял о протестах, о забастовке. У рабочих не было ни организации, ни лидеров.

О недовольстве рабочих стало известно руководству завода. В цех пришел директор Курочкин с представителем парткома. Разговор с рабочими они повели не по-деловому, высокомерно. В этот момент подошла женщина с пирожками в руках. И Курочкин сострил: «Не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером».

Реплика директора стала той искрой, которая упала и в без того разгоряченную толпу. Рабочие возмутились хамством директора. Одна из групп, в которой были токарь Власенко и слесарь Черных, пошла к компрессорной завода и включила заводской гудок, этому пытался воспрепятствовать мастер Афонин. Другая группа отправилась по цехам с призывом прекратить работу и объявить забастовку. Все происходило стихийно. К событиям не был причастен кто-либо со стороны.

Группа рабочих сняла звено штакетника, огораживавшего сквер, и перегородила им железнодорожный путь. Был остановлен пассажирский поезд Саратов — Ростов. Таким путем рабочие стремились сообщить о своей забастовке.

Цеховой художник Коротеев написал плакаты «Дайте мяса, масла», «Нам нужны квартиры». Их вынесли с завода и укрепили на одной из опор электропередач. На паровозе кто-то написал: «Хрущева на мясо».

С забастовщиками никто в переговоры не вступал. По своей инициативе перед рабочими пытался выступить главный инженер завода Елкин, который не был уполномочен, никаких обещаний не давал, а лишь уговаривал прекратить волнения и приступить к работе. Возмущенные рабочие затянули его насильно в кузов грузовой машины и пытались требовать конкретного решения вопросов. Вопросы задавал ему и я, что потом было вменено мне в обвинение. Тем не менее и я, и мои товарищи высоко оценили проявленные Елкиным гражданственность и смелость.

Примерно в полдень приехала милиция. Увидев массу людей, милицейские шеренги рассыпались. Не успели убежать лишь два милиционера. Их окружили рабочие и проводили до улицы Гвардейской, предотвратив их избиение некоторыми агрессивными экстремистами.

Предпринимались попытки спровоцировать забастовщиков. Погода в этот день выдалась душная, жаркая. Мучила жажда. И в этот момент прибыла машина, груженная ящиками ситро. Соблазн для всех был огромный. Но возобладали здравый смысл и хладнокровие. Машину пропустили через всю многотысячную массу людей.

К концу рабочего дня на площадь прибыли первые отряды воинских подразделений, но стычек не было. Через некоторое время с балкона строившегося крыла заводоуправления попытался выступить первый секретарь обкома Басов. Ничего конкретного он не говорил. То, что он не вышел к людям, а говорил с балкона, возмутило забастовщиков, и в его сторону полетели камни, банки, бутылки. Он сбежал и больше не появлялся.

На площади возник стихийный митинг, трибуной стал козырек пешеходного тоннеля. Раздавались призывы послать делегатов в другие города, на другие предприятия, захватить в городе почту и телеграф, чтобы отправить во все города обращения с призывами поддержать забастовку. Я не разделял призывов к захвату госучреждений, понимая, что это чревато слишком тяжелыми последствиями.

Вечером к площади начали прибывать бронетранспортеры с офицерами. Их окружили рабочие и стали раскачивать, требуя, чтобы военные не вмешивались в конфликт. Бронетранспортеры развернулись и уехали. Уже поздно вечером, когда гнев рабочих достиг высокого накала, рабочие собрали все портреты Хрущева, свалили их в кучу и устроили большой костер».

Если в приговоре есть явная тенденция объяснить все влиянием уголовников, то в воспоминаниях Сиуды так же четко просматривается стремление романтизировать события. Хочу быть понятой правильно: не тяга угодить «и вашим и нашим», волею трагических обстоятельств в одночасье оказавшихся по разные стороны баррикад, руководит мною, а желание понять те события во всей их сложности и полноте.

Я просмотрела около двух десятков уголовных дел (напомню, что всего за участие в новочеркасских событиях было осуждено более 300 человек). Преобладают стандартные обвинения: участвовал в массовых беспорядках, произносил провокационные речи о якобы невыносимых условиях жизни рабочих. То, что сегодня воспринимается как нормальный элемент политической жизни страны — я имею в виду открытую критику наших недостатков,— в 62-м году сочли опасным для государства деянием.

В то же время среди осужденных действительно было немало уголовников со стажем. Цитирую приговор:

«Зайцев Александр Федорович, 1927 года рождения, беспартийный, судимый в 1952 году за хищение общественной собственности и осужденный к 10 годам лишения свободы, вторично судим в 1956 году за хулиганство и осужден к двум годам лишения свободы;

Мокроусов Борис Николаевич, 1923 года рождения (он же Кузин Борис Савельевич), судимый в 1943 году за нанесение тяжких телесных повреждений,— к 10 годам лишения свободы, в 1956 году за хищение государственного имущества — к 7 годам лишения свободы, освобожден условно-досрочно с испытательным сроком до ноября 1962 года;

Каркач Андрей Андреевич, 1927 года рождения, ранее судим в 1947 году за злоупотребление властью и осужден к 3 годам лишения свободы;

Левченко Екатерина Петровна, 1935 года рождения, судимая в 1959 году за хищение личной собственности граждан и осужденная к 2 годам лишения свободы».

По мнению Сиуды, их арестовали исключительно для того, чтобы продемонстрировать участие в забастовке уголовников и тем самым скомпрометировать всех остальных. Не думаю, чтобы это было именно так.

1 июня на площади перед НЭВЗом смешалось все: и искреннее возмущение рабочих, выплеснувшееся через край, и попытки бывших уголовников направить это настроение на погромы и драки. Сложнейший клубок противоречий, недовольств, накопившегося гнева. Прорвало нарыв. Причин болезни было много. Главное — пренебрежение интересами рабочих, неумение и нежелание административно-командной системы решать назревшие социальные конфликты.

28 лет назад в соответствии с тогдашней идеологической конъюнктурой было принято называть подобные всплески недовольства «массовыми беспорядками». Теперь мы понимаем: то, что произошло в Новочеркасске, не что иное, как стихийное выступление рабочего класса за свои права. Но если быть объективными и точными, то нельзя забывать, что в силу этой самой стихийности и неорганизованности оно сопровождалось разгулом уголовных элементов. Что было, то было.

Валентина Ивановна Водяницкая, как и Сиуда, была осуждена за участие в этих событиях. Вот что она запомнила 1 июня.

«Пошла со всеми в сторону НЭВЗа. Стоял поезд, на площади было много людей. Сразу увидела: били женщину, рвали волосы. Спросила, за что. Оказалось, у нее фамилия Хрущева. Помню хорошо, откуда-то со стороны поезда тащили главного инженера Елкина. Кто-то сказал, что ему надо помочь, что пожарные ворота открыты и ему надо подсказать, чтобы он забежал за них. Я протиснулась ближе к Елкину и шепнула: «Бегите к воротам, там вас ждут». Но то ли он не расслышал, то ли сторонников его было меньше, но наш порыв не удался. Меня стукнули в лоб кирпичом. Может, кто-то услышал, как я шептала что-то Елкину, а может, кидали в него, а попали в меня. В толпе я увидела парторга нашего цеха Алексеенко. Он подошел и говорит: «Иди, дочка, домой». Я направилась было домой, но увидела: на насыпи стоит Александр Иосифович Брагинский, а вокруг него толпа. Мне захотелось послушать, о чем он говорит, и я подошла ближе. Он отвечал на вопросы, но вопросы задавали, а ответы слушать не хотели. Спокойный тон Брагинского раздражал, и к нему всячески придирались. Я заметила, что группа молодежи, окружив его, пересвистывается и подмаргивает друг другу, мол, хватит его слушать, толкай. Видно, хотели столкнуть с насыпи. Я Брагинского знала хорошо. Училась у него. Я закричала: «Ребята, не надо, он очень хороший». Рядом стоящая женщина схватила и стала душить меня. Душила и приговаривала: «Ты что, еврея защищаешь? Они кровь у нас пили, а ты защищаешь. Посмотри, до чего они довели тебя, во что ты одета»,— и стала дергать меня за платье. Не знаю, чем бы все это закончилось, но другая женщина схватила меня за руку и оттащила в сторону: «Что ты лезешь! Они же убьют тебя. иди домой».

Так и закончился этот день. Ни заводское начальство, ни руководство города и области ситуации изменить не смогли, точнее, оказались совершенно неспособны к этому. К вечеру в область прибыли секретари ЦК Ф. Р. Козлов и А. И. Микоян, партийные, советские и комсомольские работники, руководители МВД и КГБ СССР. Ни до, ни после этих событий Новочеркасск не удостаивался такого нашествия начальства.

Поздно вечером в город вошли танки. Утром 2 июня огромная толпа заводчан, собравшись на площади, двинулась к горкому партии, чтобы переговорить с его руководством. Несли портреты Ленина, знамена, лозунги.

Владимир Ковтунов, придя утром на участок, не нашел там никого из своих товарищей. Узнав, что они ушли с колонной демонстрантов, он сел на проходящую машину и поехал следом.

«Так я оказался у сквера,— рассказывает он.— *В это время балконная дверь горкома распахнулась, да так, что полетели стекла. «Все сбежали»,— объявил кто-то,— и здесь никого нет. Чего вы стоите, никто выступать не будет».*

На балкон вытащили высокого, плотного мужчину. Он мог раскидать державших, это чувствовалось по его мощной фигуре, но не сопротивлялся. Ему стали грозить: если не выступишь, сбросим с балкона. Меня как коммуниста удивило: почему никто из руководителей не выйдет и не поговорит по-человечески с людьми? Советские ведь люди пришли. Есть, конечно, хулиганы, но этих не больше сотни, а тысячи-то просят, чтобы им объяснили, почему такая жизнь, что делать дальше.

Люди волновались, я был молод, свято верил в добро и справедливость. И не мог просто так наблюдать. Я оказался внутри здания горкома. Сразу же у входа, на первом этаже, несколько человек ломиком колупали дверь в помещение партархива. Я гаркнул на них. Не знаю почему, но послушались. Вышел на балкон: отпустите мужика. Опять послушались. «Я молодой коммунист, хочу помочь навести порядок,— обратился я к мужчине.— Вы из Москвы?» — «Из Москвы». Мы прошли в кабинет первого секретаря. Валялся разбитый стул, кругом следы погрома. Тут я увидел парня из горкома комсомола. Надо бы отсюда повыгонять всех, решили мы.— «Пойдем-ка на балкон».— С балкона я обратился к людям: «Я молодой коммунист, монтажник. Все, что происходит,— нехорошо. Мы ведь рабочие. Неужто не 45-м году Советской власти допустим, чтобы хулиганы громили здание горкома? Должны же быть дисциплина и порядок». «Правильно»,— поддержали меня стоявшие внизу. «Тогда давайте выгоним хулиганов». Снизу зашумели: «Выходите, слышите!» Одни действительно стали выходить, другие стоят, ухмыляются. Мы с комсомольским работником нашли человека с ключами — он оказался в здании — и стали закрывать кабинеты. Я снова вышел на балкон, люди шумели: «Кто-то же должен с нами поговорить. Надо вызвать кого-то из членов правительства». «Телефоны побили, а теперь вызвать требуете»,— заметил я.

Тут подошла женщина и сказала: «Объяви, чтобы шли к милиции освобождать наших, которых арестовали».

«Тетя,— пытался я образумить,— ты соображаешь, что говоришь? Милиция — это органы, нельзя этого делать».

Прервем на время рассказ Владимира Васильевича Ковтунова и перенесемся в горотдел милиции, к которому Екатерине Левченко (а это была именно она) удалось повести часть толпы. Ремира Ивановна Шелестова, ныне майор милиции в отставке, была в то время молодым экспертом горотдела. Вот что она вспоминает.

«О том, что происходило накануне на НЭВЗе, я ничего не знала. Поэтому удивилась, когда взволнованный начальник горотдела заставил всех нас сдать удостоверения и никому не велел отлучаться. Но оружие выдано не было. Ко мне забежала Надежда Иващенко, моя подруга, молодой следователь: «Идем, посмотрим, что делается». И мы пошли к окну, которое выходило на улицу Ленина. Вся улица была запружена народом. Впереди демонстрации, примерно рядов в шесть, шли дети, а затем взрослые. Несли плакаты, портреты Ленина. Колонна прошла в сторону горкома партии. Тут меня позвали и сказали, что часть толпы развернулась и идет на райотдел, вроде бы отбивать арестованных. А у меня в горотделе музей, и в музее много оружия всех видов. Оружие придется спрятать — такой я получила приказ. Стою и плачу, отдираю от стендов оружие и складываю в корзину. Потом отнесли все в подвал. В это время послышался шум, что-то наподобие выстрелов. Возвращаюсь к себе, иду через проходную комнату и остолбеневаю. На полу лежат люди, человек пять-шесть, точно не помню. Я сразу увидела молодого парня, у которого из руки сочилась кровь. Я схватила бинт и стала его перевязывать. «Парень — ты, парень, семья-то у тебя есть? — перевязываю, а сама говорю ему все это в горячке.— Зачем же ты шел в милицию, разве мы можем тебе зарплату увеличить? У меня у самой всего 80 рублей». Когда я перевязывала ему руку, увидела у него небольшую ранку под грудью, а из ранки торчит кусочек печени. Парень еще с нами разговаривал, а глаза уже начали умирать.

Чем я могла ему помочь, у меня ничего, кроме бинта. «Скорая» не пройдет, горотдел блокирован. Это было страшное чувство, полная беспомощность.

В этот момент появились солдаты. Они несли на руках военного, подполковника. У меня на дверях в лабораторию висело одеяло. Я кинула одеяло на пол, и мы уложили его. Я стала спрашивать, что с ним. Говорить он не мог, показал на ноги. Я дотронулась до ног, а они сплошная мякоть, все кости перебиты. Оказывается, нападавшие залезли на крышу банка, здание которого находится впритык к зданию горотдела. Подполковник пытался им помешать. Или он сам упал, или его столкнули. Я слышала, что после этих событий ему отняли обе ноги. Пока я возилась с военным, ничего не видела и не слышала. А потом обратила внимание, что в здании никого нет. Все спрятались в подвале. Я еще помню, что мне пришлось сфотографировать убитого на чердаке. На следующий день я получила также задание заснять все разрушения на улице Ленина. Многие витрины оказались разбитыми, их выбивали древками флагов».

Но вернемся к горкому партии. Владимир Ковтунов все еще стоял на балконе.

«Подошел старый дед: «Почему не призываешь людей разойтись по домам?» — «Люди пришли получить ответы на жизненно важные вопросы,— сказал я ему.— Они должны их получить».

Он попытался сам говорить с людьми. Поднялся гвалт. И тут я увидел строй солдат, с ними два человека с ранцем и генерал-майор. Меня как кольнуло что-то. Рядом все это время и танки стояли, и солдаты безоружные. Все было спокойно. А тут что-то было не так.

Снизу стали мне кричать: «Иди к нам! Мы тебя в обиду не дадим». «Мне бояться нечего,— ответил я,— я за партию и Советскую власть. Я не бандит».

В вестибюле ко мне подошел полковник: уходите побыстрей. И в этот момент я услышал стрельбу. Меня всего как перевернуло. Спустился вниз. И снова стрельба. Открыл дверь — прямо метрах в пяти от меня кто-то ворочался в крови. Ничего больше я уже не видел. Выскочил из здания, свернул в парк, в себя пришел только на улице Подтелкова».

Весть о случившемся еще не дошла до НЭВЗа. Здесь продолжали митинговать. Любопытная Валя Водяницкая, так и не попав в этот день на работу, перебегала от одной группы людей к другой.

«Ближе к середине дня кто-то сообщил, что в город приехало начальство из Москвы и будет выступать. Все попрыгали в машины и поехали. Мне тоже помогли подняться в машину. Так я попала на площадь. Было около четырех дня. Кругом военные, на балконе тоже стояли военные и что-то говорили огромной толпе. В ответ кричали, бросали камни. Я пробралась поближе. Потом внизу появился военный. Он просил, чтобы толпа отошла. Но она медленно двигалась к зданию. Военный сказал: «Считаю до трех». Но это никого не остановило. И вдруг послышались выстрелы. Я испугалась, подбежала к солдату и стала кричать: «Дяденька, не надо!» Потом сообразила, что, раз он стреляет, его не убьют, и спряталась за него. Но толпа хлынула на здание, давя друг друга, и мне стало страшно. Затопчут. И тут кто-то из военных приоткрыл дверь и тихо сказал: «Иди сюда. в то задавят». Я проскользнула внутрь, и дверь закрыли. Что касается выстрелов, то, как оказалось, они были холостые, и обошлось без жертв.

Невольно я стала свидетелем разговора о том, как вывести с площади танки. Как сообщили по телефону, Микоян с Козловым должны были облетать на вертолете площадь, и генералу приказали во что бы то ни стало убрать с площади танки. Надо было уговорить толпу, чтобы она выпустила танки. Но переговоры ни к чему не приводили. Вот тут-то генерал обратился ко мне. Меня не знали и вражды ко мне не должны были испытывать. Поручение меня крайне обрадовало. Когда я вышла на балкон, установилась тишина. Видно, от нового человека ждали чего-то нового. Я обратилась с просьбой освободить площадь для выхода танков. «Не уйдем!» Я вернулась и рассказала все генералу. Он говорит, спроси, почему не хотят. Я снова вышла на балкон. Ответили: пусть Микоян посмотрит, как против мирного населения применяют танки. Прошло немного времени, и возле горкома закружил вертолет. Он сделал несколько витков. Микоян выступил по связи с призывом разойтись, обещал, что будет разговаривать на рабочих местах.

Генерал сказал нам, чтобы мы по одному выходили из здания и растворялись в толпе. Я подождала еще минут пятьдесят и пошла домой».

Анна Васильевна Терлецкая так и не дождалась в тот вечер своего Гену. До полных 16 лет ему оставалось ровно полтора месяца. Живет она теперь в маленькой однокомнатной квартире, недалеко от того самого места, где погиб ее мальчик. Живет очень бедно. И у нее глаза вечно плачущей женщины.

Не увидела больше мужа и Надежда Даниловна Дьяконова. Он шел в горком, и шальная пуля настигла его прямо на углу улиц Ленина и Подтелкова. Летом 1989 года в Новочеркасске была создана городская комиссия по выяснению обстоятельств трагических событий 1962 года. Надежда Даниловна обратилась туда: помогите найти, где похоронен муж, сыновья выросли, так ни разу и не побывав на его могиле.

Валентину Ивановну Водяницкую арестовали 12 июня. Взяли на заводе, куда она пришла с маленьким сыном. Ее увезли, а малыш так и остался стоять один посередине площади. Долгое время она не знала, что с ним. Сначала ее обвинили в том, что она подстрекала к убийству Микояна. Потом это обвинение сняли. И хотя на суде один из военных подтвердил, что она выбегала на балкон с целью призвать людей выпустить с площади танки, ее все же осудили. Она несколько раз попала в поле зрения фотокамеры, фиксировавшей, кто был в эти дни на площади. Водяницкую осудили на 10 лет, через 5 освободили. Она провела эти годы в самых суровых женских лагерях. Сын был в интернате. Она верила, что во всем разберутся и ее оправдают. Поразительно: верит до сих пор. Не пишет никуда заявлений, а просто ждет, что справедливость дойдет и до ее порога. Всю жизнь доказывает себе и другим, что она не «тюремщица». И часто в разговоре повторяет, как заклинание: «Будь проклят 62-й год». Голосовать на выборах все эти годы не ходит.

Сиуду арестовали сразу, в ночь на 2-е. Он тоже отсидел пять лет. Жизнь не сладилась. Боролся за восстановление доброго имени отца, репрессированного в 38-м году. Резок, нередко доходит до крайности, а то и до ненависти. Ругает всех начальников подряд. В прошлом году примкнул к анархо-синдикалистам. Не разделяю многих его взглядов, но отдаю ему должное: он одним из первых потребовал раскрытия правды о новочеркасских событиях.

Студент Юрий Дементьев сессию, естественно, не сдал. Он был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 79 УК РСФСР, и подвергнут лишению свободы сроком на 15 лет. Как и все, освобожден досрочно в связи со сменой правления.

Олег Григорьевич Ярошенко в тот год повзрослел, может быть, сразу на десять лет. Получила от него письмо:

«После выступления А. И. Микояна по местному радио и его слов «Порядок в городе будет установлен любой ценой» стало ясно, что происшедшее одобрено представителем правительства, искать защиты и наказания виновных не у кого. Это подтвердило выступление первого секретаря ЦК ВЛКСМ Павлова перед студентами Новочеркасского политехнического института. Он говорил обо всем, даже о том, как он охотился на Кубе вместе с Фиделем Кастро, но, когда его спросили о трагических событиях, сделал удивленное лицо и бросил, что товарища, задавшего вопрос, неправильно информировали и вообще здесь ничего не произошло. Наш профгрупорг Николай Колограев был на встрече Полянского с активом НПИ. После того же вопроса Полянский прямо поинтересовался: «Кто сказал?» — и, когда этот человек поднялся, продолжил: «Выйдите из зала, вы больше не студент». Моего товарища поразило, что тот вышел под гробовое молчание зала. Сам он обвинял себя в трусости, верил, что, скажи он слово в защиту, весь зал взорвался бы от негодования. Какая глупенькая вера! У меня в этом уверенности больше не было».

С Владимиром Васильевичем Ковтуновым произошло вот что.

«Через два дня вызвали в милицию. Рассказал все как было. Состояние жуткое. Но я был уверен в своей правоте. В то время я еще верил в справедливость, в правительство. Расстрел до моего сознания тогда еще не дошел. В милиции сказали, что ко мне никаких претензий нет. Потом со мной говорили в горотделе КГБ. Действовал, мол, правильно, как и положено коммунисту. Я поверил: разберутся во всем как надо. А тут на работу из горкома партии пришла бумажка: наказать, и как можно строже. Вызвали на беседу с первым секретарем горкома партии Логиновым... «Коль вы такой активный коммунист,— сказал он,— то почему в этот день не были на своем рабочем месте?» — «Вы меня извините,— ответил я,— но я в вашем личном кабинете был в тот день до двух часов дня, и вас тоже почему-то на рабочем месте не видел». Тем не менее Логинов сказал, что наказывать меня по партийной линии не будут». А через несколько месяцев Владимира Васильевича исключили из партии. Формулировка: за участие в массовых беспорядках. Это его-то, пытавшегося хоть как-то навести порядок!

62-й год прошелся и по судьбе Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Матвея Кузьмича Шапошникова. По его словам, он всю жизнь мучается тем, что не смог предотвратить расстрела демонстрации. Сразу после событий он стал обращаться к писателям с просьбой рассказать всю правду о новочеркасской трагедии. Это было небезопасно, и свои письма он подписывал «Неистовый Виссарион». А затем разослал «Письмо-воззвание», в котором рассказывалась правда. Его искали полтора года и нашли. Уволили из армии и исключили из партии. Восстановлен и полностью реабилитирован он был лишь в мае 1989 года.

Ф. Р. Козлов всего лишь на три года пережил тех, кто и по его вине трагически погиб в Новочеркасске. Похоронен на Красной площади. Там же покоится и прах А. И. Микояна. Совсем недавно, уже в наше перестроечное время, один из старинных ростовских переулков переименовали в проспект Микояна. Ростовчане не очень этому радовались.

Новочеркасская трагедия — глубокий колодец. С каждым днем мы узнаем о ней все больше и больше. Работает городская комиссия. Стараниями председателя горисполкома Петра Григорьевича Мрыхина восстановлен и уточняется список погибших. Идут поиски мест их захоронения. Возможно, Надежда Даниловна Дьяконова сможет прийти с сыновьями на могилу мужа. Как это положено у людей.

УСЛЫШАТЬ. ПОНЯТЬ. ПРОСТИТЬ?

«С каждым днем мы узнаем все больше»,— пишет о новочеркасских событиях журналист из Ростова. Это, безусловно, необходимо. Но столь же важно и делать выводы, извлекать из случившегося уроки. Об этом размышляет один из авторов первой публикации о новочеркасской трагедии, журналист «Известий» Валерий КОНОВАЛОВ.

«— Там было, наверное, тысячи три,— прошептал он.

— Чего?

— Мертвых,— объяснил он.— Наверное, все, кто собрался на станции.

Женщина посмотрела на него с жалостью: «Здесь не было мертвых»,— возразила она.

...Официальная версия, которую тысячу раз повторяли и вдалбливали населению всеми имевшимися в распоряжении правительства средствами информации, в конце концов была навязана каждому: мертвых не было, удовлетворенные рабочие вернулись к своим семьям...»

Не раз я вспоминал эти строки из «Ста лет одиночества» Маркеса. Великого гуманиста страшит не сама кровь, а возможность полного вытравления памяти.

По себе сужу. В семидесятых годах жил в Ростове-на-Дону, много раз бывал в Новочеркасске, встречался, общался с людьми, которые видели, знали... И никогда не заговаривали об этом. Не только из-за жесткого запрета. Но и из-за невозможности быть услышанными, понятыми.

Тем сильнее шок, когда тайное становится явным, запретное — доступным. А состояние шока, между прочим, не лучшее для установления истины. Конечно же, наш журналистский долг — восстановить максимально подробно и объективно все детали трагедии, вернуть обществу информацию и память, которые были экспроприированы режимом. Подробно — понятно. Объективно — гораздо сложнее. Ведь и сейчас мы не до конца свободны от абсурда, который десятилетиями утверждался в сознании как норма. Наверное, поэтому так горячо и значительно дискутируем: были ли на площади и на подходах к ней хулиганские выходки, кто отдавал команду стрелять и кто исполнял или не исполнял приказ, как вели себя люди по обе стороны огня, кто в какой мере виноват...

Как будто возможен был **не преступный** по тем законам и временам массовый протест.

Как будто, решив выразить недовольство политикой руководства страны, люди сразу же не поставили себя **вне закона**.

Давайте назовем вещи своими именами. Никто не спрашивал новочеркассцев, как и «весь советский народ», снижать или не снижать расценки на их труд, повышать или не повышать цены на продукты. У них не было реальных, законных возможностей повлиять на эти решения. Не было таких возможностей и протестовать против этих решений. И так ли уж велика в таком случае разница, в чем выразился протест: в погромах и избиении чиновников или в организованном шествии с флагами? И то, и другое было одинаково крамольно и одинаково жестоко наказуемо.

Впрочем, муссирование уголовного оттенка событий в любом случае малоосновательно. Как ни пытались организаторы судебных процессов представить вышедших на площадь сборищем рецидивистов, такие утверждения шиты белыми нитками. Достаточно хотя бы бегло просмотреть уголовные дела, чтобы в этом убедиться. Например, упомянутый в приговоре «ранее судимый» рабочий А. Каркач в тот день даже на площадь не выходил, не участвовал ни в шествиях, ни в демонстрации. Единственная его вина: встретив на электродном заводе, где работал, делегацию электровозостроителей, поддержал их призыв к забастовке. Словами поддержал. За это был приговорен к расстрелу. И расстрелян. Других осудили на казнь «за включение заводского гудка», «за изготовление лозунгов», «за клевету на плохое материальное положение рабочих»...

Но еще и еще раз хочу спросить: о том ли мы?! Разве только в том трагедия, что расстреливали на площади и потом по приговору **ни за что**? А если бы тот же Каркач не словом, а действием покусился на административно-командную систему, ее представителей — на тех, кого виним мы сейчас во всех наших бедах? Разве в этом случае мы были бы удовлетворены суровым приговором? Согласились бы с правом этой системы и ее представителей карать своих противников?

Непростой вопрос. Больной и сегодня. Ведь и сейчас мы для новочеркассцев 62-го скорее, увы, не потомки, а современники.

Мне, как одному из авторов материала в «Комсомольской правде» о новочеркасской трагедии, было страшно больно, что публикацию не разрешали год. И за этот год случилась трагедия в Тбилиси. Тогда казалось, что наша статья, появись она раньше, могла бы как-то повлиять, предотвратить... Теперь понимаю: нет. Огласка фактов еще не гарантия от их повторения. Хотя, конечно, шаг на пути к этому.

Мы по-прежнему не свободны от многих абсурдных догм. Ведь немало тех, кто принял объяснение правомерности действий войск в Тбилиси: там, дескать, звучали призывы к отсоединению республики от СССР. Вдумаемся: призывы к реализации права, гарантированного Конституцией! Не о том речь, хорош или плох такой призыв, был ли он вообще. Речь о правах и бесправии, демократии и ее защищенности. О создании реальных законов и их гарантий. О подлинном народовластии, а не его иллюзии.

Именно в этом прежде всего, по глубокому моему убеждению, состоят для нас сегодняшние уроки Новочеркасска 1962-го, равно как и Тбилиси 1989-го.

Хотя, безусловно, важно и необходимо восстановить все детали, до сих пор тщательно скрываемые, воздать должное по общечеловеческим меркам всем участникам событий. Жертвы, палачи и герои остаются таковыми независимо от времени, режима, принятых в данное время законов или их отсутствия.

И наконец, еще один урок, пожалуй, самый важный, но и самый сложный.

Что представляют собой новочеркасские события в контексте политической борьбы тех лет, борьбы за власть, в которой народные массы были разыгрываемой фигурой? Трагическая случайность или спровоцированный в верхах маневр? Одного ли порядка события в Новочеркасске, Тбилиси, Фергане? Возможно ли их повторение как испытанного приема?

В «Комсомолке» приводилось мнение одного видного экономиста, который утверждал, что новочеркасские события стали проявлением экономического кризиса, **спланированного** с целью смещения Хрущева и перемены политического курса. После этой публикации приходилось беседовать со многими экономистами, политологами, социологами. Большинство из них подтверждали такую версию и проводили прямую параллель с сегодняшней ситуацией. Методы тайной войны против неугодного кому-то лидера и его политики многообразны. Например, именно из этого рода явление, отмеченное в мае прошлого года в «Правде» министром торговли СССР К. Терехом: «Есть основания предполагать, что «взрывы» покупательского спроса формируют те, кто стремится таким путем нанести удар по перестройке, дискредитировать ее благородные цели и позитивные результаты». Впрочем, неопровержимых доказательств пока нет. Одно ясно: такой вариант возможен в принципе. И пока силен бюрократический, антинародный слой, пока ограничена демократия, нет твердых гарантий от повторения трагических событий, от их использования в интересах реакционных сил, возвращения к самым худшим временам, от которых, к сожалению, мы пока не так далеко ушли.

Литература о Чернобыле поистине необъятна и вбирает в себя множество голосов людей, чьи судьбы оказались так или иначе затронуты самой страшной катастрофой нашего столетия. Но до сих пор еще не выслушаны те, кто был признан — официально, по суду — виновником происшедшего. Интервью, сокращенный вариант которого предлагается вниманию читателей нашего журнала, было взято в колонии общего режима в 80 километрах от Ворошиловграда. Многие высказанные в нем суждения явно субъективны. Но этим они и интересны, оставаясь, разумеется, целиком на совести нашего собеседника.

ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА

С Виктором БРЮХАНОВЫМ, бывшим директором Чернобыльской АЭС, беседует Андрей КАРАУЛОВ

А. Караулов. *Виктор Петрович, может быть, мы начнем вот с чего. Что же произошло в тот день на четвертом блоке? Когда вы узнали, что взорвался реактор? Как все это было?*

В. Брюханов. Наверное, нет нужды говорить, что этот день перевернул всю мою жизнь... говорить трудно, особенно здесь, в «зоне». 25 апреля, накануне, я на станции не был, разговаривал в Киеве с первым секретарем обкома партии. Приехал домой, меня встретили дочь и зять, вечером позвонил на станцию, все в порядке, блок готовился к плановой остановке. Тогда я уехал на дачу, машину поставил во дворе. Примерно в половине второго ночи — звонок. Я поднимаю трубку — говорит начальник термического цеха. «Виктор Петрович, не звонили вам?» «Нет, а что такое?» «Какая-то страшная авария на четвертом блоке». Я попытался дозвониться начальнику смены — не получилось, быстро оделся и выбежал на улицу. Сел в дежурный автобус и приказал гнать на станцию, на четвертый блок. Подъезжаем, вижу: верхнее строение полностью отсутствует, оно снесено. И — зарево. Я понял, что случилось что-то очень страшное. Прошел к себе в кабинет, опять пытался позвонить — не получилось, побежал на блок, там был заместитель главного инженера Дятлов, спросил, в чем же дело. Все пожимают плечами, разводят руками — непонятно, что произошло. Я развернулся, опять в кабинет, даю команду телефонистке: всеобщий сбор. (По этому сигналу собирается все руководство станции.) Уже начали появляться руководители цехов и служб. Я прошу: коротко пробежать по станции, собрать информацию и доложить — мне надо звонить в Киев. Все разбежались, через какое-то время собрались, говорят: произошел какой-то взрыв, а что — неизвестно, ничего нельзя понять. Я тут же позвонил начальнику главка, все рассказал как есть, говорю, что причины не выяснены, персонал пытается дать воду на охлаждение реактора. Ну вот... Потом позвонил первому секретарю обкома партии, все доложил, затем — министру энергетики. Конечно, началось столпотворение...

Дали команду вывести весь персонал. Мы остановили третий блок, а первый и второй продолжали работать.

А. К. *А радиацию мерили?*

В. Б. Мерили, конечно. Это была первая обязанность. Оказалось, тысяча миллирентген.

А. К. *На сколько это превышает норму?*

В. Б. Норма — 0,8 миллирентгена. А тысяча, я прикинул, это 3,6 рентгена в час. Как оказалось впоследствии, у наших дозиметристов просто прибор такой, где шкала была всего до тысячи. И ее зашкаливало, а там, конечно, было больше. Утром мы с начальником штаба гражданской обороны Соловьевым замерили уже по «периметрам» — в отдельных местах были «прострелы» до 50 рентген в час. А в одном месте — 200 рентген. Буквально сразу, когда я вошел в кабинет, появились исполняющий обязанности первого секретаря Припятского горкома партии и председатель райисполкома. Я говорю: нужно готовить город к эвакуации. Председатель райисполкома возразил: «Ты что думаешь, ведь это паника будет!» «Какая бы ни была паника,— отвечаю,— вы готовьтесь». Они ушли, потом он мне позвонил: жди, скоро приедет руководство из области. И примерно в половине одиннадцатого утра появился второй секретарь обкома, чуть раньше — заведующий промышленным отделом обкома. «Что делать?» — спрашиваю. «Нужно готовить информацию». «Хорошо». Секретарь парткома набросал, там были указаны уровни радиации — 1000 миллирентген на блоке и в городе от 2 до 4 миллирентген. Я тут же подписал. И вот эта бумага впоследствии оказалась криминальной.

А. К. *Почему?*

В. Б. Суд посчитал, что я, используя служебное положение, специально занизил уровень радиации и тем самым ввел в заблуждение руководство области. За это я получил десять лет по статье 165 УК Украины — использование служебного положения в личных целях.

А. К. *Но вы объясняли суду, что вы тут ни при чем? Что информацию о 1000 миллирентген вам дал начальник дозиметрического цеха?*

В. Б. Я говорил. Но суд меня не слушал. Вы знаете, мы хоть и признаем, что должна соблюдаться презумпция невиновности, но в суде все происходит наоборот, суд исходит как раз из презумпции виновности, так мне теперь кажется...

А. К. *Мы об этом еще поговорим, а пока вернемся на станцию. Что же было потом?*

В. Б. В двенадцатом часу дня секретарь обкома собрал в Припяти совещание секретарей партийных организаций. Сказал: выезжает правительственная комиссия, пока не паникуйте, ничего предпринимать не будем. А еще утром я созвонился с начальником стройки и попросил его прекратить все работы на строительстве пятого блока. Он любил смешками отделываться: «Что, там что-нибудь серьезное?» Я говорю: «Очень серьезное. Выводите всех людей». Как потом оказалось, он этого не сделал, и основная масса людей, которые переоблучились и погибли, были именно строители.

А. К. *Он получил срок?*

В. Б. Нет, конечно. Он Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета Украины. Суд его не коснулся. А потом приехала правительственная комиссия, военные, мы облетели четвертый блок на вертолете, и только тут все поняли, что реактор полностью вышел из строя.

А. К. *Я боюсь даже представить себе ваше состояние, когда вы узнали, что реактор именно взорвался.*

В. Б. Да... это... трудно вспоминать.

Ну вот... Комиссия начала работу, меня они не вызывали. Практически я занимался только эвакуацией персонала. Больше всего меня поразило, что на следующий день или в тот же, не помню, наш министр вышел от Щербины, председателя комиссии, вызвал меня, начальника стройки, проектировщиков и говорит: «Составляйте график восстановления четвертого блока». Я не поверил: «Как четвертого блока?» «Составляйте и все...» Проектировщики и заместитель главного инженера что-то набросали, я сижу безучастный... зачем заниматься чепухой? Приехали Рыжков и Лигачев, всех собрали в райкоме, и министр сразу докладывает: «Уважаемые товарищи члены Политбюро, Николай Иванович, Егор Кузьмич, мы составили график восстановления четвертого блока, к осенне-зимнему сезону он будет работать!» Они слушают, одобряют. «И будет работать пятый, даем слово». Понимаете, сейчас гласность, никто ничего не боится, а в то время была привычка все скрывать или показывать в радужных тонах. Показали и на этот раз. Это был позор...

А. К. *Что же произошло с реактором, Виктор Петрович? Насколько я знаю, во всех наших книжках и учебниках написано, что реактор ни при каких обстоятельствах взорваться не может.*

В. Б. Да. Это было не только в учебниках, но и во всей нашей документации. Везде писали: самое страшное, что может случиться с реактором, это когда он останется без воды. Тогда расплавляется топливо, получается «козел», как говорят у нас,— это долгие восстановительные работы. Конструкторы считали, что другая авария исключена. А то, что реактор может взорваться,— этого, я думаю, они и сами не знали.

А. К. *Кто был научным руководителем проекта?*

В. Б. Считается, что «отец» этого типа реакторов — Доллежаль, а руководителем института Курчатова, когда он разрабатывался, был академик Александров. Это их детище.

Уже в тюрьме я узнал: в Государственном комитете по техническому надзору есть заключение независимой группы инженеров, что в самой конструкции этого типа реакторов имеются 32 ошибки, 32 нарушения правил ядерной безопасности. Может быть, не все они ведут к аварии, но... реактор-то взорвался! Наш персонал сделал одно нарушение, допустим. За это нам дали по десятке. А за 32 ошибки — ничего!..

А. К. *Насколько я знаю, многие из тех, кто непосредственно отвечал за Чернобыль, после аварии получили ордена и повышение по службе — Копчинский, Марин...*

В. Б. Это было потом, когда я уже сидел. Все-таки я не могу понять: как можно награждать тех, кто хоть в какой-то мере причастен к этой аварии? Копчинский и Марин — это работники ЦК КПСС, заведующий сектором и заместитель заведующего отделом. Они вели всю атомную энергетику в стране. Копчинский, если я не путаю, получил орден Трудового Красного Знамени, Марин — орден Октябрьской Революции; сейчас они работают в Совете Министров СССР, так же занимаются атомной энергетикой — в ЦК произошла реорганизация, и их перевели в Совет Министров...

А. К. *За решеткой, значит, оказались вы, главный инженер...*

В. Б. Я, главный инженер, заместитель главного инженера, начальник смены, начальник цеха и инспектор технадзора. Главный инженер недавно погиб — сошел с ума в лагере. Еще на следствии, как мне потом стало известно, он дважды пытался линзами от очков вскрыть себе вены.

А. К. *Вы общались с ним на суде?*

В. Б. Нет. Не разрешено. На суде нельзя ни с кем общаться.

А. К. *Виктор Петрович, вот сейчас, анализируя уже задним числом события тех дней, скажите: в ликвидации последствий аварии были допущены большие ошибки, как вы считаете?*

В. Б. Во-первых, виноват я. Как директор. Ну вот смотрите: погибло столько пожарных. Их руководитель, Телятников, стал Героем. Недавно я видел по телевизору, его благодарила Маргарет Тэтчер. А пожарные, если говорить честно... Ничего они не тушили.

А. К. *Как...*

В. Б. В этом легко убедиться, взяв в руки тома следствия и прочитав показания самих пожарных. Они погибли... как бы это помягче сказать, людей-то уже нет... по их большой любознательности, скажу так. И я уверен, по очень большой вине их руководителя — Телятникова. Он погнал их на крышу четвертого блока, не выяснив, какая обстановка, не спросив разрешения: дал приказ — и все, неизвестно зачем. А ведь, судя по показаниям самих пожарных, там не было какого-то очень опасного пожара. Они сапогами сбрасывали куски графита. Когда же я приехал, Телятников сразу мне доложил, что все в порядке...

А. К. *Вы рассказывали это на суде?*

В. Б. Нет. Суд и так все знал. Дальше: мне кажется, правительственная комиссия — Щербина и Велихов — приняла неверное решение забрасывать реактор мешками со свинцом и песком. Резон в этом был: хотели снять дополнительное тепло. Но когда мешки кидали с вертолета, поднялось целое облако пыли. Она разносилась по округе, и радиационная обстановка резко ухудшилась.

А. К. *Вы говорили Велихову, что так нельзя?*

В. Б. Меня уже никто не слушал. Я был не у дел. Меня заочно сняли с работы, потом, 13 августа, вызвали в прокуратуру. Домой я уже не вернулся. А до этого, 3 июня, на заседании Политбюро меня исключили из партии.

А. К. *Вас из партии исключали на Политбюро? Как это происходило?*

В. Б. Накануне мне позвонил начальник главка, сказал, что нужно срочно выезжать в Москву, билет заказан. Я начал собираться, заехал в обком, попрощался со вторым секретарем. Мы поцеловались,— я сразу понял, что меня ждет что-то серьезное. Всегда были натянутые отношения, а тут по-человечески... так хорошо простились. Вечером прилетел в Москву. А на следующий день, в 11 часов, заседание Политбюро. В Кремле, там, где оно обычно и заседает. Вел Михаил Сергеевич. Сначала докладывал Щербина, потом подняли меня, я коротко все объяснил, были один или два во-

проса. Горбачев спросил, знаю ли я о последствиях аварии на станции в штате Пенсильвания, в США. Я ответил, что знаю...

А. К. *Как Горбачев себя держал?*

В. Б. Да нормально держал, чем выше уровень аппарата, тем более культурно все происходит. Если взять горком или райком, там страшно что делается, на тебя орут, можно инфаркт получить. Люди часто болеют после таких совещаний. Обком партии — уже полегче, хотя приятного тоже мало. А в Кремле все было спокойно. Нормальный разговор. После меня выступал заместитель министра, кто-то еще, еще... Позже сочувствующие мне люди сказали, что я вел себя правильно. Заседание шло с 11 дня до 7 вечера. Объявили решение: Брюханова исключить из партии, министру — строгий выговор без занесения в карточку, заместителю министра — строгий выговор и снять с работы... ну, и так далее.

А. К. *Вы не пробовали сказать, что это решение вам кажется поспешным?*

В. Б. На таком уровне в то время было как-то не принято говорить подобные вещи.

А. К. *Вы большую дозу получили, как вы думаете?*

В. Б. По предварительным данным, около 60 рентген.

А. К. *Виктор Петрович, я забыл спросить вот о чем. Как известно, 1 Мая в Киеве была трагическая «праздничная» демонстрация, Щербицкий стоял на трибуне и все время поглядывал на часы. Как я понимаю, руководители Украины имели точную информацию об уровне радиации. Так это или не так?*

В. Б. Они знали все как есть. Уже 26-го вечером и 27-го работали военные, они ездили по округе, мерили радиацию, у министра Израэля уже имелась карта с точным указанием уровня загрязнений Припяти, Киева...

А. К. *Значит, та бумага, которую подписали вы, вообще никакой роли не сыграла?..*

В. Б. Конечно. Нужно было найти статью, поэтому ее и вытащили на свет.

А. К. *После Чернобыля в газетах писали, будто вы лично докладывали Брежневу, что четвертый блок можно пускать досрочно.*

В. Б. Ну, посудите сами. Есть же кому докладывать. Я не та фигура. Есть первый секретарь обкома партии, министр энергетики Украины, союзный министр и так далее...

А. К. *Четвертый блок действительно сдавали раньше срока? У вас были ощущения, что он не готов к эксплуатации?*

В. Б. Ни один блок на Чернобыльской АЭС раньше срока не сдавали. А четвертый блок был сдан лучше всех остальных. На нем было сделано все.

А. К. *Вот это да... В таком случае скажите: в какой мере у нас безопасны другие атомные станции, как вы считаете?*

В. Б. После Чернобыля на многих станциях, где стоят такие же реакторы, как у нас,— Ленинградской, Курской, Смоленской,— были проведены серьезные технические мероприятия. По-моему, Чернобыль не повторится. Другое дело, что нужно навести порядок в работе самих атомных станций. Скажем, избавить их от выпуска товаров народного потребления...

А. К. *А это еще что такое?*

В. Б. Вы же знаете, есть мнение, что все промышленные предприятия должны выпускать товары народного потребления. А атомная станция — это промышленное предприятие... Или другой пример. В марте — решение бюро обкома партии: Брюханову поручается построить два сенохранилища на 400 тонн каждое. Иди и выполняй. Не выполнишь — влепят наказание по партийной линии. Если захотят, выгонят с работы. Вот все и дрожали...

А. К. *Вот тогда, в мае, вы понимали, что именно вас во всем и обвинят? Что вы окажетесь за решеткой?*

В. Б. Я понимал, что какое-то наказание понесу. Я — руководитель, следовательно, должен отвечать за свой персонал. Но я никогда не думал, что мне... дадут десять лет.

А. К. *Приговор был для вас полной неожиданностью?*

В. Б. Полной.

А. К. *Вы пытались как-то бороться, писать?*

В. Б. Куда там... Сидишь в камере один, дают только «Правду» или «Радянську Україну»,— куда можно писать в такой обстановке? Месяц или два я вообще сидел один, хотя это и не положено. Но по сравнению с тюрьмой МВД следственный изолятор КГБ — это рай, там хоть человеческие отношения. А все эти этапы и тюрьмы — вот это самое страшное. Там ты не человек.

А. К. *Но здесь, в колонии, вас уважают, я разговаривал с зеками, говорят: «Зазря сидит», они быстро во всем разобрались...*

В. Б. Да как будто нормально...

А. К. *Рыжков после Чернобыля сказал: «Мы все вместе шли к этой аварии». Как вы думаете, это справедливо?*

В. Б. На сто процентов. Но вы меня поймите, все-таки я — директор Чернобыля, мне трудно об этом говорить. Вон одна наша газета написала, что Брюханову нужно было повесить на грудь табличку и водить из города в город, чтобы все видели... Так когда-то хотели сделать с Гитлером.

А. К. *Кстати, Виктор Петрович, о Чернобыле очень много написано — и о самой аварии, и о причинах. Какие из статей, на ваш взгляд, серьезные?*

В. Б. Честно написал Головков в «Огоньке», но вот после того как я прочитал... что меня на веревочке надо водить, я стараюсь их не читать... Знаете, я понял, что многие журналисты, писатели, особенно те, кто не обладает большим талантом,— им надо заработать. У них, наверное, семьи, я их понимаю. Но уж если писать, так не врать по крайней мере. В Чернобыле был героизм, были настоящие подвиги, но как-то так получилось, что о них забыли. Например: на станции любой блок имеет определенный запас водорода. Если бы он взорвался, были бы колоссальные разрушения, новые жертвы. И вот один человек — Леличенко... запомните эту фамилию... Леличенко, заместитель начальника электроцеха, вошел в здание, где был водород, заместил его азотом, отключил резервные запасы водорода... Эту тяжелую и длительную работу он проделал в условиях сумасшедшей радиации. Он погиб. На глазах у всех человек совершил героический поступок, но награды нет, даже посмертно...

А. К. *После того, что произошло, у вас, наверное, есть желание никогда больше не возвращаться на АЭС, бежать от этой атомной энергетики куда подальше?..*

В. Б. Если удастся уговорить жену, я обязательно вернусь на АЭС и, по правде говоря, хотел бы в Чернобыле.

А. К. *Честное слово?*

В. Б. Да.

А. К. *А чем вы здесь занимаетесь, в колонии?*

В. Б. Слесарь в котельной. Работа почти по специальности, так сказать...

9 декабря 1989 года.

Беседу записала
Ольга ДРЕМИНА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В КАКОМ КЛАССЕ АНДРЕЙ ЖЕЛЯБОВ

Юрий ЩЕКОЧИХИН, публицист

Взрыв формирования молодежных неформальных групп (которые играли свою роль в политической жизни общества, часто даже не осознавая этого) пришелся, я считаю, на рубеж семидесятых — восьмидесятых годов. Тогда Москва и другие крупные города впервые увидели панков, фанатов, хиппи, рокеров. Мне удалось познакомиться почти со всеми лидерами этих движений, и во многих из них я углядел черты, позволяющие бороться за лидерство политическое.

И когда у нас всех этих ребят-неформалов обвиняли в слепом якобы копировании Запада, то забывали, что там молодой человек при желании всегда мог занять свое место в политической структуре, наши же были этого попросту лишены. Молодежные движения того времени появились на нашей почве как осознанный или неосознанный ответ на официальную политику. Пытаясь воздействовать на общественное мнение, у нас тогда раздували дело из так называемых нацистских выступлений, хотя в действительности сколько-нибудь заметных нацистских групп ни тогда, ни позже не водилось. А дело было в том, что на улицы выходило поколение, в котором исчезал ген страха.

Что беспокоит в сегодняшней ситуации? Очень сильны в среде молодежи уголовные традиции и куда слабее традиции политические. Показательны события в Фергане, где молодежь являлась основной погромной силой. Существует огромная опасность управляемости молодежью со стороны преступного мира. Случайно ли группировки казанских подростков начинали уличные погромы именно в те дни, когда правоохранительные органы всерьез принимались за организованную преступность?

Почему в молодежи так легко разжечь агрессивность, поднять ее на бессмысленный бунт? Потому что она восприимчива к простой, выработанной уже нашей историей схеме: вот твой враг. В апреле прошлого года во многих городах молодежь опять организованно кинулась ловить новоявленных нацистов, которых, как оказалось, не существует. Все общество зражено поиском врагов: кооператоры, некоторые народные депутаты, наконец, сам аппарат. Очень трудно доказать, что это не школа демократии, а школа тоталитаризма, при котором мы все вырастали.

Для того чтобы прогрессивные политические тенденции возобладали над уголовно-криминальными, необходимо множество альтернативных молодежных организаций. Комсомол у нас дряхл уже настолько, что не сумеет, славв богу, сыграть даже регрессивную роль в молодежном движении. Мне кажется, его будущее — лишь в тех тысячах освобожденных комсомольских работников (кстати, вдумайтесь в эту цифру!), из которых и будет состоять ВЛКСМ. Будем объективны: многие депутаты от комсомола проявили себя на втором Съезде силой довольно прогрессивной, но думаю, это не общая тенденция хотя бы потому, что первый секретврь голосовал против включения в повестку дня 6-й статьи Конституции.

Выступая за усиление политических тенденций, хочу, чтобы меня поняли правильно: молодежь нельзя искусственно политизировать, ни к чему хорошему это не приведет. У нас и так до сих пор большинство молодежных организаций не гуманитарного, а насильственного типа, требующих оголтелого социального равенства и готовых отстаивать его с применением любых подручных методов.

В любом ли обществе и в любые ли времена молодежь использовали в качестве погромной силы? Конечно, нет. Но так было. Нам бы сегодня тоже не забывать, на каком уровне исторического развития мы находимся. Недавно видел в газете снимок ребят, шедших с плакатом «Догоним и перегоним Африку!». А иностранные коллеги удивляются: «Почему вы думаете, что свободный рынок обеспечит вам западные условия жизни? Может, у вас и будут джинсы на всех прилавках, как в странах «третьего мира», но и уровень политических свобод будет приблизительно таким же».

Я, кстати, не идеализирую западную молодежь. Людей, по-настоящему политически активных, прогрессивно мыслящих, в любой стране не так уж и много. Их всегда небольшая горстка. Я разговаривал в Париже с лицеистом, которому удалось организовать огромную молодежную демонстрацию в знак протеста против убийства алжирца. Этот лицеист, Даниэль, сам выросший в очень прогрессивной семье (отец — один из деятелей движения 68-го года), с горечью жаловался мне, что, убеждая товарищей прийти на митинг, то и дело встречал виноватые фразы вроде: «Да, надо бы собраться, но извини — обещал сегодня с девочкой сходить в кино...» и т. д.

Что касается США, то там молодежь сегодня вообще, на мой взгляд, на редкость консервативна и законопослушна. Правда, и сами законы там демократичнее наших. Американские профессора, воспитанные демократическими традициями шестидесятых, приходят на лекции в джинсах и курточках спортивного покроя, американские студенты — в пиджаках и при галстуках, они респектабельны и, как правило, поддерживают на выборах консервативную партию. Полагаю, за нашими консерваторами молодежь не пойдет уже хотя бы потому, что те в первую очередь запретят рок-музыку, а других ценностей у многих из них давно уже нет.

Но меня настораживает еще одна тенденция, выявленная в результате дискуссий на втором Съезде и вокруг него. Возвращаюсь к пресловутому обсуждению статьи 6. Очень наглядный пример. Каждый, казалось бы, понимает, что надо ликвидировать тезис о руководящей роли партии, а Съезд большинством голосов принимает решение даже не обсуждать этот вопрос.

Но ведь молодой человек видит по телевизору не только электронное табло, ему показывают по «Времени», что происходит в Болгарии, Польше, ЧССР, да в той же нашей Прибалтике. Он начинает понимать, что государство в своем развитии отстает от развития не только передового, но и среднестатистического гражданина. И вот этому молодому человеку, тысячам таких молодых очень хочется поторопить время. А в подобных настроениях, учитывая нетерпимость и жестокость всего общества, как бы перманентно находящегося в подростковом возрасте, всегда кроется опасность непредсказуемых поступков. Я все время боюсь, что где-то в пятый-шестой класс уже ходит новый Андрей Желябов, который предложит нам свою модель спасения человечества. На пороге нового десятилетия с грустью вспоминаю, как реформы прошлого века были оборваны выстрелом, сделанным из самых чистых побуждений...

Давайте помнить об этом и о том, что при всех наших богатых антидемократических традициях мы сегодня совершаем огромную ошибку, по-прежнему пытаясь сделать ставку на военизированное воспитание в школах, институтах, даже магазины игрушек у нас напоминают ощетинившиеся бастионы. Давайте все время помнить о том, что у нас сейчас уникальное и непредсказуемое поколение советских людей, которое не дожило до коммунизма, но наконец-то дожило до свободной печати.

Рубрику ведут доктор исторических наук Юрий СИМЧЕНКО и кандидат исторических наук Сергей САВОСКУЛ

Испокон веку у людей было принято знать своих соседей. И не только по имени. Те, кто жил рядом, нередко поровну делили и радости, и беды. Потому что так легче в горести и веселей в хорошую минуту. Но ведь соседи бывают не только по дому. История соединила в огромном общем доме не семьи уже — народы.

Россия — самая многонациональная из республик нашего Союза. Кроме русских, составляющих более четырех пятых ее населения, в ней живут еще около ста народов. О существовании некоторых российских народов мы знаем по названиям их автономий: республик, областей, округов. О множестве других даже не слыхали. Как же строить нормально человеческие отношения, толком не познакомившись?

Именно с малочисленных, малоизвестных наших собратьев мы хотели бы начать рассказ о народах России.

„ПОЛОЖИТЕ РЕЧКУ НА МЕСТО!"

Евгения КАШТАНОВА

Хочется долго-долго смотреть, как спадает по уступам прозрачная ключевая вода. Еще не попробовав, предчувствуешь ее вкус — пронзительно-чистый, почти незнакомый горожанам. Поднося воду к губам, как не задуматься о течении времени! Кто знает, сколько лет бьют эти ключи? Испокон веку женщины стирают в холодной родниковой воде национальную одежду сету. Потому, наверное, их платья такой белизны, в узоры так ярки. Да еще потому, что полотно ткут дома, из своего льна. Вот и нет износа пестрым праздничным нарядам. Нашлось бы кому надевать!

Не так уж легко понять, что такое «малочисленный народ». Хотя и известно, что 17—19 тысяч для народа — совсем мало, но звучит все-таки внушительно: тысяч! Другое дело — такая, «местная», арифметика: после войны в деревне Кошельки Печорского района Псковской области было восемьдесят восемь дворов и проживало более четырехсот человек; сейчас осталось тринадцать домов, а в них старухи, старухи, старухи... Говорят, правда, что стоит попариться в бане с водой из здешних ключей — и как не бывало пяти лет. Но что-то не молодеет деревня. Вот и получается, что наименование «малочисленный» все более применимо к народу сету.

Впрочем, сету — ученое название, и в Печорском крае его мало кто произносит. Здесь в ходу старое привычное слово — полуверец. Кто же они, сету-полуверцы?

«Русские называют полуверцами живущих в их соседстве эстов, исповедующих православную веру, но сохранивших свой язык и нравы... Самая большая масса полуверцев, около 13 тысяч, живет в Псковском уезде на рубеже Лифляндской губернии... Вопрос о том, обязано ли происхождение полуверчества наступательному движению русской культуры среди инородцев, или же сами инородцы, перешедши в сферу влияния этой культуры и приняв некоторые обряды православной церкви, через это сделались полуверцами, остается доселе не выясненным». Из книги Г. Г. Трусмана «Исакские полуверцы в Эстляндской губернии», 1895.

Итак, сету — эстонская национальная группа. Язык — диалект эстонского. Понятно, что сегодня молодежь сету уезжает учиться в Таллинн и Тарту. Мало кто возвращается потом в печорские деревни.

— Мария Семеновна, для кого же все это?

Семидесятипятилетняя крестьянка Мария Пяхнапуу из Кошелек раскладывает перед гостями свои изделия: разноцветные пояса, узорчатые ленты.

«Одежда полуверцев походит на одежду ижорян; верхняя называется рядок, или рядань... на голове повой — обкрученное полотенце концами на спине; китайка с пуговками впереди; красик с торчащими на боку рукавами; комышел, женское одеяние вроде рубашки».

— Это надевают на свадьбу... А вот это — к мужскому праздничному костюму,— поясняет хозяйка.

Пытаюсь уточнить: кто именно будет носить, да и по какому случаю, если обезлюдела деревня? Но Мария Семеновна предпочитает не расслышать или не понять вопроса: как-никак языковой барьер!

— Однажды вечером я вспомнила, как прежде плели пояса, и сделала вот это,— она показывает нам четыре соединенные дощечки с отверстиями — один из своих разнообразных инструментов. Служат ей и пустая бутылка, и деревянная рогатка. Даже не верится, что с их помощью рождается такой хитрый рисунок. Кстати, ни одна из мастериц сету не повторяет чужих узоров. Переплетение линий и красок всегда единственное.

Скручивается из цветных ниток упругий поясок, и мне представляется, что так же неразрывно и так же красиво сплелись традиции в культуре сету. Эстонская речь, общая с русскими соседями православная религия, а в некоторых обычаях — отзвуки сохранявшегося до XV века язычества. Например, вера в целительную силу по-особому выдолбленных и сложенных камней. Впрочем, «теплые камни» не только предмет культа, но и прекрасная грелка, которая и впрямь лечит от многих хворей. Или вот еще старый-старый полуверский обычай — вплетать женщинам в волосы лен и повязывать сложную прическу узорчатым полотенцем. Это глубоко символично: вплетается лен в судьбы тех, кто его выращивает,— поди отдели! Редкостное трудолюбие крестьян сету не раз отмечали и их соседи, и путешественники.

«...От самого Изборска до Печор на расстоянии двадцати верст нет ни одной деревни на большой дорога. Не помню я, кто-то глумился над кем-то, сказавшим, что чухонцы избегают больших дорог, рек, озер. Этот господин думает, что русские их оттесняют. Мне кажется более справедливым замечание Печорского жихаря (жителя). «Полуверцы: как их здесь зовут,— сказал он мне,— полуверцы землю пахать очень любят; так им больше ничего и не нужно; хоть за версту, а то за полверсты, а убежит от дороги». П. И. Якушкин. Путевые письма, 1859.

Деревни сету и сейчас стоят в стороне от дорог, только жизнь там стала другой. Старики еще помнят, как на православные праздники собирались вместе сотни людей из окрестных селений, пели, танцевали, перетягивали канат, стреляли в цель, пили вкусное домашнее пиво. И вот что еще многим запомнилось: в ту шумную да многолюдную пору не водилось в деревнях воровства. Хоть корову, хоть лошадь оставь без присмотру — не пропадет. Может быть, потому, что жили по-родственному, кто ж ворует у своих? А теперь жалуются: вилы забудешь на ночь во дворе — поминай как звали. И так делается обидно — не за одну только пропажу, за все, что утрачивается с годами.

«О Псково-Печерских полуверцах нам известно, что они сидят на исконных местах своих предков, не были католиками и лютеранами и постепенно теряют свою национальность, т. е. язык и нравы...» Этнограф Г. Г. Трусман подметил это в конце прошлого века. Как известно, жизнь набирает темп. То, что вершилось некогда постепенно, теперь происходит стремительно.

Но все же Мария Пяхнапуу в город переезжать не хочет, сколько ни зовут дети и внуки. «Здесь вода вкуснее!» Вот, скажете, опять вода! Что поделаешь, для крестьянина земля и вода не просто пейзаж.

Несколько лет назад проводили в окрестностях Печор мелиорацию и погубили знаменитые ключи. Где только не побывали возмущенные местные жители, добиваясь, чтобы оросительную систему изменили и источнику вернули жизнь. Мария Семеновна всерьез грозилась тогда «привезти суд из Москвы», и до сих пор в районе цитируют ее строгое требование, обращенное к властям: «Положите речку на место!» Не пришлось, к счастью, обращаться в Москву. Сейчас по-прежнему шуршит небольшой водопад перед домом Марии Пяхнапуу. Под его шум возникает у хозяйки-сказительницы мелодия новой песни. А слова, как всегда, будут о том, что болит всего сильнее[1]:

Вот о чем начинаю я песню:
Вы там, в городе, так не грустите.
Как приедете, дети, поймете:
Пахнет в доме по-прежнему — домом,
Потому что мама жива.
Уходить бы отсюда не надо...
Где-то детские ваши свистульки
Здесь остались...
Вы только поплачьте,
Если в доме запахнет землею —
Если мама ваша умрет.

Внимательно слушают бабушкину песню маленькие светловолосые правнуки — Катя и Курмет. Да, не надо бы им отсюда уходить!

[1] Перевод с эстонского.

Усадьба сету.
Фото Дмитрия Ухтомского

СТАРИННЫЕ ОБЫЧАИ СЕТУ

Накануне Нового года ночью ходили на перекрестки узнавать будущее. Звон колокольчика означал приезд сватов или свадьбу. Гадали оловом, выливая расплавленное олово в воду: угловая и жесткая форма слитка означала деньги, подобие креста или гроба — смерть.

Накануне Крещения варили горох и клали на столб ворот со словами: «Мороз, кушай теперь горох, а не летом»,— чтобы летом мороз не причинял вреда гороху.

По окончании жатвы какого-либо хлеба жнецы валили друг друга и волочили за ноги по жниву, чтобы на этом поле хлеб на другой год хорошо уродился.

Женщины в национальных костюмах сету.
Слева — Мария Пяхнапуу.

ЗАГАДКИ СЕТУ

Баба лежит на дороге, растопырив ноги.— Соха.

Черный пастух, пестрая скотина.— Поп и народ.

Сто заплат поставлено без иглы и без нитки.— Кочан капусты.

Щука в море, хвост на берегу.— Поварешка.

Мать толста, дочь красна, а сын под небеса пошел.— Печь, огонь и труба.

ЧУДАКИ УКРАШАЮТ МИР

«Росинант» и донкихоты

Владимир БЕЛЫХ

Фото Дмитрия ЛАГРАНЖА

Есть у Вениамина Владимировича Лыскова труба поновее, никелем так и горит-сверкает, а достал почему-то эту. В ней и жизнь его, и судьба — безо всякой пустой позолоты... А на нашу журнальную обложку озорной сельский трубач «въехал» вместе с любимой лошадкою Маней. «Она того стоит!» — убежденно сказал он. И мы согласились.

«Трапезников — мужик со смыслом!» — так говорят про него земляки. И поди разгадай, что в речении этом упрятано. Грохнулся однажды с неба да прямо в пруд. Едва живой остался. В этом, что ли, и есть потаенный какой-то смысл? А он молчит, легонько усмехается, новые крылья ладит.

ПОВЕСТКА

Кому изобретателю самолета Трапезникову В.А.
фамилия, имя, отчество свидетеля

Расписка в получении повестки на имя ____ фамилия, имя и отчество адресата

Повестку о явке к следователю на „__" ______ 197 г. получил в __ час. __ мин. „__" ______ 197 г.

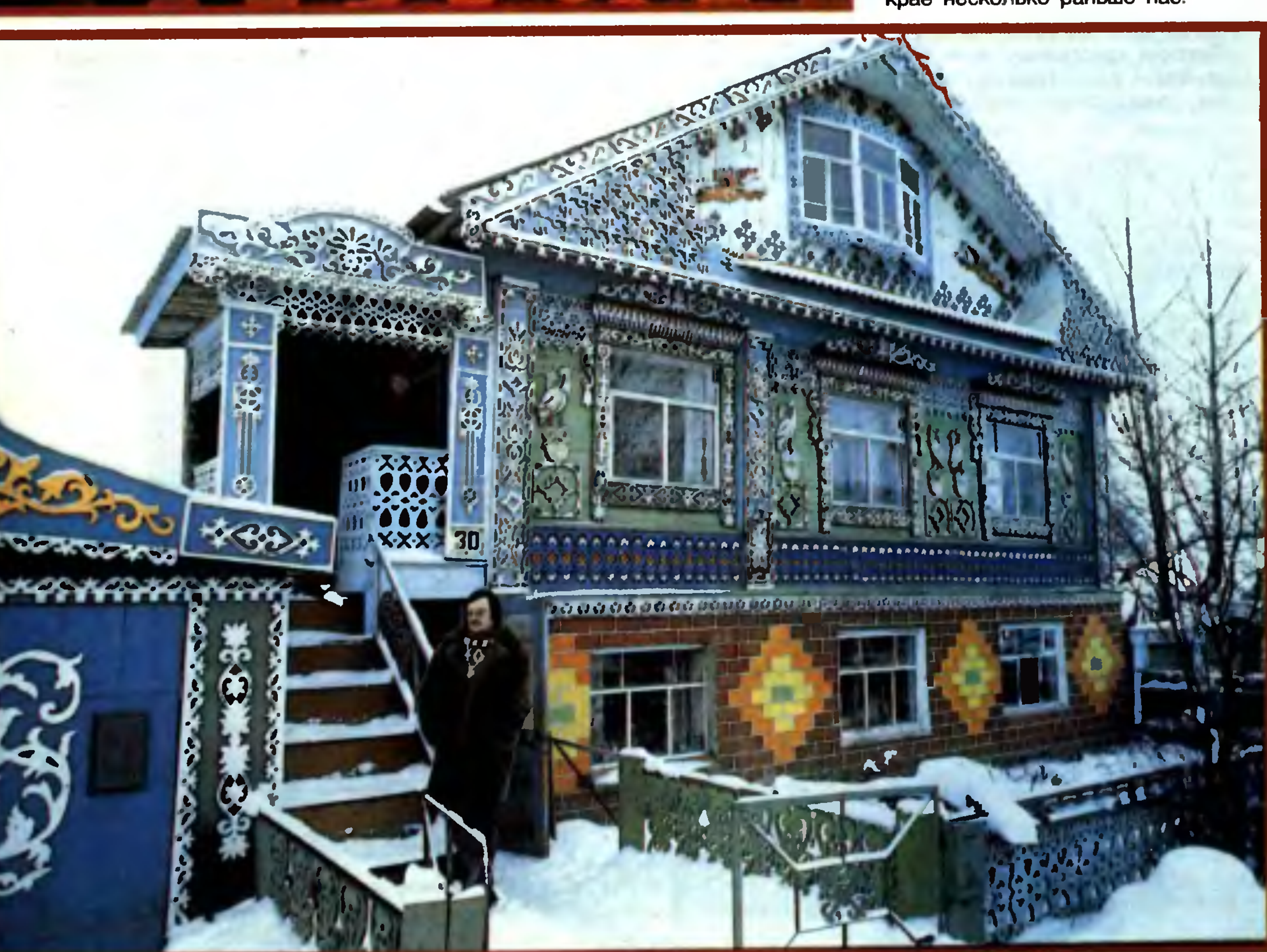
1. Лично ______ подпись адресата

Что за жанр такой художественный — сборная деревянная токарная игрушка и что за картины диковинные — этого словами не объяснить. Глядите и судите сами.

Любимая приговорка Трапезникова, когда ворчит беззлобно, осуждая какую-то очередную несуразицу в нашей бесшабашной жизни: «Ну вот, опять все делается вопреки здравому смыслу...» Пустяшная вроде бы фраза, не генеральные, скажем так, слова, но именно в них-то и заключается, как вскорости понял, ключ к пониманию жизненного уклада, психологии здешнего жителя. Он-то, Трапезников, если внимательно приглядеться да вдуматься, и сам вопреки... Из тех, значит, вятчан, которые с завидным упорством строят мосты вдоль реки, а не поперек, никак не желая даже и в этом повторять других.

Ну, да более подробный рассказ о знакомстве с Владимиром Афанасьевичем еще впереди. А пока хотелось бы вспомнить лишь некоторые наблюдения, оставленные людьми, побывавшими в этом удивительном крае несколько раньше нас.

«Маленькие лачуги, где царит бедность, и большой каменный острог, который печально смотрится в реку, звенит цепями и дышит вздохами». Так описывал Вятку Александр Иванович Герцен в своей книге «Былое и думы».

«Из этого города даже дороги дальше никуда нет, как будто здесь конец света...» — скажет М. Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках».

Такой вот непробиваемый мрак, безысходность дремучая. Самое место воскликнуть: «И какой же враль придумал сладкую сказочку о том, что «вятские — ребята хватские»?! В эдаком-то болоте и лягушке жить не в прок...»

Это по здравому смыслу. А вопреки? Поперек ему, значит, лягут такие имена: П. Чайковский, братья В. и А. Васнецовы, И. Шишкин, А. Грин, Ф. Шаляпин, К. Циолковский. Космонавт В. Савиных, наконец. Все — выходцы из этих мест.

Механическая логика в деле нам не поможет. Причины духовного возвышения местного люда, взлета его талантов надо искать в исконном характере здешнего народа, давних истоках его.

В сборнике «Живописная Россия», изданном в 1901 году, можно найти такие любопытные строки, написанные Матвеем Песковским: «Вятский крестьянин, если его не загнала нужда в темный угол, сметлив, расторопен, изобретателен. Не изведав крепостного рабства, он непринужденно и с достоинством держит себя в отношении «сюртучнаго» люда, т. е. всех тех, кого называют нарицательным именем «барин». Он здоровается не иначе, как за руку, не трется у порога и преспокойно садится, если замешкаются предложить ему стул».

Наверное, одним из таких людей и был здешний, Яранского уезда, крестьянин Леонтий Шамшуренков, отправивший в Петербург прошение, в котором обещал в три месяца построить первую в России коляску, способную передвигаться без лошади. На осуществление задуманного Шамшуренков просил 30 рублей денег, а послание свое в Сенат заканчивал словами: и если обещанного не исполню, то пусть меня казнят.

Царские чиновники, присутствовавшие на испытании этого самодвижущегося аппарата в Петербурге 5 ноября 1752 года, отметили в своем заключении, что «коляска сама шла не только по ровному месту, но и в гору, где не круто было, управляема была двумя человеками, стоящими сзади на этой же коляске...». Двигалась коляска вращением педалей.

Позже Шамшуренков придумал счетчик-верстомер, с помощью которого можно было определить скорость движения кареты и путь, ею пройденный. Еще самоучка-изобретатель Леонтий Шамшуренков выдвинул проект соединения каналом реки Москвы с Волгой. Он же предложил построить колесную дорогу под землей.

Стоит, пожалуй, отметить особо то обстоятельство, что на осуществление своих проектов талантливый крестьянин просил не только денег, но и... свободы. За донос о злоупотреблениях при продаже спирта Леонтий Шамшуренков был водворен в тюрьму и просидел в ней пятнадцать лет на положении даже не обвиняемого, а только лишь свидетеля!

Замечательные проекты Шамшуренкова были в царской России благополучно похоронены, имя крестьянского изобретателя в энциклопедии не вошло.

Не попал в академические издания и Трапезников, что, впрочем, никак не препятствует познакомиться нам с этим интересным человеком ближе.

Залазна, село, в котором живет Трапезников, даже по областным масштабам достаточно далекое. Ехать от Кирова надо всю ночь поездом, после около часа трястись на машине.

О дальности и глухомани говорит еще хотя бы и тот факт, что волки здесь собак с цепи таскают прямо посередь села. Деревень-то в округе многих уже не стало, вот и разбойничают безо всякой опаски ночами.

И опять, словно в насмешку над здравым смыслом, именно в этом дальнем углу «губернии» Трапезников строит свои самолеты.

...После некоторых поисков Владимир Афанасьевич обнаружился в мастерской. Вышел навстречу с большим пропеллером в руке, только что им отшлифованным и еще теплым. Штука эта с виду вроде бы незатейливая, но ведь как ни крути, а требует точного расчета в своих геометрических контурах. Как же рассчитывает? «А никак,— пожимает плечами Трапезников, щурится подслеповато за очками,— все на глаз да на ощупь».

То, что летному делу Трапезников нигде не учился,— это факт. В детстве, правда, лет сорок еще назад, занимался в школьном авиамодельном кружке. Потом — неудачная попытка с поступлением в Московский авиационно-технологический институт: не добрал одного балла. Дальше — армия, женитьба, семья, дети. Ныне шофер. Самая банальная история, какими свет не удивишь. Да только Трапезников характером оказался непрост, желание оторваться, взлететь вопреки всему сохранил, уберег в себе на всю жизнь.

Самолеты начал строить с 1964 года. Сначала был автожир, потом «летающее крыло», за ним моноплан-парасоль. По земле аппараты бегали юрко, а вот преодолеть земное притяжение никак не желали: не хватало тяговой мощности. Тогда и смастерил новый двигатель, собрав его из частей отжившей свой век пожарной мотопомпы и деталей ижевского мотоциклетного движка. Вышло около сорока лошадиных сил, и этого хватило, чтобы последняя конструкция Трапезникова с романтическим названием «Росинант» наконец-то поднялась в воздух.

— Полетел впервые — елки подо мной, дороги, поля мелькают. Страх-то... Вообще человеку свойственно бояться того, чего не знает. Потом освоился, подумал: чего я боюсь, ведь самолет-то летит.

Винт, шасси, да все, кроме двигателя, в конструкции этого аппарата самодельное. Самый дефицитный материал — миллиметровая авиационная фанера, которую конструктор собирал по кускам... от посылочных ящиков.

Полететь-то Трапезников полетел, только вот на беду о полетах его написала областная газета, и вскоре Владимир Афанасьевич получил вызов в районную прокуратуру. На повестке, в адресной графе, значилось: «Изобретателю самолетов Трапезникову В. А.».

Следователь взял с «изобретателя самолетов» подписку о том, что нынешняя машина будет сломана и других самолетов Трапезников строить не будет. Владимир Афанасьевич согласно покивал головой, про себя усмехнувшись: чего ломать-то, когда самолет он и так недавно разбил. А когда уже в дверях кабинета был, следователь его окликнул, снова позвал к столу: «Ты вот что, Трапезников, давайка перепиши по-другому: обязуюсь, мол, впредь вообще не заниматься конструированием летательных аппаратов... М-да, именно аппаратов,— добавил с нажимом.— А то ведь ты еще какую-нибудь крылатую каракатицу придумаешь и назовешь не самолетом, а как-нибудь иначе...»

Самолетных своих фантазий Трапезников не бросил. Тут, спасибо, еще и отношение официальное к самодельщикам изменилось, стали устраиваться для них даже смотры и конкурсы. Только нет, к сожалению, и поныне нужных технических пособий и наставлений, отсутствуют надежные авиационные двигатели малой мощности для самодельных конструкций. И по-прежнему всяк норовит «методом тыка» придумать что-то свое.

Покачал осуждающе головою знакомый инженер, которому рассказал о полетах Трапезникова: «Это с мотоциклетным-то двигателем — в небо? Да они, движки эти хлипкие, и на земле то и дело глохнут...»

Было у Трапезникова и такое: из-за отказа двигателя грохнулся на землю метров с сорока высоты. Слава богу, отделался легкими ушибами.

В другой раз и вовсе нескладно вышло. Это когда полеты Владимира Афанасьевича приехало снимать кировское телевидение для передачи «Делаем сами». Рассказывает Трапезников:

«Конечно, надо было тогда отложить. Шел навстречу ветру, против солнца, ничего не видел. Взлетел у самой кромки пруда, метров на десять поднялся, и вдруг набор высоты пропал, упала тяга двигателя. Так и свалился в воду...»

Вспоминает Людмила Викторовна Трапезникова, жена:

«Упал... Пока голова его не показалась, я, наверное, не жила... Поехала домой за сухим бельем. Шкаф открыла, а зачем — не помню. Так и стою в забытьи, будто кукла каменная... Это всегда непросто: улетит куда — торчим с Наташкой, дочерью, в поле, а как уйти, не знаем. И где он — тоже. Может, на деревьях висит уже... Теперь вот двухместный строит. Я сказала твердо: не полечу! Так они уж с дочерью сговорились...»

Пробы, ошибки, падения, порою весьма нелегкие. Но едва отрастут новые крылья — снова задергивают фонарь над головой, коротко разбегаются, ручку берут на себя. И опять взлеты, ошибки, падения...

«Только теперь и ощутил себя летчиком»,— скажет военный пилот реактивной авиации, полетав на самоделке Трапезникова.

Сам Владимир Афанасьевич объяснит свою страсть донельзя просто:

— Охота летать, и ничего не могу с этим поделать.

Больше всего поразило, пожалуй, то, что никто из земляков Трапезникова полетам его не удивляется. Будто дело это в деревне самое обычное, все равно что кобылу запрячь. «Дак ведь наш он, вятский, коренной,— объяснят мне, как смогут, сельчане.— А вятский мужик — он всегда победит. Не знаете, чё ли?..»

Вот ведь вятский характер — ничем его не перешибить. Даром, что ли, рассказывают, как, попав однажды в Москву, удумали вятчане перетянуть в свою деревню колокольню Ивана Великого. Обмотали, значит, ее канатами, потащили. А когда лапти-то по льду Москвы-реки скользили, только и покрикивали весело: «Подаетча, братчи, подаетча! Понатужь крепчае!»

Эта смешная, но мудрая побасенка совсем не о чудачествах народных, в ней про неодолимую веру в успех дела, за которое взялся. На том и стоят. И ничем вятчанина не смутить.

Однажды те самые заспорили, как это все же на высокие колокольни кресты укрепляют. Наконец один догадался: «А колокольничуто нагнули да хрёст от и воткнули; отпустили, она и збryндила!»

Можете смеяться, услышав это, а я верю, что именно такие люди, ни в чем не знающие удержу, и способны пойти раньше и дальше других. Броду они не промеряют, указки не слушают, и живут вопреки...

В той же Залазне довелось узнать еще одного любопытного человека. Вениамину Владимировичу Лыскову уже под семьдесят. Отменный музыкант, трубач, и только год всего не работает. А до этого бессменно вел музыкальный кру-

Война. Великое переливание крови людской. Может быть, Николай Шахтарин знал об этом лучше других: сам не однажды ее терял, а потом делился в беде с другими. Потому и стоят в его саду павшие и живые — вместе.

жок в клубе, из молодых ребят сколотил отличный духовой оркестр.

Но не только этим знаменит маэстро Вениамин, как любовно величают его в селе. Есть в характере Лыскова озорная какая-то чертовщинка, она и делает его фигуру в некотором роде легендарной.

Только он мог придумать такое: всколыхнуть все село на заре печальной и протяжной мелодией звонкоголосой своей трубы; а за ним и молодой оркестр его грянул: загудел барабан, громыхнули звеняще литавры.

Хоронили, оказывается, Вениаминову курицу. «Лучшая несушка Залазны была»,— скажет с искренней скорбью сам маэстро. Закопали с почестями, торжественно исполнили над могилой прощальный гимн.

А недавно Лысков купил себе лошадь, тысячу сто за нее отдал в райцентре, все сбережения на то ухондокал. Красивая лошаденка Маня, статная, рыжая, с золотистым отливом. В Залазне она единственная.

Да на что же Лыскову лошадь? — спросите. А на то и нужна, отвечу, чтобы выйти во двор и любовно по холке ее похлопать. За тысячу сто...

Говорят, когда Колумб открыл Америку, там уже было семеро вятских плотников. Почему-то невольно об этом вспомнилось, когда в Омутнинске, на улице Октябрьской, один из домов ну прямо-таки ударил по глазам. Будто из сказки явленный, в кружеве пенном утопает, каждый резной завиток звенит и поет.

Хозяин, Иван Тимофеевич Костицын,— металлург. С ним два сына, Вячеслав и Дмитрий, инженеры. Вот они-то все вместе и ладят эту сказку неустанно, красоте увядать не дают. А зачем это им, спросил. Так и не смогли ответить. Просто надо, и все, говорят... В жизни вопросов куда больше, чем ответов на них.

И праздником, и откровением стала для кировчан недолгая выставка их земляка Михаила Михайловича Савиных. Почти всю свою жизнь Савиных посвятил нелегкому ремеслу заводского слесаря-ремонтника, и вот теперь оказалось, что в душе его долгие годы был сокрыт настоящий художнический дар. Из патефонов, старых будильников, музыкальных шкатулок и еще неведомо из чего Михаил Михайлович делает необыкновенные часы, которые не только ходят, но и непременно несут в себе какой-то образ, картинку из жизни, тонкую примету времени.

Кружится под радостную музыку праздничная карусель, крутит мельничное колесо струйка воды, идет в деревенской кузнице серьезная работа. А вот под окнами избушки дед с бабкою дрова пилят, а дров не прибывает,— так подскажет с лукавинкой Савиных, разглядывая вместе со мной свои поделки.

Одно из сложнейших творений мастера — копия знаменитой двадцатидвуглавой Преображенской церкви в Кижах, на нее ушло полгода. Шутка ли сказать: одних только черепичек на купола, по форме ничем не отличающихся от подлинных, пришлось изготовить из шпона около шести тысяч.

Эту бы коллекцию, да всей стране на погляд. Только вот лет Михаилу Михайловичу уже немало, восьмой десяток идет, и заниматься выставками сил просто нет.

Зато с удивительными работами кировского художника Валерия Жигальцева знакомы многие.

Да ведь здесь романы целые из дерева выстраивать можно, ахнул я, когда Валерий с улыбкой ссыпал мне на колени целую кучу разных фигурок.

Выставки работ Валерия Жигальцева бывают как у нас в стране, так и за рубежом. Если прослышите об одной из них однажды — все дела подальше забросьте, идите и смотрите. Никогда о том не пожалеете.

И последняя поездка по Вятской земле.

...Потрескивает под колесами машины заледенелая дорога, скорее похожая на стиральную доску, так что и зубы наши в такт гребенке этой выбивают какую-то немыслимую чечетку.

Ищем колхоз «За коммунизм», расспрашиваем о нем на трассе. Наконец одна из женщин с обочины неопределенно махнула рукой: «...коммунизм»? Где-то там, дальше...»

Но и дальше нигде такого колхоза не было, и только к вечеру нашли его, наконец, в Котельническом районе.

Нужен нам был Шахтарин, о котором были наслышаны. И вот оказалось, что Николай Григорьевич уже три года как умер.

Горькая весть.

К нужному месту машиной не проехать. Едва не по пояс проваливаясь, пошли, взламывая снежный наст, пешим порядком.

Вот и Соловьи, брошенная, будто оглохшая деревня. Без единого следа селение — картина страшная. Здесь, значит, он жил и работал.

...Пришел с войны солдат Николай Шахтарин, иссеченный железом поперек и вдоль. Левый глаз после тяжелой контузии не видел совсем, зрение правого равнялось трем сотым. Вскоре и этот негромкий свет потух для него навсегда.

Мог бы фронтовик заслуженно отдыхать, жизнь коротать на пенсии. Но война не отпускала: будоражила память, лишала и без того короткого сна. И тогда Шахтарин решил: в память о минувшем, в честь погибших друзей и товарищей боевых должен он соорудить особый мемориал.

Начал с пруда. Одну только дамбу для него возводил в одиночку семь лет. Землю возил той еще старинной и тяжелой тачкой, что с одним колесом впереди. А всего этот пруд копал слепой солдат тридцать лет.

По берегам пруда Шахтарин рассадил деревья разных пород, и каждое из них имело на стволе своем памятную, как медальон солдатский, табличку с текстом, где значилось, в честь кого оно посажено. Позже Николай Григорьевич стал давать деревьям имена не только погибших, но и живых хороших людей.

Чтоб деревья от жажды спасти, вырыл глубокий колодец; потом землянку еще построил, с печкою — чтобы все по правде, как там, на войне. Должно же у человека быть место, считал Шахтарин, куда бы он мог прийти, спокойно о жизни своей поразмыслить, товарищей помянуть.

Всяко его называли: и блаженным, и чудиком, а то и просто мужиком непрактичным, понапрасну тратившим последние деньги, остатки здоровья и силушки. Невдомек было людям, что тем слепой солдат только и жил-держался. Иногда в раздумчивости, усталом забытьи повторял чуть слышно самим же придуманную стихотворную строчку: «Я буду жить, покамест мне живется. Я буду...»

Да слеп ли он был, великой души солдат Шахтарин? Нам бы в зрении с ним сравняться...

Схоронили Николая Григорьевича тихо, без всяких почестей. Не каждый и знает сегодня, где могила его на кладбище.

А по весне опять заиграют в пруду караси, пробежится ласковый шепоток в пробуждающемся шахтаринском саду. Хорошо бы и в честь Николая Григорьевича деревце здесь посадить. Да только, кажется, и того уже не сберечь, что он насадил.

Столько уже всего здесь изломали...

Киров — Москва

РУССКИЙ ФЛАГ

Д. РАСКИН,
кандидат исторических наук

«Все народы Европы знают цвета, масти, краски свои — мы их не знаем, и путаем, подымая разноцветные флаги невпопад. ***Народного цвета*** *у нас нет;* ***цвет армии:*** *зеленый и алый;* ***казенный цвет, военный, георгиевский:*** *белый, жаркой, черный (серебро, золото, чернь), и это же цвет значков (кокард);* ***знамена*** *наши и* ***крепостные флаги*** *разноцветные;* ***морской военный флаг*** *белый с андреевским крестом;* ***торговый:*** *белый, синий, красный, вдоль; какие же цвета подымать и носить на себе, какими украшать здания и пр. при мирных народных торжествах?»*

В. И. ДАЛЬ.
«Толковый словарь живого великорусского языка». 1863—1866.

Корабль «Гото-предестинация» («Божье предвиденье»), построенный Петром I в 1700 году. Гравюры Адриана Шхонебека. 1701. Рисунок флагов еще не установился. На видах с носа и с кормы они разные. Но сочетание цветов уже определилось.

Рисунки Олега РЕВО

Так какое же сочетание цветов наиболее точно соответствует русской исторической традиции? Задаваясь этим вопросом, следует иметь в виду, что употребление различных знамен, флагов, штандартов в прошлом отличалось от современного, привычного нам. Допетровская Русь не знала единого государственного флага; были отдельные сначала великокняжеские, а затем царские стяги, знамена полков, все самых различных расцветок. При Петре I появился императорский штандарт, национальный (торговый) морской флаг, военно-морской Андреевский флаг и военные (полковые) знамена, по-

следние — разнообразных расцветок, которые к тому же неоднократно менялись. Эти военные знамена и были прославлены под Полтавой, Кунерсфордом, Кагулом, Измаилом, Бородином так же, как Андреевский флаг — под Гангутом, Чесмой, Корфу, Синопом. Ни в Уложении 1649 года, ни в 1-м томе Свода законов Российской Империи (начиная с первого издания 1832 года) не было специальных статей, устанавливавших цвета государственного или национального флага. Тем не менее начиная с XVIII века и внутри страны, и за рубежом национальными цветами России считали белый, синий и красный (об этом, например, писали французские газеты в 1814 году).

Во второй половине 1850-х годов под влиянием барона Б. В. Кене, занявшего должность управляющего 1-м отделением Департамента геральдии Сената, был возбужден вопрос об исследовании и пересмотре государственных цветов империи. В 1858 году в типографии III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии напечатали сочинение генерал-лейтенанта А. П. Языкова, директора Училища правоведения, «О русском государственном цвете», где доказывалось, что государственные цвета должны по правилам геральдики соответствовать цветам государственного герба и, следовательно, быть черно-желто-белыми. А 11 июля того же года Александр II утвердил «Описание высочайше утвержденного рисунка расположения гербовых цветов империи на знаменах, флагах и других предметах, употребляемых для украшений при торжественных случаях», где определялось горизонтальное расположение цветов: верхняя полоса черная, средняя — желтая (или золотая), нижняя — белая (или серебряная). В описании говорилось: «Первые полосы соответствуют черному государственному орлу в желтом или золотом поле, и кокарда из сих цветов была основана императором Павлом I, между тем как знамена и другие украшения из сих цветов употреблялись уже во время царствования императрицы Анны Иоанновны. Нижняя полоса белая или серебряная соответствует кокарде Петра Великого и императрицы Екатерины II, император же Александр I, после взятия Парижа в 1814 году, соединил правильную гербовую кокарду с древнею Петра Великого, которая соответствует белому или серебряному всаднику (св. Георгию) в Московском гербе» (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е, т. XXXIII, № 33289). Речь, таким образом, шла о гербовых цветах, употреблявшихся в торжественных случаях. Традиционного

«Полтава» — первый корабль Балтийского флота. Гравюра Питера Пикарта. 1712. На корме — Андреевский флаг, ставший впоследствии русским военно-морским флагом. На грот-мачте — штандарт.

Флаги царя московского (XVII век).

бело-сине-красного флага на гражданских судах это не отменяло, и в качестве национальных цветов черно-желто-белое сочетание не привилось.

28 апреля 1883 года министр внутренних дел объявил повеление Александра III «О флагах для украшения зданий в торжественных случаях», в котором говорилось: «Чтобы в тех торжественных случаях, когда признается возможным дозволить украшение зданий флагами, был употребляем исключительно русский флаг, состоящий из трех полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цветов» (ПСЗ, Собр. 3-е, т. III, № 1533).

Ввиду того, что в 90-х годах XIX века специалисты по геральдике стали высказывать различные мнения о реформе национального флага, Николай II учредил в 1896 году Особое совещание под председательством адмирала К. Н. Посьета для обсуждения вопроса о Российском национальном флаге. Совещание единодушно пришло к выводу, что «флаг бело-сине-красный имеет полное право называться государственным; флаг же черно-оранжево-белый не имеет к тому ни геральдических, ни исторических оснований». 29 апреля 1896 года Николай II утвердил доклад генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича по итогам работы совещания.

Новый этап споров о реформе русского национального флага пришелся уже на 1910—1912 годы, хотя отдельные выступления в печати в пользу черно-желто-белого флага появлялись и ранее. Особенно усердствовал в этом направлении «потомственный дворянин Евстафий Воронец» (так он подписывал свои статьи и брошюры, посвященные борьбе с нехристианскими исповеданиями в Российской Империи и насаждению православия). Характерно, что в XX столетии особенно энергичными защитниками черно-желто-белого флага выступали деятели крайне правого толка, в представлениях которых патриотизм нераздельно сливался с монархизмом, а национальные цвета — с цветами

Государственный флаг Российской Империи (1883—1917).

Государственный флаг (1858—1883).

Царский штандарт судовой.

АНКЕТА «РОДИНЫ»

ПОЛИТИКА И МЫ

Продолжая работу по изучению общественного мнения, предлагаем нашим читателям ответить еще на несколько вопросов, затрагивающих как прошлое нашего Отечества, так и его настоящее и даже будущее. Укажите, пожалуйста, Ваши:

1. Пол:
1.1. Мужской
1.2. Женский
Возраст:
1.3. От 15 до 25 лет
1.4. От 26 до 35 лет
1.5. От 36 до 45 лет
1.6. От 46 до 55 лет
1.7. От 56 до 65 лет
1.8. От 66 лет и старше
Национальность:
1.9. Русский
1.10. Украинец
1.11. Белорус
1.12. Узбек
1.13. Казах
1.14. Грузин
1.15. Азербайджанец
1.16. Литовец
1.17. Молдаванин
1.18. Латыш
1.19. Киргиз
1.20. Таджик
1.21. Армянин
1.22. Туркмен
1.23. Эстонец
1.24. Другая (какая)________
Образование:
1.25. Начальное
1.26. Среднее спец.
1.27. Среднее
1.28. Высшее
1.29. Без образования
Профессия:
1.30. Рабочий
1.31. Служащий
1.32. ИТР
1.33. Крестьянин
1.34. Научный работник
1.35. Руководитель производства
1.36. Учитель, врач
1.37. Военнослужащий
1.38. Учащийся
1.39. Пенсионер
1.40. Другая (укажите)________
Партийность:
1.41. Член КПСС
1.42. Член ВЛКСМ
1.43. Беспартийный
1.44. Член неформальной организации (какой)________
Место жительства:
1.45. Какая республика?________
1.46. Какая область?________
1.47. Живете в городе
1.48. Живете в деревне, селе

2. Сегодня много говорят о социальной справедливости. С какой точкой зрения согласны Вы?
2.1. Все наши граждане формально и практически равны.
2.2. Равенство лишь условное: и у нас есть бедные и богатые.
2.3. Полное равенство вообще невозможно, т. к. способные и бесталанные есть везде и всегда.
2.4. В стране быстрыми темпами идет социальное расслоение, возникают новые классы имущих и неимущих.
2.5. Скоро мы станем обычным буржуазным обществом, где власть определяют деньги, а беднякам остается лишь протестовать и подчиняться.
2.6. Если и дальше все так пойдет, общество вернется к ситуации, предшествовавшей октябрю 1917 года.
2.7. Другое мнение (какое?)________

3. Говорят, что ситуация в нашей стране и мире столь неопределенна, что лучше жить сегодняшним днем, далеко не загадывая. Вы согласны?
3.1. Да, полностью.
3.2. Да, отчасти.
3.3. Нет.
3.4. Трудно сказать.

4. Какие понятия, на Ваш взгляд, сегодня безнадежно устарели?
4.1. Капитализм
4.2. Социализм
4.3. Родина
4.4. Классовый враг
4.5. Рабочий класс
4.6. Революция
4.7. Патриотизм
4.8. Милосердие
4.9. Бог
4.10. Военная опасность
4.11. Идейный противник
4.12. Солидарность
4.13. Россия
4.14. Интернационализм
4.15. Национальный характер
4.16. Империализм

монархии: «Народ русский должен быть объединен и в отличительных русских цветах только с царем и государством русским». (Е. Н. Воронец. Какие цвета установлены историею и русскими законами для отличительно русского всесословного и государственного флага? Харьков, 1892, с. 28); «Значение этого флага у нас в России всегда было и будет: «За царя и отечество» (Арсеньев Ю. В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России. СПб., 1911, с. 41); «Такой флаг способен электризовать русские народные массы, так как в нем наиболее рельефным образом выражается национальная идея православно-восточной империи и единение царя с русским народом, коего военный клич есть: «За Веру, Царя и Отечество» (В. Е. Белинский. Русский национальный флаг и его реформа. СПб., 1911, с. 25).

10 мая 1910 года при Министерстве юстиции было учреждено под председательством товарища (выражаясь современным языком — заместителя) министра юстиции А. Н. Веревкина Особое совещание для выяснения вопроса о русских государственных, национальных цветах. Большинством голосов решили, что применительно к XVII веку нельзя говорить о каких-либо установившихся русских государственных цветах и все три сочетания (черно-желто-белое в императорском штандарте, бело-синее — в Андреевском флаге и бело-сине-красное — в гюйсе, дивизионных флагах и торговом флоте) установлены и узаконены впервые Петром I, так что все три флага этих цветов «с исторической точки зрения, имеют одинаковое право на существование», но ни одно из этих сочетаний не имеет строго геральдических оснований. По вопросу, «какие цвета должны быть признаны русскими государственными (национальными) и в силу каких оснований,— Особое совещание не могло прийти к единогласному решению» (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 531, д. 998, л. 1128).

Совещание работало до 9 мая 1912 года. Реальных последствий его выводы не имели. Традиционный бело-сине-красный флаг продолжал употребляться в качестве национального. Более того. В 1914 году был издан циркуляр МВД (№ 29897), предписывавший во время манифестаций, в знак единения царя с народом, использовать флаги, на которых желтый штандарт с черным орлом (цвета императора) накладывался (в верхнем левом углу) на бело-сине-красные полосы (цвета национальные).

Следует, впрочем, заметить, что и в 1912, и тем более в 1914—1917 годах правительству и народу было уже не до геральдических диспутов.

После Февральской революции Временное правительство употребляло в качестве государственного бело-сине-красный флаг. А Октябрь семнадцатого принес народам России новый государственный флаг — красный, порывающий с традиционной символикой Российского государства.

И вот мы через семьдесят три года возвращаемся к вопросу о национальной и государственной символике. Безусловно, геральдические дискуссии прошлого должны быть проанализированы и учтены. Но надо помнить, что если форма и цвета государственного флага могут быть введены правительственным указом, то национальные цвета входят в народное сознание не в результате споров специалистов или чьих-то распоряжений, а как итог культурно-исторической традиции, как следствие определенного самосознания.

АНКЕТА «РОДИНЫ»

5. Что такое социализм?
5.1. Общество справвдливости.
5.2. Рвализация принципа «от каждого — по способностям, каждому — по труду».
5.3. Абстрактная идея, мечта, миф.
5.4. Очень далекое будущее.
5.5. Уравниловка, всевластие серости.
5.8. Общество, существующее в СССР.
5.7. Строй, созданный в таких странах, как Швеция, Дания, и прочих.
5.8. Другое (что?)________

8. Что такое капитализм?
6.1. Частная собственность на средства производства.
6.2. Власть денег, капитала.
6.3. Загнивающее общество.
6.4. Источник военной угрозы.
6.5. Общество, где каждому достается ему причитающееся: сильному — деньги и власть, слабому — вспомоществование и забвение.
6.6. Строй, мало отличный от нашего.
7.7. Единственно жизнеспособный порядок.

7. Мы часто слышим о «сталинистах». Кого так называют, по-Вашему?
7.1. Людей, одобряющих все, что сделал Сталин, без исключения.
7.2. Тех, кто, как и все, осуждает преступления сталинизма, однако видит в той эпохе и немало позитивного.
7.3. Это люди, чья молодость пришлась на времена Сталина и кто склонен поэтому идеализировать ту эпоху.
7.4. Это ярлык, который нередко навешивают на людей, выступающих против огульного охаивания всего нашвго прошлого.
7.5. Сталинистами являются только те, кто мечтавт о возврате к старому, кто ждет своего часа, чтобы повторить все преступления той эпохи.
7.8. Другое мнение (какое?)________

8. Сейчас нередко ставят вопрос о возвращении старых назааний городам, улицам. С какими мнениями Вы бы согласились?
8.1. Необходимо восстановить все без исключения назаания, что существовали до октября 1917 года.
8.2. Многие названия городоа можно вернуть, однако не стоит восстанавливать те из них, что связаны с царскими именами, скажем: Екатеринослав, Павлодар и пр.
8.3. Надо оставить все названия, в которых увековечены герои революции, советские политические деятели.
8.4. Надо поменять лишь те названия городов, районов, улиц, против которых активно выступает само местное население.
8.5. Не стоит заново ничего менять, вся зта кутерьма надоела.
8.6. Другое мнение (какое?)________

9. Во многих частях нашей страны восстановлена старая государственная и национальная символика (в Прибалтикв, Армении и пр.). А какие российские символы кажутся Вам также достойными сегодня почитания либо возрождения?
8.1. Красное знамя.
8.2. Кремль.
8.3. Образ Георгия Победоносца.
8.4. Старое трехцввтное знамя.
8.5. Боевой Андреевский стяг.
8.8. Красная пятиконечная звезда
8.7. Дауглавый орел.
8.8. Буденовка.
8.9. Мавзолей В. И. Ленина.
8.10. Царь-пушка.
8.11. Храм Христа Спасителя.
8.12. Иное (что?)________

9. Какое музыкальное произведение могло бы стать Гимном РСФСР?
9.1. Назовите его________

10. Как Вы оцениваете создание Бюро ЦК КПСС по РСФСР?
10.1. В современных условиях это единственно верный шаг, предотвращающий федерализацию партии и в то же время создающий республиканскую парторганизацию России.
10.2. Все-таки зто половинчатое решение, надо было пойти на образование самостоятельной Российской компартии.
10.3. Новыми партийными «инстанциями» дело не поправить — все зто аппаратные игры.
10.4. То, что председателем Бюро стал М. С. Горбачев, дает надежду, что новый партийный орган принесет пользу всей стране и России.
10.5. Не надо было взваливать на М. С. Горбачева еще и этот пост, лучше было аыдвинуть какого-нибудь нового человека.
10.6. Иное мнение (какое? Обоснуйте)________

ЖУРНАЛ № 4
заседания Особого высочайше утвержденного совещания для обсуждения вопроса о Российском национальном флаге
9 апреля 1896 года

Присутствовали: председатель генерал-адъютант Посьет. Члены: генерал-лейтенант граф Кутайсов, генерал-лейтенант Дубровин, тайный советник Шамрай, генерал-майор Кротков, за тайного советника барона фон-дер Остен-Сакена, отсутствовавшего по болезни, статский советник Малевский-Малеаич.

Делопроизводитель капитан Белов.

Отсутствовал действительный статский советник Романов...

...Совещание обратило внимание на замечание, которое некоторым из членов его неоднократно случалось слышать, а именно, что народные цвета, для наружного знака или флага, следует искать в народном быте, народном вкусе, в проявлениях народной жизни, а также и в природе России. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, Совещание пришло к заключению, что, следуя этому указанию, мы необходимо придем к результату одинаковому с тем, который указала история.

Великороссийский крестьянин в поле и в праздник ходит в красной или синей рубашке, малорос и белорус — в белой, бабы русские рядются в сарафаны также красные и синие.

Вообще, в понятиях русского человека — что красно, то и хорошо и красиво; на этом основании сложилось большое число народных пословиц, например:

«Не красна изба углами, красна пирогами»;

«Жить в добре и в красне хорошо и во сне»;

«Велик звон да не красен (не хороша слава)»;

«Красное солнышко на белом свете черную землю греет» и проч. и проч.

Также и поговорки: «красная моя ягодка», «красный молодец», «красная девица», «красный угол», «красное словцо», «красное яичко», «красная изба», «красный угол», «красное крыльцо», «красный товар» и проч. и проч.

Из следующих поговорок видно то же уважение народа и к белому цвету:

«Русский белый царь».

«Белая земля — земля церковная»,

«На белой Руси не без добрых людей»,

«Без правды жить, с бела света бежать»,

«Белая барыня» и проч.

Если к этому присоединить белый цвет снежного савана, в который вся Россия облекается в течение более полугода, то, на основании и этих признаков, будет ясно, что для эмблематического выражения наружного вида России необходимо употребить цвета: белый, синий и красный.

Подлинный подписали: К. Посьет, граф Кутайсов, Н. Дубровин, Ф. Шамрай, Н. Малевский-Малевич, и делопроизаодитель капитан Белов.

С подлинным верно: Н. Случевский.

ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА

ЛУЧШИМ ЛЮДЯМ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ

Молодой московский архитектор Михаил Панкратов, отнюдь не миллионер и не кооператор, задумал поставить памятник своим землякам-замоскворечанам П. М. Третьякову, В. А. Тропинину, М. Ф. Казакову и А. Н. Островскому. Это его дар городу. Дань благодарности потомка.

В 1892 году Павел Михайлович Третьяков подарил свою галерею Москве. Выступая на I съезде русских художников, Николай Ге сказал об этом: «Настоящий съезд празднует открытие Третьяковской галереи, которая сделалась достоянием города. Она дорогой памятник...»

А совсем неподалеку от Третьяковки среди старых улочек, в Щетининском переулке, в двухэтажном особняке разместился музей Василия Андреевича Тропинина, талантливого художника, бывшего крепостного. Получив вольную лишь в 47 лет, он стал не просто художником, а гордостью и славой Отечества.

Матвей Федорович Казаков — архитектор, по проекту которого построены в Москве здания Сената (ныне Дом правительства СССР), Благородного собрания (Дом союзов), Петровского путевого дворца (Военно-воздушная академия).

Никому из этих людей Москва не поставила памятника. Да разве только им! Меня, например, несказанно удивляет, что статуя Петра I есть в Одессе, но не в столице, где Петр родился.

И вот нашелся энтузиаст — Михаил Панкратов. Идея родилась у него давно, но от замысла до осуществления, как известно, путь неблизкий. Да и деньги немалые. Где их взять архитектору-проектировщику? Экономили всей семьей. Сейчас фигуры для «замоскворецкого мемориала» уже готовы, и можно надеяться, что памятник лучшим людям Замоскворечья (так называет его Михаил) скоро появится на площади перед станцией метро «Третьяковская». Может быть, кому-то это покажется проявлением «районного патриотизма». Но ведь сегодня мы начинаем понимать, что только любя и оберегая малую родину, сохраняем Родину великую...

Марина ЧЕРКАШИНА
Москва

ПОЛЬСКИЙ АКЦЕНТ

Наш собеседник — Войцех ЯРУЗЕЛЬСКИЙ

— На ваш взгляд, стало ли сегодняшнее движение к либерализации в Польше необратимым?

— Направление перемен, происходящих в нашей стране, устойчиво. Невозможно изменить ход истории. Конечно, жизнь будет преподносить нам сюрпризы и воздвигать препятствия. Но я думаю, социально-политические и экономические процессы укоренились достаточно глубоко. Разумеется, успех реформ зависит от множества факторов, в том числе от мудрости и дальновидности политических сил, формирующих сегодняшнюю реальность Польши. Во всяком случае, я надеюсь, что у этих политических сил достаточно патриотизма и чувства ответственности.

— Накануне выборов, в ходе которых коммунисты потерпели поражение, вы говорили, что сделаете все от вас зависящее, чтобы партия осталась у власти. Намерены ли вы сделать все, чтобы вернуть власть?

— В какой-то мере я выполнил обещание, поскольку коммунистам принадлежат важные посты в правительстве. Но это коалиционное правительство, и я верю, что у него более широкая база, позволяющая участвовать и новым, и старым политическим силам.

Как человек, посвятивший жизнь идее социализма, я хотел бы, чтобы левые играли важную роль в стране, но я должен быть выше партий и помнить о воле нации. В основе своей цели коммунистов и «Солидарности» совпадают. Но по немецкой поговорке,— дьявол прячется в мелочах. Детали могут вести нас к конфликтным ситуациям. Роль президента — быть в них судьей.

— Почему СССР до Горбачева терпел «польские уклоны», но реагировал насилием на события в Венгрии и Чехословакии?

— Вопрос нелегкий, но ответить на него проще, если мы будем смотреть на события в Венгрии и Чехословакии в их историческом контексте, учитывая европейские и мировые обстоятельства того времени. Я думаю, что, не будь «холодной» войны, множество перемен в Польше и других социалистических странах происходило бы совершенно иначе и по форме, и по времени. Напряженность между Востоком и Западом никогда не благоприятствовала процессу реформ. Напротив! А разрядка и улучшающийся политический климат в Европе и мире всегда способствуют экспериментам и смелым новациям. Нынешние перемены в Польше были бы сомнительны в условиях конфронтации на континенте в духе «холодной» войны.

Вы говорите о «польских уклонах». Я вижу это в другом свете. Все страны (оставим сейчас в стороне их политические системы и режимы) имеют за собой специфические условия исторического развития. Не принимать во внимание этот фактор означает предаваться политике наивных иллюзий. А вы знаете, что политика всегда имеет дело с реальностью. Если не считать периода сталинизма, который был не так уж долог для нашей страны, определенных ошибок и ложных шагов, то многие уникальные для нас черты нашего исторического развития сохранились.

— Венгерские коммунисты не только изменили название партии, но решили перестроить себя в партию социал-демократического типа. Не думаете ли вы, что польские коммунисты могут последовать этому примеру?

— Я больше не первый секретарь партии, поэтому не хочу отвечать на этот вопрос категорически. Об этом нужно спросить Мечислава Раковского. Но думаю, что нет никакой нужды в автоматическом копировании. У венгерской партии свои традиции, у польской — свои. Но все же я думаю, что развитие нашей партии приведет ее к позиции средней между тем, что она есть, и тем, чем должна быть социалистическая партия.

— Как вы считаете, удастся ли перестройка Горбачева?

— Она должна удаться! Мне трудно представить себе неудачу. Очевидно, жизнь будет вносить изменения и поправки в замысел. Но изменить общее направление потока нельзя. Я горячий сторонник политики реформ Горбачева. Их успех не только в интересах Советского Союза, но и всех сил разума на Востоке и на Западе.

— Все-таки не случайно, что все социалистические страны оказались в состоянии экономического хаоса. Почему бы не изменить все с ног до головы?

— Весь мир возник из хаоса... Надеюсь, что, приехав в Варшаву, вы не испытали чувства, будто оказались на Луне. Польша живет тысячу лет. Польша достигла в прошлом году зрелого возраста — 45 лет.

Мы переживаем чрезвычайно трудное и сложное время. Мы проводим основополагающие изменения, но если мы на минуту абстрагируемся от сегодняшнего процесса, будущее окажется вовсе не таким драматичным, как следует из вашего вопроса. После войны мы провели глубокие революционные преобразования. И хотя Польша была разрушена, как никакая другая страна, мы начинали не на пустом месте. Вот почему мы строим не на целине и сегодня. Короче говоря, перемены соседствуют с преемственностью.

— Вы только что сказали, что Польша переживает очень трудное время. Это заметно сразу же, как только попадаешь в страну. Я знаю, что не существует волшебной палочки. Но сколько месяцев или лет, по вашему мнению, понадобится, чтобы дела пошли лучше?

— Чтобы они стали лучше, придется переждать их ухудшение. Мы не прошли еще нижней точки, чтобы начать подъем. Пока будет нарастать инфляция, будет падать объем производства, будут закрываться убыточные предприятия. И только после этого можно будет ясно оценить положение. Пока же мы балансируем на проволоке, или, если употребить другой образ, идем по минному полю. В любом случае мы должны быть чрезвычайно осторожны. Учтите, что сейчас в стране преобладает общественная собственность. В Польше 94 процента национального дохода производит государственный сектор. Положение меняется и будет меняться с расширением частного сектора и с привлечением иностранного капитала. Но выше всего все политические силы должны ставить национальные интересы.

— Большей части поляков живется нелегко. Не вызывает ли у них протест жизненный стиль иностранцев, цивилизация доллара, импортируемая в страну, то обстоятельство, что несколько долларов делают человека богатым?

— Да, верно, это стало моральной проблемой. Как правило, поляки смотрят на это, как на преходящий феномен. Верно и то, что экономические соотношения нарушены, и доллар обладает повышенной ценностью. Но исправить дело можно только оздоровлением экономики. Люди не осуждают богатства, добытого честным тяжелым трудом, и не случайно так много людей сейчас ищут работу на частных предприятиях. Но проявляется недовольство, если богатеют с помощью спекуляции или афер.

— Польская церковь поддерживает перемены или старается замедлить их?

— Римская католическая церковь играет важную конструктивную роль в процессе национального единения.

— Вы встречались со многими лидерами Востока и Запада. Кто произвел на вас самое большое впечатление?

— Если говорить о политиках социалистического мира, то ответ ясен: Горбачев! Я уважаю и восхищаюсь его смелостью, проницательностью, сильной волей и духом. Я высоко ставлю его интеллект и чувство юмора. В личном плане он относится к людям, которые мне больше всего нравятся. Он — друг.

Что касается западных политиков, то выбор между Тэтчер, Миттераном и Бушем сделать нелегко. В каждом из этих выдающихся деятелей я вижу различные достоинства и таланты, которыми восхищаюсь.

— Какое наследие вы хотели бы оставить полякам в итоге сложной истории развития современной Польши?

— Я принадлежу к поколению поляков, знающих цену крови, ужас поражения страны, цену солидарности и работы. Я хотел бы, чтобы те, кто придет за нами, умели читать историю и учиться у нее, понимали знаки времени, умели сохранять и умножать ценности национальной традиции и черпать из общего источника гуманизма. История даст мне оценку, как она делает со всеми политиками. Я уверен, что это будет справедливая оценка. Если то, что я делаю, будет на пользу народу, Польше, принесет им пользу, я не зря прожил свою жизнь.

Энри АМУРИ (Франция)
Фото Войтека ЛАСКИ
«Сипа-Пресс», Париж
Специально для «Родины»

Яцек ПАЛКЕВИЧ (Рим)

Приключения итальянцев в пустыне

Первая западная экспедиция по следам Марко Поло в пустыню Туркменистана

После монотонно желтой пустыни наши глаза, ничего не различавшие среди нестерпимого блеска песка, вдруг получили отдых в резкой смене красок. Из-за высокой дюны показался небольшой аул — пестрая группа разноцветных юрт. Посредине этого оазиса бродили несколько баранов и вездесущих верблюдов. Мы — в сердце пустыни Каракум. Я видел почти все пустыни в мире, и после путешествий по менее известным, таким, как Гоби в Монголии, остались «неиспробованными» разве что Каракумы, почти неизвестные вне СССР, так что их название часто путают с Каракорумом, горной грядой между Пакистаном, Индией и Китаем. После нескольких «нет» от советских властей в прошлом году наконец ситуация радикально изменилась. Перестройка разрушила множество барьеров, позволив более глубоко изучать глубинные внутренние районы Туркмении, ранее закрытые для западных журналистов.

Старые туркмены говорят: «Там, где кончается вода, заканчивается и земля». Там, необходимо добавить, исчезает и жизнь. Там, где нет воды, мы видели с высоты только огромное безжизненное желтое пространство. Все резко менялось в зоне орошения. Мне не приходилось встречать пустынь, которые были бы так изменены человеком. Строительство Каракумского канала позволило освоить около 600 тысяч гектаров пустыни, до тех пор безжизненных.

Огромная работа, начатая в 1954 году, еще не закончена. Сегодня люди узнали, что это грандиозное предприятие, символ великих завоеваний человека, содержит в себе слишком много ошибок, из-за чего нанесен непоправимый ущерб всей зоне Аральского моря и нарушено экологическое равновесие в регионе. Об этой трагедии много говорится, но ничего пока не сделано, чтобы решить наконец проблему.

В колхозе недалеко от Чарджоу мы встретились со старейшим жителем аула Кариевым. Аксакал с гордостью сообщил, что у него уже 62 внука: 38 мальчиков и 24 девочки — это преимущество мальчиков он подчеркнул особо, ибо в противном случае по здешним обычаям ему было бы нечем гордиться.

У секретаря райкома партии я поинтересовался, не изменились ли восточные традиции выплаты калыма родителями жениха. Взглянув на нас неодобрительно, секретарь отрезал: «Эти пережитки давно уже не существуют». Впрочем, несколькими часами позже, оказавшись случаем приглашенными на свадьбу, за праздничным столом я услышал от отца жениха лишенное всякой таинственности подтверждение: «Да, я заплатил калым — семь тысяч рублей».

Днем позже тот же партийный функционер прожигал меня взглядом во время съемки детей, работавших на хлопковом поле. Недавно, оказывается, из Москвы пришло очередное распоряжение: «Не отрывать учащихся от занятий». Однако рабочих рук на хлопковых полях не хватает, и, следуя распоряжениям местной власти, дети отлучаются от учебы как минимум на два месяца, пока «белое золото» Туркмении не будет полностью убрано.

Бок о бок с женщинами, которые работают на поле от зари до зари за пятьдесят рублей в месяц, трудится настоящая армия детей. Теперь, впрочем, местное руководство решило очистить совесть и наделило каждую семью участком поля, сданным в аренду. Дети, которым приходится помогать взрослым на семейном поле, официально не числятся «посланными на хлопок». Впрочем, и на их отсутствие в школе стараются обращать меньше внимания.

Я оставлял Туркмению с чувством уважения к людям, которые хранят и отстаивают собственные традиции, первая из которых — священный закон гостеприимства. Может ли быть прекраснее обычай, объясненный мне старейшиной аула, у которого мы жили четыре дня: «Первые три дня — вы гость, потом — член семьи. За кров и пищу вы не должны нам ничего».

Фото
Игоря
МИХАЛЕВА
и
Эдуарда
ЖИГАЙЛОВА

В КНИГЕ И В ЖИЗНИ

Офицер Советских Военно-Морских Сил и группа его сообщников закрывают капитана их корабля в каюте, связывают остальных офицеров и намереваются просить политического убежища на Западе. Советское военное командование узнает о мятеже и организует погоню. Это происшествие, обнародованное в советской печати, похоже, является «прототипом» сюжета книги Тома Клэнси, фильм по которой с Шоном Коннери в главной роли идет сейчас в кинотеатрах США.

Бунтовщиком был Валерий Саблин*, заместитель командира фрегата «Сторожевой». Саблин предпринял эту дерзкую акцию в ноябре 1975 года, когда большая часть команды корабля, состоявшей из 250 человек, сошла на берег в столице Латвии г. Риге. Тревогу поднял матрос, который выпрыгнул за борт, когда корабль покидал гавань. Конечной точкой этого плавания должна была быть Швеция, хотя одна советская газета предположила, что Саблин на самом деле направлялся в Ленинград, чтобы потребовать выступления по телевидению с требованием проведения реформ советской системы. Корабль был остановлен огнем военных самолетов неподалеку от шведского берега, и бунтовщики были преданы суду. Саблин был приговорен к смертной казни через расстрел.

Том Клэнси впервые узнал об этом происшествии в 1976 году из статьи в газете «Вашингтон пост», которая ссылалась на «неподтвержденные данные». Более подробную информацию он получил в 1982 году, ознакомившись с докладом, подготовленным одним из студентов Академии ВМФ США. Клэнси в своей книге значительно изменил линию сюжета: его герой — командир подлодки — благополучно добрался до побережья США после перепалки в духе «холодной» войны между Москвой и Вашингтоном. «Моя книга основана на историческом факте, но одновременно это вымысел»,— говорит автор.

«Тайм», США.

* О Саблине читайте в «Родине» № 2.

КАК КГБ ПОМОГАЕТ ПЕРЕСТРОЙКЕ

Олег Гордиевский был резидентом КГБ в Лондоне — и одновременно одним из наиболее ценных британских двойных агентов. Он бежал на Запад в 1985 году, как раз перед тем, как его собирался арестовать КГБ.

— Если эпоха гласности наступила ранее, вы бы и тогда предпочли бежать на Запад?

— Я обдуманно и целеустремленно начал сотрудничать с британцами во имя безопасности Великобритании и стран Запада, включая США. Я оставался британским агентом в течение многих лет и был готов продолжать эту деятельность еще многие годы, несмотря даже на то, что я знал: ситуация вокруг меня становится все более опасной. КГБ готовил мне западню, вызвав в Москву под благовидным предлогом, где меня допрашивали под воздействием наркотических препаратов. В моем случае это было многолетнее сотрудничество с британцами, а затем драматический побег из СССР в 1985 году. Оставался бы я агентом Запада и сегодня? Да, даже сегодня я бы, вероятно, продолжал эту работу, так как я еще не окончательно убежден, что в СССР одержат победу демократия и свобода.

— Не могли бы вы рассказать, как вам удалось бежать из СССР?

— Пожалуй, нет, так как в СССР, наверное, есть еще кто-то, кто был бы не прочь использовать те же каналы. Я планировал этот побег на случай опасности. Но даже при тщательном планировании эта затея была чрезвычайно сложна и опасна. Когда они вызвали меня в Москву, я подумал, что все кончено и я погибну. Они накачали меня наркотиками, допрашивали, но затем позволили мне уйти — не знаю почему. Хотя КГБ следил за мной постоянно. Я все же решил осуществить план побега (несмотря на трудности по дороге к границе, вызванные активностью милиции и КГБ) и пересек границу, испытав фантастическое облегчение. Для меня это было чудом. Я пересек границу с удостоверением КГБ в кармане. По каким-то причинам после допросов меня не уволили из КГБ, так что во время побега я еще оставался сотрудником этой организации, хотя и был отстранен от работы. Я думаю, они подозревали, что я работаю на Запад, и надеялись добыть более веские доказательства этого до того, как я буду арестован.

— Освободились ли разведки Британии и США от советских агентов?

— Таковых, на мой взгляд, на момент моего побега в США и Британии, полагаю, не было. Я не могу этого гарантировать, конечно же, особенно в отношении США — я не знаю досконально их дел. Что же касается Британии, то я абсолютно уверен, что советской агентуры там нет. Что касается так называемых нелегалов (офицеры КГБ, работающие по документам местных граждан), то здесь дело обстоит иначе. Я полагаю, что все они были выведены из Британии в связи с моим побегом. Но сейчас, спустя 4,5 года, их сеть могла быть восстановлена.

— Что побудило вас сотрудничать с британцами?

— Идеалистические соображения — я хотел работать во имя свободы моей собственной страны. Я думал об этом на протяжении многих лет. Перед вторжением в Чехословакию я сказал себе: «Я порываю с этим режимом». А через несколько лет после этого я начал сотрудничать с британцами.

— Поддерживает и охраняет ли КГБ политику Горбачева?

— Да. Я думаю, очень печально, что советское руководство вынуждено использовать махину секретных служб, чтобы гарантировать осуществление программы реформ, либерализации и демократизации. В 70—80-х годах КГБ был практически единственной некоррумпированной организацией в СССР, с хорошей дисциплиной. Поэтому КГБ был важен для Горбачева в качестве инструмента его политики. КГБ по крайней мере с 1984 года рассматривал Горбачева как единственную многообещающую кандидатуру, которую можно поддержать и которая могла бы быть новым лидером в череде старых и повязанных между собой руководителей. КГБ чувствовал потребность в реформах. Он видел катастрофическую ситуацию в СССР лучше, чем кто бы то ни было, так как это наиболее информированная в СССР организация по вопросам внутреннего и международного положения. С самого начала Горбачев попросил от КГБ информацию для правительства — объективную информацию об экономической, социальной и политической ситуации в стране. КГБ остается для него важным инструментом. Это единственная организация, которую Горбачев не реконструировал.

— Таким образом, КГБ все еще осуществляет свои наиболее негативные функции?

— Да, КГБ по-прежнему наблюдает за теми, кто представляет опасность для режима, находится в политической оппозиции, поддерживает националистические и сепаратистские тенденции, за теми, кто выступает против коммунистической системы. К сожалению, в силу того, что КГБ столь важен для режима и для Горбачева, негативные аспекты деятельности этой организации остаются, и КГБ готов начать репрессии вновь, если того потребует ситуация. Кроме того, не ослабевает деятельность КГБ внутри страны. За границей КГБ располагает огромной сетью, которая явно превышает нужды Советского Союза. То, что КГБ продолжает работать, собирать информацию, находится в противоречии с гласностью и перестройкой, с «новым мышлением», которое изменило в лучшую сторону советскую внешнюю политику. Если улучшение отношений между Востоком и Западом действительно имеет место, то и шпионаж должен быть низведен до минимума. Но этого не происходит из-за КГБ. Он расширяет постепенно деятельность за границей, делая упор на промышленный шпионаж. Более чем 100 сотрудников КГБ работают в Вашингтоне и по крайней мере еще 100 — в Нью-Йорке, огромный штат КГБ в ФРГ, Франции и Индии! КГБ все еще создает атмосферу недоверия, предвзятости в отношении Запада, отношение к которому со стороны советского руководства остается параноидальным. Это значит, что КГБ все еще говорит советскому руководству и вооруженным силам, что сейчас СССР становится слабее, а Запад может на него напасть. Это вздор.

— Какова была ваша наибольшая заслуга как западного шпиона?

— Когда я передал на Запад, что администрация Брежнева — некомпетентная, предвзятая и неумелая — по-настоящему испугалась неожиданного превентивного ядерного удара США, узнав, что Соединенные Штаты разрабатывают систему СОИ. Администрация Брежнева считала, что если США намереваются достичь стратегического превосходства, это наверняка повлечет за собой ядерное нападение на СССР. Эта информация помогла Западу осознать глубину и опасность паранойи Москвы.

— Может ли КГБ, расценив нынешние события в СССР как чрезмерно угрожающие, лишить власти режим и расправиться с возмутителями спокойствия?

— Это абсолютно невозможно. КГБ никогда не был всемогущей организацией. Даже если большинство его сотрудников недовольны положением в стране, они будут следовать только приказам в силу высокой дисциплинированности. КГБ — это не авантюрная организация.

— Насколько возможно, что КПСС решится на отказ от своей политической монополии?

— Я скептически и осторожно к этому отношусь. Партия хочет представить дело таким образом, что она больше не является непререкаемым авторитетом и в то же время контролирует общество, остается главной силой. Партия по-прежнему «окапывается», глубоко пронизав все государственные структуры. Нет другой администрации, кроме партийной. Через какое-то время оппозиционные силы станут политическими партиями и будут бороться за влияние. Но этого не случится по крайней мере до следующего тысячелетия. (Материал опубликован 5 марта с. г.— **Ред.**)

— Можно ли допустить возможность того, что армия, обеспокоенная неурядицами в стране, вызванными реформами Горбачева, предпримет попытку отстранить его от власти?

— Я не думаю. Руководство партии и армии близки друг с другом. И большинство офицеров не хотят влезать в политику. Есть, правда, некоторые, кто хотел бы все контролировать и иметь возможность провести «чистку». Но у них нет на это шансов. В прошлом политическая ситуация в СССР была легко предсказуема — сейчас она все менее и менее предсказуема. В партии есть некоторые руководители, которые из-за хаоса в стране говорят о возможном расколе в рядах КПСС. Если это случится, армии придется решать, на чью сторону встать. Тогда наверняка нельзя будет утверждать, что армия останется вне политики.

— Применит ли Москва силу в отношении сепаратистских сил в Прибалтийских республиках?

— Нет, и на то есть несколько причин. Москва без колебаний применила силу в Закавказье. Закавказье — важный со стратегической точки зрения регион, и советское руководство мало заботится об общественном мнении населения Закавказья. Но Прибалтика так цивилизована, так повязана с Западом, что все это отклоняет возможную военную интервенцию.

— Как вы думаете, простил ли вас КГБ в условиях изменения ситуации внутри СССР и в отношениях между Востоком и Западом?

— Нет.

— Простит ли когда-нибудь?

— Нет. Никогда. Но мне хотелось бы думать, что сейчас, когда Горбачев говорит о том, что он хочет воссоединения СССР с мировым цивилизованным сообществом, моей семье дадут возможность свободно ко мне выехать.

«Тайм», США.

«Жильё–2000»: лозунг или расчёт?

Поставленная XXVII съездом задача — обеспечить каждую семью квартирой или домом — многими воспринята как проявление заботы, за которую можно и должно только благодарить. Считается, что сомнения тут неуместны. В том, что достижение этого рубежа приурочено к круглой дате — 2000 году,— видят точный стратегический расчет, а не красивый лозунг. И все-таки что за этим стоит? Не окажется ли обещанное очередным пустым фантиком от конфеты?

Станислав НИКОЛАЕВ,
директор ЦНИИЭП жилища,
доктор технических наук

Попробуем разобраться в состоянии жилищной проблемы в нашей стране. Проблема эта остра и в городе, и на селе, хотя проявляется она по-разному.

Формально говоря, на селе поставленная задача (обеспечить каждую семью квартирой или домом) выполнена досрочно: уже в 1986 году в целом в СССР в сельской местности число квартир и индивидуальных домов было на 8 процентов больше числа семей. Вопрос в другом — в уровне его благоустройства и развитии социальной среды. И тут картина, увы, далеко не благополучна.

У городских жителей положение с жильем не лучше. В десятках городов, в 500 поселках городского типа нет даже водопровода, более 300 городов не имеют канализации. Около 130 миллионов жителей нашей страны имеют меньше 9 квадратных метров жилой площади на человека, то есть ниже санитарной нормы. А очереди на получение квартиры растут: в них свыше 40 миллионов остро нуждающихся. Ждать предстоит долго: в 1987 году в Красноярске предоставлялось жилье очередникам 1970—1972 годов, в Душанбе — 1969—1973 годов, в Иркутске — 1959—1961 годов. За это время успело подрасти новое поколение...

Казалось бы, в наши дни, когда провозглашается поворот экономики к человеку, должен быть запланирован ускоренный темп жилищного строительства. Но нет: даже достигнутого при Н. С. Хрущеве прироста жилья за пятилетку в ближайшие пятилетки не ожидается. Напротив, начиная с 1995 года, судя по планам, темпы жилищного строительства начнут сокращаться. Может, к этому времени будет решена жилищная проблема? Но каким образом, если результаты работы строителей в первом полугодии 1989 года хуже плохих результатов 1988-го?

Медицинские и социологические исследования, а также опыт многих развитых стран показывают, что условия, когда на человека приходится менее 9 квадратных метров жилой площади (или 15 квадратных метров общей площади), снижают рождаемость, увеличивают смертность и заболеваемость. С учетом того, что часть населения всегда имеет жилищные условия хуже средних, вводится запас: нижним уровнем потребности в жилье или минимальной нормой «здорового жилища» принято считать 19,5 квадратного метра общей площади на человека. Однако для нормальной жизни человеку требуется 28 квадратных метров общей площади, причем число комнат должно соответствовать числу членов семьи плюс одна (для больших семей — плюс две).

Имея эти контрольные цифры, попытаемся теперь ответить на волнующий всех вопрос: реальна ли программа «Жилье-2000»?

Для этого воспользуемся объявленными на первом и втором Съездах народных депутатов СССР цифрами ввода жилья на оставшиеся две пятилетки: 900 и 1000 миллионов квадратных метров общей площади. Если эту программу удастся выполнить, то средняя обеспеченность в городах и поселках городского типа составит 18,5 квадратного метра на человека. При этом 2,3 процента семей, или 5 миллионов городского населения, так и не получат собственных квар-

Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

ОБЪЕМЫ ВВОДА ЖИЛЬЯ ПО ПЯТИЛЕТКАМ

	в миллионах квадратных метров	в %
11-я	552,2	100
12-я (план)	660,0	120
13-я (план)	900,0	137
14-я (план)	1100,0	122

ОБЪЕМ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
в квадратных метрах на душу населения

Япония	0,9—1,0
США	0,7—0,8
Франция, ФРГ	0,6—0,7
СССР	0,47

тир. Около 40 миллионов человек будут продолжать жить и вести совместное хозяйство в квартирах, занимаемых двумя или несколькими семьями родственников. Но, главное, значительная часть городских семей и одиноких людей — всего около 30 миллионов человек — будут продолжать жить в «нездоровом жилище», где высоки смертность и заболеваемость.

Это дает полное основание считать реализуемую программу по жилищному строительству, как и предложенные Съезду народных депутатов страны увеличенные объемы строительства до конца 2000 года, не соответствующими установке XXVII съезда КПСС. Специалисты ЦНИИЭП жилища Госкомархитектуры подсчитали, что при запланированных на 13-ю и 14-ю пятилетки объемах ввода жилой площади норма «здорового жилища» будет достигнута лишь в 2004 году, а уровень 28 квадратных метров — в 2024-м.

Существует документ об альтернативном пути решения жилищной проблемы, разработанный в ЦНИИЭП жилища и представленный в Верховный Совет и правительство СССР. Мы полагаем, что объемы жилищного строительства в двух оставшихся пятилетках должны составить соответственно 1000 и 1400 миллионов квадратных метров. Только в этом случае можно будет к 2000 году обеспечить каждую семью и каждого одинокого человека отдельной квартирой или домом, а также заложить надежный фундамент полного решения жилищной проблемы в СССР в первом десятилетии XXI века (к 2008 году).

Есть ли объективные предпосылки — экономические, ресурсные, организационные — для реализации нашего предложения? Ведь увеличение на 15 процентов среднегодовых объемов ввода жилья за прошедшие три года по сравнению с объемами «застойной» 11-й пятилетки строители и то выдают едва ли не за подвиг.

Жилье является в нашей стране уникальным массовым товаром, не имеющим стоимости для многих из тех, кто его приобретает. Существующая ныне цена на жилье не является надежным измерителем общественно необходимых затрат и не выполняет функций регулятора спроса и предложения. Нельзя не заметить и значительную разницу затрат на оплату квартиры, коммунальных услуг и содержание жилища в зависимости от того, кому оно принадлежит — государству, кооперативу или индивидуальному владельцу.

Если на селе 2 миллиона человек не имеют собственного жилья, то в городах 27 миллионов бездомных, у которых крыша над головой в виде общежития, полуподвала, барака, дома-сарая в балках или снимаемой площади в частном секторе. Три миллиона семей, состоящих из 4 и более человек, живут в однокомнатных квартирах, а каждая пятая, имеющая 5 и более детей,— в одно- или двухкомнатных. Около 10 миллионов пенсионеров из рабочих и служащих ютятся в коммунальных квартирах, в ветхих домах, снимают жилье у частных лиц.

Какой вывод напрашивается? Достаточно простой и вместе с тем справедливый: законодательно гарантировать право на бесплатное предоставление квартир и домов из государственного жилищного фонда и право на минимальную плату за жилье для семей, где доход на одного человека составляет, скажем, менее 110 рублей в месяц, а обеспеченность жилой площадью — ниже 9 квадратных метров. Для решения этой задачи требуется построить за государственный счет до 2000 года примерно 1 миллиард квадратных метров жилья. Остальное следует строить на договорных условиях за счет фондов социального развития (ФСР) предприятий и организаций, средств общественных организаций, колхозов, жилищно-строительных кооперативов и населения. Одни только ФСР снимут с государства нагрузку в 700 миллионов квадратных метров, что соответствует капиталовложениям в размере 250 миллиардов рублей. Высвобождившиеся государственные средства можно частично использовать для развития кооперативного и индивидуального жилищного строительства. Как именно? Вот об этом хотелось бы сказать подробнее.

Во всем цивилизованном мире государство в лице федеральной или муниципальной власти берет на себя финансирование и строительство в будущем жилом районе инженерных коммуникаций — канализации, водопровода, электрических и телефонных сетей, отличных дорог, связывающих район с системой автострад, а также заботу о социальном благоустройстве. Все это входит в понятие инфраструктуры жилого района.

СРЕДНИЙ РАЗМЕР КВАРТИРЫ ИЛИ ДОМА
в квадратных метрах общей площади

Норвегия	200
США	150
ФРГ	120
Франция	100
Чехословакия	80
СССР	56

Кооперативное и индивидуальное жилищное строительство в нашей стране не получат должного развития до тех пор, пока государство не возьмет на себя финансирование и строительство объектов инфраструктуры в полном объеме. Это вторая часть нагрузки на государство. Подготовка инфраструктуры должна, разумеется, опережать строительство жилья. Расчеты показывают, что на создание инфраструктуры для кооперативного и индивидуального строительства жилых домов до 2000 года понадобится около 160 миллиардов рублей, то есть гораздо меньше, чем высвобождается в результате привлечения к жилищному строительству средств предприятий и организаций.

СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЖИЛЬЕМ
в квадратных метрах общей площади на человека

Норвегия, Бельгия	75
США	50
ФРГ	40
Франция	30
Чехословакия, ГДР	25
СССР	15

Но где найти строителей и материальные ресурсы?

Надо честно сказать, что выполнвние основного объема строительно-монтажных работ государству не потянуть без подряда. Объем работ, выполняемых хозспособом, должен охватывать не более 20 процентов капиталовложений в жилищное строительство. Жилой дом, а тем более жилая среда — это сложнейшее целое, создание которого требует высокой квалификации и профессионализма. Мнение, что его можно создавать «всем миром», глубоко ошибочно, да и результаты такого подхода ужв дают о себе знать. Пора государству кончать практику, когда сапоги тачает пирожник, а пироги печет сапожник.

Так что третья нагрузка на государство — это выделение в достаточном количестве строителей и строительной техники, снятие их со «строек века». 25—30 процентов сокращения промышленного строительства достаточно, чтобы полностью удовлетворить рост объемов ввода жилья.

Теперь о ресурсах. Известно, что и металл, и цемент, и дерево у нас в дефиците. Поэтому, видимо, ежегодно выходят ультимативные указания снижать расход металла, цемента, древесины и других материалов в домостроении. Но экономить надо с умом. Мы уже добились того, что дома в нашей стране по расходу металла, цемента, древесины, стекла, фаянса, трубных и кабельных разводок самые экономичные в мире. Архитектуру и качество строительства, правда, с мировыми образцами почему-то не сравнивают. Будущив жильцы еще не знают, что их ждут новые причуды экономии — например, бескоробочные дверныв проемы в домах: это все равно что человек без бровей!

Рост объемов жилищного строительства увеличивает потребность в материалах и изделиях в 1,3—1,5 раза. Но лишь по некоторым их видам необходимо дальнейшее наращивание производственных мощностей. Основную часть ресурсов жилищное строительство может получить в результате их перераспределения.

Сейчас у нас много говорят о дефиците государственного бюджета. А между тем как минимум две трети населения были бы рады приобрести (в рассрочку на определенных условиях) жилье или землю под застройку. Одни лишь взносы на новое индивидуальное и кооперативное жилищное строительство с учетом погашения кредита позволят государству сокращать дефицит на 5 миллиардов рублей в год. Если же организовать подготовку площадок под индивидуальную и кооперативную застройку, взяться за создание развитой инфраструктуры, отдача многократно возрастет. Расчеты показывают, что через 10 лет только погашение кредитов на жилищное строительство сможет давать государству около 25 миллиардов рублей ежегодно.

Решить жилищную проблему на одних лозунговых обещаниях и призывно-просительных обращениях типа «строить больше» невозможно. Необходима тщательно обоснованная государственная программа «Жилье-2000», которая, ни в коем случае не сковывая местную инициативу, должна точно обозначить основные этапы и ориентиры в целом по стране и по отдельным регионам.

Надо, наконец, признать, что в стране создалось парадоксальное положение: нет настоящей жилищной программы, нет государственного органа, отвечающего за строительство жилья. Поэтому все заверения о скорейшем решении проблемы есть только проявление озабоченности, а не реальной заботы государства о гарантиях и условиях соблюдения конституционного права на жилище. И уж, во всяком случае, пора перестать держать наш народ — то ли по некомпетентности, то ли преднамеренно — в неведении относительно решения одной из самых насущных проблем нашей жизни. И откровенно сказать: программа «Жилье-2000» — пока только лозунг.

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК

1. Так как я речь свою читал по рукописи с очень небольшими дополнениями, то, вместо исправления стенограммы, препровождаю ту рукопись, по которой я читал.

2. Работа стенографисток протекала в очень трудных условиях. Целый ряд реплик отмечен, но отмечены далеко не все. Возможно, что стенографистки избегали записи некоторых реплик из чувства брезгливости. Я ни в каком случае не могу им поставить это в вину. В стенограмме не указано также, что с трибуны Президиума мне систематически мешали говорить. Не указано, что с этой трибуны брошен был в меня стакан (говорят, что тов. Кубяком). В стенограмме не указано, что один из участников Объединенного пленума пытался за руку стащить меня с трибуны, и пр. и пр.

3. Первая моя речь в защиту предложения о постановке в порядок дня особым пунктом вопроса о врангелевском офицере и военном заговоре изъята из стенограммы особым постановлением пленума. Вследствие этого в стенограммах пленума окажется незаписанным тот факт, что член Президиума ЦКК, тов. Ярославский, во время моей речи бросил в меня томом контрольных цифр. Морально-политический смысл этого факта особенно подчеркивается тем обстоятельством, что рабочего-партийца за резкое слово в ячейке во время прений исключают из партии, тогда как один из организаторов и руководителей этих исключений считает возможным в высшем органе партии, на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, прибегать к методам, которые иначе никак нельзя назвать, как фашистски-хулиганскими.

4. Во время речи тов. Бухарина, в ответ на реплику с моей стороны, тов. Шверник также бросил в меня книгу. Тов. Шверник — бывший секретарь ЦК, ныне руководитель Уральской организации партии. Надеюсь, что его подвиг будет закреплен в стенограмме.

5. Ни один из указанных выше хулиганских поступков (Ярославского, Шверника, Кубяка и многих других) не встретил даже и тени осуждения со стороны Президиума.

Вот почему нельзя рассматривать разыгравшиеся на Объединенном пленуме сцены иначе, как директивные указания наиболее ответственного органа всем партийным организациям относительно того, какими методами надлежит проводить предсъездовскую дискуссию.

Л. ТРОЦКИЙ
24 октября 1927 г.

Публикация Юрия ФЕЛЬШТИНСКОГО

Александр ЦИПКО,
доктор философских наук

НУЖЕН ЛИ ЕЩЕ ОДИН ЭКСПЕРИМЕНТ?

IV. О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В УЧЕНИИ МАРКСА

Один уважаемый публицист рассердился на меня за то, что я в статье «Истоки сталинизма» называю Маркса духовным отцом Сталина и одновременно пытаюсь найти в марксизме основания для более разумного и гуманного, чем сталинизм, взгляда на мир (Клямкин И. Испытания и надежды. Литературное обозрение, 1989, № 4, с. 7). Человеку, привыкшему думать, что в марксизме все верно, все цельно и последовательно, конечно, трудно примириться с таким анализом этого учения. Но тут не моя вина, а его, оппонента, беда.

Вопрос «Почему сам Маркс, решительно выступавший против грубого, казарменного коммунизма, не понял, что именно его антиказарменный идеал приведет к казарменности на практике?» (см.: Клямкин И. Еще раз об истоках сталинизма. Политическое образование, 1989, № 9, с. 42) может привести в смущение только человека, **верящего** в Маркса, убежденного, что тот был «обречен» все понимать и все видеть.

Однако то, чего не понял и не увидел Маркс, поняли и увидели многие его оппоненты. К примеру, о нашем главном открытии — о том, что нетоварное, то есть социалистическое, монопольное, производство ни к чему, кроме как к бедности и казарме, не ведет, было известно очень давно. Разве не предупреждал Прудон в письмах к Марксу, что экономическая доктрина, предполагающая монопольное, бесконкурентное производство, с неизбежностью ведет к новому порабощению рабочего класса, к деспотизму, к всевластию центральных органов коммуны над жизнью ее членов?

Маркс отнюдь не всегда был логичен и строго доказателен. Он не сводит концы с концами не только в частностях, но и в главном — в понимании истории и механизмов ее развития. Материалистические и идеалистические истоки его учения так и не смогли соединиться в нечто целостное.

С одной стороны, Маркса можно рассматривать как историка-материалиста, противника волюнтаризма. Он понимает, что плод истории необходимо срывать только тогда, когда он созреет, что зеленое, неспелое яблоко никому радости не принесет. В этом смысле Маркс — сторонник эволюционной точки зрения. Он действительно много раз подчеркивал, что старое имеет право жить до тех пор, пока живет, пока не исчерпает своего жизненного предназначения, и что соответственно новое должно быть естественным следствивм развития старого общества, вырасти из самого процесса жизни, доказать свое право на существование собственным полноценным бытием. **«Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»,—** заявлял Маркс. А потому уверен, что оно **«не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10).

Вожди второго, реформистского Интернационала, делавшие ставку на естественный ход событий, на самопревращение капитализма в социализм, как известно, подкрепляли свою позицию Марксом. И с полным основанием. Маркс и Энгельс не один раз писали о том, что самоотрицание, саморазрушение капитализма — автоматический процесс. Они декларировали этот взгляд на историю в самом начале теоретической деятельности: «**...Частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития...**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 39).

В конце концов можно было черпать аргументы для реформистской тактики и в знаменитом предисловии Маркса «К критике политической экономии»: **«Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самоѓо старого общества»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7).

Но с другой стороны, в марксизме, в его понимании жизни и истории очень много от немецкого трансцендентального идеализма, от убеждения, что самосознание «Я» творит и созидает мир. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» сами обратили внимание на исходную, органическую связь между фихтевским учением о «Я», о «толчке» и коммунистической теорией. Они обвиняют Макса Штирнера: он не видит, что «коммунисты намерены взять под свой контроль этот «толчок», который (если не ограничиться пустой фразой) становится, правда, крайне сложным и многообразно определенным «толчком». Фихтевское учение о творящем самосознании превращается у Маркса и Энгельса в идею революции, в мысль о конструктивности насилия, творящего новый мир.

В том-то и дело, что Маркс первым среди мыслителей нового времени призвал философов вмешаться в естественный ход событий. Его философское кредо известно: **«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4). Изменить не с помощью слов, воздействия на умы, а насильно принуждая часть общества к тому, с чем она не согласна, что воспринимает как противоестественное, навязанное. Речь идет ни много ни мало о смене оружия. Вместо того чтобы использовать критику в качестве оружия, Маркс призывает критиковать старый мир с помощью оружия. Характерно, что после событий Парижской коммуны 1871 года деятельное, волевое начало в его учении окончательно берет верх над материальным. Под впечатлением героизма парижских коммунаров он приходит к выводу, что нет никакой необходимости ждать полного экономического самоисчерпания капитализма, что развитие противоречий в надстройке, взрыв недовольства обгоняют процесс развития противоречий в базисе. Таким образом, сознание, социальная психология, воля людей превращаются в теории в самостоятельный субъект исторического творчества.

Идея толчка, коммунистической революции по своей социальной, политической и философской сути в корне противоположна идее спонтанного саморазвития общественных форм. Изменение мира предполагает внесение в него того, чего в нем в данный момвнт нет. Речь идет о сознательном творчестве нового. Маркс прямо говорит о пролетарских революциях как о процессе созидания новой истории.

После событий Парижской коммуны Маркс взваливает на сознание и волю победивших коммунистов ответственность за дела не только коммунистические, но и прошлые, капиталистические. Ведь если революционный взрыв произошел раньше, чем созрели объективные экономические предпосылки новой счастливой и достойной жизни, то тогда уже при коммунизме придется достраивать материальный базис формации.

Нигде так не раскрыто это деятельное, фихтевское начало мировоззрения Маркса, как в его известном письме Людвигу Кугельману от 17 апреля 1871 года. Там подчеркивается исключительная роль волевого, субъективного начала в истории: ***«Творить мировую историю было бы, конечно, очвнь удобно,*** **если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли... Ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай» как характер людей, стоящих вначале во главе движения»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175).

Чем больше Маркс отходил от эволюционного взгляда на историю, тем прочнее он связывал свое социальное учение с революционным нетерпением масс и тем меньше оставалось у пролетариата реальных шансов когда-нибудь прийти к коммунистическому процветанию и изобилию. Вряд ли он сам, своими революционными силами, мог преодолеть такую преграду на пути к благосостоянию людей, как недостроенное, к тому же полуразрушенное здание капиталистического хозяйства. Тут каждый бы увяз по горло в экономических неурядицах. Не случайно, кстати, ни одна из стран Восточной Европы за сорок лет марксистского эксперимента так и не смогла прийти к устойчивому экономическому равновесию. Даже дисциплинированная и работящая ГДР, как выяснилось, жила и благоденствовала в долг. Я уже не говорю об изначальной безнадежности коммунистического эксперимента в России, где завалов на пути к благосостоянию было в десятки раз больше.

Именно вера Маркса в то, что воля и сознание пролетарских революционеров в состоянии изменить естественный ход событий, ускорить движение истории, давала В. И. Ленину полное право считать себя строгим, ортодоксальным марксистом. Когда меньшевики говорили ему, что он спешит с пролетарской, социалистической революцией в России, что русский капитализм недозрел, что большевистская стратегия и тактика расходятся с учением о необходимости самоисчерпания капитализма, он, отстаивая свою правоту, призывал на помощь Маркса, учившего, что революции являются «локомотивами истории». И по-своему Ленин был прав. Если марксизм разрешвет ускорять ход событий, то почему бы не попытаться, обладая силой возмущения масс, ускорить переход России от ненавистного капитализма к желанному социализму?

Рвбота Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой он, по сути, переходит на позиции революционных народников, не желающих ждать спелости капиталистической России, и делает ставку на силу как основной фактор истории, вся буквально напичкана цитатами из произведений Маркса и Энгельса. Даже призывы к якобинским, плебейским методам расправы с царизмом Ленин подкрепляет выдержками из Маркса:

«Удастся решительная победа реаолюции,— тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски. «Весь французский терроризм,— писал Маркс в знаменитой «Ноаой Рейнской Газете» в 1848 г.,— был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством»... Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом «якобинизма» в эпоху демократической революции?» (Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 47). Так с помощью Маркса загонял большевик Ленин в угол и легального марксиста Струве, и марксистских ортодоксов меньшевиков.

Поразительно, но сам Маркс так и не почувствовал внутреннего противоречия между двумя исходными посылками своего мировоззрения: вера в то, что революционеры могут и имеют право «**сократить и смягчить муки родов**», сама спорит с его убеждением, что общество **«не может ни перескочить через естественные фазы развития. ни отменить последние декретами»**.

Принцип естественного развития объекта несовместим с ускорением истории. Это все равно что толчками извне, ударами по крышке ускорять работу стиральной машины-автомата. Подобная помощь может привести только к порче машины, и значит, к тому, что вы будете спать в грязной постели и носить грязное белье.

Идея сокращения сроков зарождения социализма подразумевает насильственное сокращение сроков жизни капитализма, то есть нарушение естественной логики саморазвития буржуазной цивилизации. Но до того, как капитализм исчерпает себя, трудно выяснить, какой этап его развития пытаются проскочить революционеры — второстепенный или самый важный, определяющий. Трудно выяснить, на что они покушаются — на корень человеческой истории или на ее отростки, которые можно вырвать без ущерба для человеческой цивилизации.

Сама по себв революция предполагает принуждение значительной части общества к новой жизни с помощью оружия и находится в вопиющем противоречии с мыслью о естественном созревании новых общественных форм. По самой своей сути революция есть волюнтаризм, то есть насильственное принуждение значительной, подавляющей части общества к тому, к чему оно не приспособлено, насильственное, с помощью диктатуры пролетариата, внедрение в жизнь того, чего в ней никогда раньше не было, к чвму люди не привыкли, что не готовы воспринять.

Г. Лисичкин убеждает читателей, будто в теории Маркса насилие играет второстепенную, незнвчительную роль, ограничивается функцией повивальной бабки, освобождающей плод от пуповины. Нет и еще раз нет. Насилие у Маркса и Энгельса выступает в роли творца новой жизни. С помощью насилия, штыков диктатуры пролетариата мыслился переход ко всеобщей трудовой повинности. Вряд ли можно доказать, что внеэкономическое принуждение к труду будвт естественным результатом буржуазной цивилизации. Скорее получается прямо противоположное — краеугольным камнем капиталистического общества является экономическое принуждение к труду, свобода выбора образа жизни, путей самореализации.

Диктатура пролетариата предполагала упразднение права наследования, отмену частного, обособленного быта, обязанности родителей содержать и воспитывать детей. И вряд ли удастся доказать, что объективная логика развития буржуазной цивилизации сама, в силу внутренней необходимости вела к отмиранию веками складывавшегося семейного образа жизни. Очевидно, что и в этом случае без насилия ничего не могло получиться. Новый, коммунистический образ жизни пришлось-таки конструировать при помощи декретов.

Еще труднее доказать, что естествнное развитие буржуазной цивилизации приводило к отмиранию у крестьянина многовековой привычки работать обособлвнно, на своем поле, семьей. Впрочем, то, что крестьянин-частник никак не был готов к коллективному труду на коллективном поле, прекрасно понимал Энгельс. Не случайно он рекомендовал после пролетарской революции дать крестьянину-единоличнику время на раздумье, не гнать его сразу в коллективные хозяйства. Правда, не ясно, как бы поступил Энгельс после истечения этого «срока для размышления», если бы крестья-

Окончание. Начало см. «Родину» № 2.

нин продолжал упорствовать. Сорокалетний опыт Югославии и Польши, где крестьянину-частнику действительно предоставили возможность выбора, как жить дальше, не выявил склонности к производственной кооперации. К снабженческой, сбытовой — да, а к производственной — очень редко. Так что план добровольного перехода крестьянина к социализму вряд пи бы осуществился. И следовательно, к социализму была только одна дорога, сталинская, дорога тотального насилия.

Идея революции как сокращения мук рождения нового общества вольно или невольно провоцировала волюнтаризм, возникал соблазн начать побыстрее принуждение к новой жизни. Ведь, строго говоря, научно определить момент самоисчерпания капитализма невозможно. Такое понятно только задним числом, когда гибель наступила. Но до тех пор, пока капитализм существует, развивается, трудно не ошибиться при оценкв состояния его здоровья. Кризис перепроизводства может быть свидетельством и движения к более высокому, совершенному уровню развития, и наступающей гибели. Маркс и Энгельс из-за революционного нетерпения начиная с революции 1848 года склонялись к уничижающей оценке и всегда ошибались. Впрочем, и после их смерти в определении состояния капитализма постоянно ошибались русские наследники революционного учения.

Противоречие между материалистическими и идеалистическими, трансцендентальными компонентами пронизывает все без исключения стороны марксистского учения. Когда Маркс и Энгельс описывают то, что всть, то, что сложилось, развивается, они твердо и последовательно стоят на позициях материализма, опираются на опыт — материалистический критерий практики. Эволюционный взгляд на мир имеет у них мощное научное подкрепление. Но как только они покидают твердую почву настоящего и начинают думать о будущем, о том, что, с их точки зрения, должно быть, они становятся другими людьми, начинают говорить языком заклинаний, предположений, надежд.

Учение Маркса и Энгельса о коммунизме нельзя даже назвать научной гипотезой. В его основе — посылка, которая не подкреплена анализом ни перспектив современного производства, ни возможных демографических сдвигов, ни динамики и тенденции развития основных потребностей человека. Здесь все построено на вере в то, что **«теперь благодаря развитию крупной промышленности... созданы капиталы и производительные силы в размерах, ранее неслыханных, и имеются средства для того, чтобы в короткий срок до бесконечности увеличить эти производительные силы»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 331). С убежденностью, что будущий строй в состоянии **«до бесконечности увеличить эти производительные силы»**, Энгельс рождается как коммунист, революционер. С ней и умирает. В своей самой крупной работе «Анти-Дюринг» он уверяет будущие поколения — **«только при коммунистических отношениях уже достигнутые технологическив истины могут быть осуществлены на практике»**, переход к ассоциированному производству избавит людей от многих «трудностей и препятствий», характерных для классового общества, обещает «небывалый научный, технический и общественный прогресс» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 118).

Ученив Маркса вообще не знает вопросов «на каком основании?», «почвму?». В «Критике Готской программы» рисуется величественная картина перерастания низшей фазы коммунизма в высшую, описывается кульминация исторического развития, **«когда труд пврестанет быть только средством для жизни... когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 20). Но опять Маркс ничего не говорит о предпосылках, условиях, механизмах желанного чуда.

Он предлагает своему читателю **поверить,** что в будущем природа человека изменится и никто уже не станет нуждаться в конкуренции, рынке, в экономическом принуждении к труду. Конкуренция, связанная с реальным развитием людей XVIII века, рано или поздно отомрет, ибо **«вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 162).

Но все-таки вера — слишком зыбкое основание для учения, претендующего на изменение судеб миллионов людей. А как быть, если природа человека не изменится достаточно быстро, то есть проявит упорство и надолго сохранит потребность в состязательности, соревновательности? Что будет в этом случае питать коммунистический прогресс?

Складывается впечатление, что основатели социализма, который мы по традиции называем научным, никогда всерьез не задумывались над самоочевидными проблемами. Даже мощный диалектический ум Маркса, работавший как мотор, когда речь шла о противоречиях, антагонизмах ненавистной ему частнособственнической цивилизации (чего стоит только его блестящий анализ товарного фетишизма в «Капитале»!), слабеет, когда судит о будущем коммунистическом обществе. Поразительно, но Маркс не видит очевидных структурных противоречий обобществления средств производства в национальном масштабе, негативных последствий тотального централизма, отмахивается от Бакунина с его критикой грядущего марксистского деспотизма как от назойливой мухи.

В сущности, Маркс никогда и не размышлял о будущем ассоциативном обществе предметно, никогда не доходил в своих суждениях о коммунистической формации до деталей, до конкретного живого человека.

К примеру, настаивая на преодолении рынка, частного быта и частного обеспечения семьи, он не чувствовал, что тем самым лишает людей первичных условий свободы, возможности выбирать предметы потребления. Отнимая у людей рынок, частную торговлю, он тем самым делает стоящих внизу, у основания общественной пирамиды, заложниками тех, кто распределяет общественные богатства и решает, что следует потреблять, носить, в каких количествах и в какое время. Какова гарантия, что люди, назначенные или избранные руководить национальным производством, будут действительно руководствоваться интересами большинства? Как противостоять возможному произволу, попыткам подменить общественные интересы и ожидания личными интересами и фантазиями управляющих? Эти вопросы Маркс перед собой не ставил, а потому не искал на них ответа. Он как будто не замечал, что жизнь состоит из деталей. Игнорируя «мелочи», он игнорировал саму жизнь, объективные законы экономики.

Маркс не чувствовал, не видел, что опосредованная, «вещная связь» между людьми куда больше оставляет человеку свободы, гарантий социальной защищенности, чем так называемая «прозрачная», непосредственно-коммунистическая. В первом случае товаропроизводитель, включая собственника своей рабочей силы, то есть большинство общества, сохраняет право владения своими товарами, может ими сам распоряжаться, искать наиболее выгодные условия обмена. Во втором варианте (в условиях коммунистической ассоциации) и продукт труда, и рабочая сила сразу, без каких-либо условий, отчуждаются от личности, ибо они с самого начала воспринимаются как достояние всего общества, как необходимый элемент совокупного богатства, совокупных условий труда. В будущем ассоциативном обществе человек сразу теряет такую опору в жизни, как право распоряжаться и своим трудом, и его результатами.

В первом случае, в товарном, так называемом капиталистическом обществе, производитель с самого начала знает, на что может рассчитывать, во имя чего трудится, какие блага этот труд ему может принести. В этом случае, когда отношения между людьми опосредованы вещами, сохраняется тем не менее очевидная, именно «прозрачная» связь между трудом и его результатами. Тут каждый, кто имеет работу (то есть подавляющее большинство), свободен, то есть сам творит материальные условия своей жизни, является хозяином собственной судьбы.

В первом случае, заработав деньги, получив все сполна, он, к примеру, сам себе покупает квартиру. Во втором случае, в условиях нетоварного хозяйства, он перепоручает обществу заботу о своем благосостоянии и целиком зависит от действий центральных органов, от выделенных фондов на строительство, от темпов возведения зданий, от качества планируемых квартир и так далее. Так непосредственная связь между пюдьми, изначальная привязанность конкретного труда к общественным целям на деле оборачивается несвободой, прикрепленностью человека к органам, которые регулируют и контролируют общественное производство.

В ассоциативном, коммунистическом обществе, к которому стремился Маркс, связь мвжду трудом и его результатами усложняется, в нее вклиниваются промежуточные звенья. Сначала ваш труд становится общественным достоянием, отчуждается от вас. Затем центральная, координирующая власть определяет, сколько и в какой форме воздать вам за труд. Повсюду — сотни людей с различными интересами. И нет никаких гарантий, что эти сотни, тысячи, распоряжающиеся вашим благосостоянием, только и думают о том, чтобы вам жилось лучше и легче. Вопреки прогнозу Маркса, социализм не только не устранил личных пристрастий из хозяйственного процесса, сделал его нейтральным и объективным, а, напротив, превратил экономику в царство своеволия. Борь-

ба с рынком по сути обернулась борьбой с объективными экономическими критериями, с законами саморазвития и саморегуляции народного хозяйства.

Маркс, призывавший идти до конца в познании истины, тем не менее никогда не размышлял всерьез, по крайней мере вслух, о самом главном — о человеке, его душе, страстях, скрытых, затаенных мыслях. Он не видел (скорее, не хотел видеть), что каждый поглощен собой, в чем-то лукавит, является рабом своего честолюбия, жажды выиграть в вечном соревноеании с другими, что человеку, даже самому честному, совестливому, трудно противостоять природному эгоизму, зависти, лести, соблазнам славы, власти, богатства.

К личности, ее тайнам, причудам Маркс никогда не проявлял интереса. И это странно. Ибо какая может быть наука об обществе, о производстве, пока мы не знаем ничего о человекв? Достаточно элементарной наблюдательности, обычного внимания к жизни и человеку, чтобы обнаружить десятки, сотни неразрешенных загадок нашего бытия. Почему природа так несправедлива: одним дает и красоту, и талант, в другим оставляет только муки и страдания? Почему среди неравных все же утвердилась христианская идея духовного равенства всех людей? Почему такая громадная, непреодолимая пропасть между совестливым человеком, получившим от рождения или от бога способность к состраданию, и тем, кто с детства мучается от злобы, агрессивности и не в состоянии преодолеть свой недобрый взгляд на мир? Почему одни рождаются ленивыми, вялыми, а другими с детства движет энергия самореализации, самоутверждения? Как все это сказывается на жизни общества? Что тут можно изменить? С чем надо примириться?

Тайна на каждом шагу. Происхождение совести, сострадания, доброты. Тайна родственного чувства, раскаяния, мук совести. Тайна общения матери и ребенка.

Маркс сам страдал: как эмигрант, как отец, вынужденный хоронить детей, как бедняк, живший на содержании друга, как еврей, порвавший с законами и верой предков. Но эти страдания не высекали в его душе ни одной искры духовного прозрения. В его трудах вы не найдете ни слова о внутренней жизни человека, о страхе перед смертью, о духовной благодати. Он, незаурядный, гениальный мыслитель, не хотел или не мог думать о душе. Он как бы отмахивался от всех тех трагических проблем бытия, которые помешали бы ему быть революционером. Подобное же самоограничение характерно для всех его последователей и учеников.

Как философ, учивший, что идея каждый раз посрамляла себя, как только отрывалась от интересов людей, Маркс сам в исследовании капитализма и будущего коммунистического общества мало считался с тем, насколько мощно корысть движвт этим грешным миром.

Всю жизнь, во всех основных работах, включая «Капитал», он доказывал, что капиталист, цель которого — получение меновой стоимости, по природе своей не заинтересован в производстве добротных вещей и только в ассоциации, с самого начала нацеленной на создание потребительной стоимости, потребности человека будут поставлены во главу угла. Но в жизни, как мы теперь знаем, все обстоит прямо противоположным образом, то есть так, как говорили и Адам Смит, и современники Маркса, критики «Капитала», стоявшие на точке зрения здравого смысла. Именно предприниматели, пекущиеся о прибыли, приносят достаток и благосостояние значительной части общества. Так как капиталист не может получить прибыль, не продав вещь на рынке, он в условиях конкуренции денно и нощно думает о совершенствовании своих изделий. В то же время монопольный производитель национальной ассоциации, освобожденный от контроля со стороны рынка, по той же логике слабо или совсем не заинтересован в повышении качества производимой продукции.

Ни один из социалистов, начиная с Платона, не обошел вниманием проблему стимулов к труду, а значит, и замены, компенсации тех стимулов, которые дает частная собственность. Даже Гегель, который в примечаниях всегда оставался твердым материалистом и реалистом, не забывал о психологии, доказывал, что демократия и частная собственность неразрывно связаны, а «свободная воля» человека невозможна без свободного отношения к «внешним вещам», к собственности.

Но для Маркса и Энгельса всех этих проблем как будто не существовало. Они почему-то полагали, что инженеру будет стыдно просить лишнюю тарелку супа за добавочный труд. Как будто не было печального опыта коммун Оуэна, где все оказались охочи до сочинения стихов, но так и не нашлось желающих работать в поле.

В «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс открыто иронизируют над теми, кто напоминал в полемике с социалистами о существовании проблемы стимулов к труду, кто **выдвигал возражение, «будто с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая леность». «В таком случае буржуазное общество должно было бы давно погибнуть от лености, ибо здесь тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 4, с. 440).

Марксу и Энгельсу казалось, что этим замечанием они опрокидывают самый важный аргумент противников обобществления собственности. Но здесь явно не хватает эмпирической, человеческой достоверности анализа. Одно дело относительное обнищание рабочего класса, то есть политико-экономический аспект проблемы, и совсем другое — системв объективных жизненных условий, побуждающих всех членов капиталистического общества к интенсивному труду. Капитализм потому и не погибнет от лвности, что изобрел такое эффективное средство борьбы с праздностью, как угроза голода, страх безработицы. Вопреки тому, что писали авторы «Манифеста», никогда не было спокойной жизни у обладателей капитала и тем более у промышленников.

В сущности, весь прогноз Маркса, все его учение о свободной ассоциации производителей, сформулированное на сущностном уровне, на стадии закона, не было проработано до уровня конкретно-психологического. Это касается не только проблемы мотивации, но и последствий предложенной Марксом вертикальной системы управления производством.

Речь в принципе идет о возможности сохранения духовного здоровья личности, свободы выбора в рамках плановой, жестко детерминированной организации производства, исключающей свободу труда, хозяйственную самостоятельность, экономическую стихию. По крайней мере, очевидно, что переход от рыночной экономики к директивной резко сокращал возможности индивидуального выбора в жизни как коренного условия психологического комфорта европейской личности. Вместе с уничтожением рынка и конкуренции человек лишался возможности выбора предметов потребления, личного непосредственного участия в контроле за качеством производимых изделий. Вместе с введением плановой организации производства резко сокращались масштабы хозяйственной инициативы снизу, начисто исключалась такая важная форма самореализации личности, как индивидуальная и групповая предприимчивость. Введение закона о перемене труда в рамках всего общества (на чем настаивали Мвркс и Энгельс) предусматривало обязательное сочетание различных форм труда, независимо от вашего личного отношения к ним. К еще большим духовным потерям должно было привести обязательное общественное воспитание детей.

V. ДЕФИЦИТ РЕАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА

Маркс платит очень высокую цену за стремление вывести душу человека за скобки новой социальной науки. Зависает в воздухе, в эфире философских понятий не только учение о саморазвитии капитализма, но и «реальный гуманизм».

Несомненно, по исходным побуждениям, в желании облегчить судьбу отверженных, сделать всех счастливыми, создать условия для всестороннего и свободного развития каждой личности Маркс и Энгельс были гуманистами. Их учение о целях коммунистического преобразования общественной жизни, о **«перспективе всестороннего обрезования, счастливого существования»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 358) выдержит самую строгую гуманистическую проверку.

Маркс критиковал грубый, вульгарный коммунизм с позиций последовательного гуманиста. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он указывает на опасность вырождения коммунистической революции рабочих в разграбление старого мира, в передел чужого богатства. Он понимает, что подлинное упразднение частной собственности имеет смысл только тогда, когда оно совершается духовно развитыми, совестливыми людьми, которые уже переболели жаждой богатства.

Нет ничего омерзительнее, пишет Маркс, нежели желание люмпена обладать тем, чем обладают другие, расправиться с тем, чем не могут обладать все,— расправиться с талантом.

Но, как мы уже имели возможность убедиться, он теряет дар гуманистического подхода к человеку и истории, когда оказывается во власти своей теории революции и диктатуры пролетариата. Тут он поступает и мыслит вопреки тому, что

писал о коммунизме как реальном гуманизме в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Маркс, учивший недоверию к люмпену, в конце концов связывает судьбы пролетарской революции и всей истории именно с люмпеном, этой социальной прослойкой, с тем, что он сам называл продуктом разложения буржуазного мира.

Казалось бы, из продуктов разложения и распада никак нельзя построить новое, более совершенное общество. Казалось бы, со всех точек зрения лучше связать переход к коммунизму со зрелым, цивилизованным пролетариатом, которому уже доступно чувство прекрасного. Не случайно ортодоксы нынешней перестройки в России, как и ортодоксы II Интернационала, в заботе о благопристойности своей веры прибегают к такой цивилизованной трактовке марксистского учения о пролетарской революции. Но подобная интерпретация учения Маркса не более как очередной миф.

Еще лидер II Интернационала Эдуард Бернштейн обратил внимание на то, что Маркс, вопреки своему же учению о положительном упразднении частной собственности, связывает коммунистическую революцию с вырождающимся рабочим классом. Бернштейн критиковал Карла Каутского за его утверждение, будто бы «теория Маркса и Энгельса... выводит необходимость грядущего краха капитализма из роста пролетариата и его силы и зрелости...» В «Капитале», писал Бернштейн, «**...Маркс излагает теорию переворота, в которой говорится не о растущей силе и зрелости пролетариата, а о его *«вырождении»* и рабстве**» (Бернштейн Э. Очерки из истории теории социализма. С.-Петербург, 1902, с. 281).

И «первый ревизионист» был прав на все сто процентов. В своем основном опубликованном при жизни труде, в первом томе «Капитала», Маркс действительно связывал грядущий революционный взрыв с пауперизацией большинства рабочего класса, с его абсолютным обнищанием. Здесь он ни на йоту не отступил от исходного тезиса «Манифеста коммунистической партии», гласящего: **«Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, а пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 435).

Позже, уже в России, на фундаментальное противоречие между учением Маркса о социализме как царстве красоты и таланта и его же положением о субъекте пролетарской революции обратил внимание Петр Струве. **«Свое эмпирическое основание «теория крушений»,**— замечал он,— **нашла у Маркса в учении о естественно необходимом обнищании народных масс с течением капиталистического развития. Этого учения Маркс никогда не оставлял, но оно отвергнуто фактами и почти совершенно отброшено марксистами. И если бы это учение было правильно, его правильность была бы только доказательством против возможности социализма, *самоосвобождения* пролетариата и прогресса культуры, таким образом, против возможности марксистского социализма»** (Струве П. Марксова теория социального развития. Киев, 1905, *с*. 47).

Конечно, было бы интересно узнать, почему Маркс так и не заметил этого противоречия в своей теории, не задумался о неизбежных негативных последствиях приобщения обнищавшего, вырождающегося рабочего класса к революционному переустройству мира. Ведь и для него было очевидно, что обнищавший человек обозлен, жаждет мести и как только получит оружие в руки, то с одобрения учения об относительности моральных норм начнет расправляться с ненавистными буржуями, а вместо созидания красоты и мысли примется созидать виселицы для своих притеснителей. По логике обстоятельств революционного взрыва, которые Маркс и Энгельс описывали в «Манифесте коммунистической партии», должно было произойти то, что и произошло в России после Октября,— расправа обнищавших рабочих и крестьян над всеми, кто жил лучше них.

Но об этом — о человеческих последствиях, о тех страданиях, с которыми сопряжено революционное насилие,— основоположники, по-видимому, никогда всерьез не задумывались. Более того, они, как это хорошо известно, питали неприязнь к тем социалистам, которые размышляли о цене пролетарской революции и предупреждали о грядущих ужасах гражданской войны. Энгельс в письме к Марксу от 25—26 октября 1847 года с пренебрежением говорил об их соратнике по Союзу коммунистов Мозесе Гессе, который **«беспрестанно помещает в газете свои фантазии о последствиях пролетарской революции»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 97).

Возможно, Маркс и Энгельс рассчитывали на то, что пролетариат, вовлеченный в процесс обновления мира, сам обновится, очистится от грязи зависти и ненависти? Или основоположники научного социализма, увлеченные конструированием диалектических законов саморазрушения капитализма, вообще утратили ощущение человеческого, эмпирического смысла описываемых процессов?

Существует много объективных причин этой поразительной «загипнотизированности» классиков марксизма, когда они излагают свое учение о пролетарской революции.

Для них главной ценностью — и нравственной, и культурной, и исторической — был сам факт пролетарской революции, движения истории, перехода ее в новое состояние. Именно к этому желанному событию и были направлены все их помыслы, душевные порывы. Ими, наверное, прежде всего двигала неистребимая страсть выхода за рамки известного, привычного, трансцендентальный порыв в новое.

Все это еще раз говорит о том, что гуманизм Маркса и Энгельса был специфическим. Да, они ценили человека, считали его центром мироздания. Но выше всего они ценили не того человека, который есть и живет сегодня, а того, который возникнет завтра, в результате прорыва пролетариата в новую историю, новое состояние. Определяющее для всего мировоззрения и учения Маркса противопоставление человека будущего — так называемого «родового существа» — человеку настоящему, то есть «неподлинному существу», испорченному всей организацией капиталистического общества, было изначально противоречиво по нравственной направленности. Оно могло стать источником духовного прогресса, ибо призывало людей сделаться лучше, чем они есть. Но и одновременно служило оправданием самых страшных преступлений против личности, общества. Деление людей на подлинные и неподлинные личности невольно вело к новому, теперь уже классовому расизму.

Проблема эта не устарела и сегодня. По моему глубокому убеждению, невозможно создать правовое государство, по-прежнему веря, будто есть классы и люди, которые сами не способны постичь своих подлинных интересов и для этого их надо «за уши» тащить к счастью. Невозможно возродить в стране сферу обслуживания, нормальный, удобный для жизни быт, сохраняя прежнее неприязненное отношение к ремесленнику, пугая общество жупелом мелкой буржуазии, оберегая веру в возможность «чистой» пролетарской культуры. Не может быть свободы творчества, дискуссий, мысли, если соглашаться с тем, что культуру прошлого надо отбросить.

Вообще, наверное, нельзя ничего создать путного, оставаясь в убеждении, что только путем разрушения старого человечество обретет счастье. Правовое государство — наследие буржуазной культуры. Свобода совести тоже рождена ею. Если культура есть механизм обуздания звериного начала в человеке, то она нужна человечеству — единая, сильная, и нельзя ослаблять ее.

Мы не имеем права больше лукавить и скрывать, что сталинское — это и есть марксистское, что нельзя преодолеть сталинизм как мировоззрение, не преодолевая марксистское учение о диктатуре пролетариата, о классах и классовой борьбе. Мы не имеем права быть сегодня ортодоксами, ибо в противном случае никогда не преодолеем сталинизм как учение о классах и классовой морали. Нельзя быть ортодоксами, ибо от имени азбучных истин марксизма в нашей стране десятилетиями притесняли и мучили всех «несогласных», тех, кто стремился быть зрячим, служить добру и здравому смыслу, кто хотел самостоятельно мыслить.

Не понимаю, почему многие обществоведы, публицисты не хотят признавать марксистского первородства нашей революции и нашего социализма, почему они стараются внушить читателю мысль, что все происшедшее никакого отношения к подлинному, чистому марксизму не имеет. Бьюсь об заклад, что люди, пытающиеся отгородить Маркса от революции и сталинского социализма непроницаемой стеной, не знают ни теоретического наследия основателей научного социализма, ни истории нашей партии.

Разве не Марксу принадлежит мысль о возможности возве-

дения социалистического здания на фундаменте русской общины, конечно, в том случае, если революция в России получит вовремя политическую и технологическую помощь от победившего пролетариата развитых капиталистических стран?

Что касается собственности, национализации, обобществления средств производства, борьбы с рынком, товарно-денежными отношениями,— большевики, в том числе и Сталин, были самыми последовательными и ортодоксальными марксистами. Этого у них при всем желании нельзя отнять. Идею национализации земли, передачи всех земель в общую собственность всего народа они почерпнули у Маркса. В этом отношении они были более ортодоксальными марксистами, чем меньшевики, которые во главе с Г. В. Плехановым склонялись к муниципализации пахотной земли.

Сталин попытался воплотить в жизнь модель социализма, сложившуюся в условиях военного коммунизма. Но ведь сама хозяйственная стратегия военного коммунизма возникла под непосредственным влиянием учения Маркса об ассоциации производителей, всеобщей организации труда в национальном масштабе, исключающей мелкое частное производство, свободный обмен производимой продукции, то есть торговлю. Согласно букве научного социализма, **«в обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов...»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18).

Идея Маркса состояла в том, чтобы организовать производство в обществе так, как оно организовано на крупной фабрике, где все подчинено железной воле управляющего, где цеха не торгуют между собой, а только поставляют друг другу необходимую продукцию. Вот почему ленинское представление о социализме как об обществе, все граждане которого стали «служащими и рабочими одного всенародного государственного «синдиката», которые работают «поровну, правильно соблюдая меру работы», и получают поровну, можно рассматривать как воспроизведение сути учения Маркса о коллективистском обществе. Даже наша практика преодоления прежнего разделения властей вполне согласуется, о чем я уже упоминал, с идеалами классиков марксизма. Ведь они находили достоинство Парижской коммуны в том, что она как форма политической организации соединила исполнительные и законодательные функции.

Не было никакого русского марксизма. Русская революционная интеллигенция горячо приняла идеи тех работ, которые сами основатели научного социализма рекомендовали для издания в России, прежде всего «Манифеста коммунистической партии», призывавшего к разрушению старого мира. Как известно, Маркс так и не познакомил читателей с теми работами, где подробно излагал мысли об эволюционном самоисчерпании капитализма, где отдалял перспективу коммунизма и коммунистической революции на столетия.

Нынешняя перестроечная ортодоксия — не от невменяемости и слепой веры. Невменяемый поклонник марксистского разума и учения о классовой борьбе был бы по крайней мере последователен в своей слепоте. А наши апологеты марксизма то видят, то не видят, то верят, то не верят. Тут искренностью и последовательностью и не пахнет. Наверное, ни один ортодокс прошлого не рискнул бы утверждать, что Маркс был сторонником рыночного социализма, что он якобы всячески приветствовал расширение рыночных отношений и в будущей ассоциации. А вот нынешний марксист, к примеру, О. Лацис, вынужден заняться этим безнадежным делом и доказывать, что Маркс предполагал рынок и развитие товарно-денежных отношений в рамках коммунистической формации.

Современные толкователи марксизма готовы на все, даже на прямое, преднамеренное искажение истины, лишь бы убедить читателя в том, что мы и впредь должны чистить себя под Марксом.

Неужели мои уважаемые коллеги не видят, что люди измучены марксистскими экспериментами и не могут больше ждать того «счастливого момента», когда история начнет двигаться по расписанию Маркса?

Какова гарантия, что новая попытка обобществления средств производства, к которой нас призывает марксистская платформа в КПСС, не приведет к тем же результатам, что и прежние, не приведет к новому деспотизму и закрепощению рабочего класса. Ведь не может ученый, политик не принимать во внимание уроки социалистического преобразования общественной жизни, не видеть, что переход средств производства в общенародное владение всегда и во всех случаях вел к бесхозяйственности, к засилью бюрократии. Общественная собственность и свобода несовместимы.

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

20.VII.1928

Председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР тов. А. И. РЫКОВУ

По инициативе Наркомторга СССР в конце прошлого года был возбужден вопрос об усилении экспорта предметов искусства и старины, в том числе ценностей музейного значения, причем для изъятия этих последних из музеев предлагалось назначить Особого уполномоченного Наркомторга.

При рассмотрении этого вопроса в СНК РСФСР Наркомпросом указывалось:

а) что предполагаемое изъятие предметов искусства и старины нанесет существенный ущерб музейному строительству Республики;

б) что материальные результаты от этой операции, вследствие неверной осведомленности, сильно преувеличены Наркомторгом;

в) что как выделение предметов искусства и старины из музеев, так и в особенности их реализация требуют гораздо большего времени и умения, чем это предполагает Наркомторг;

г) что отрицательный политический эффект такого мероприятия, как продажа музейных ценностей, не окупит предполагаемых материальных выгод;

д) что изъятие предметов искусства и старины из музейных учреждений не может быть поручено Уполномоченному Наркомторга без существенной дезорганизации этих культурно-просветительных учреждений.

В результате рассмотрения этого вопроса в СНК РСФСР, а затем в СНК СССР и в Совете Труда и Обороны 23 января 1928 г. предложение Наркомторга было принято, но с существенной поправкой в том отношении, что экспорту не подлежат предметы искусства и старины из основных музейных коллекций и что для отбора экспортных музейных ценностей назначается не только Уполномоченный Наркомторга, но и Наркомпроса.

Наркомпрос приступил немедленно к выполнению заданий Правительства в пределах, установленных контрольными цифрами для РСФСР на 27/28 гг. на 3 миллиона рублей. Но постановлением СНК СССР от 17 февраля с.г. предложено Экосо РСФСР, по соглашению с Наркомторгом СССР, представить в его распоряжение антикварных изделий на сумму 5 миллионов рублей, сверх контингента, установленного контрольными цифрами (3 млн. рублей). Таким образом общая сумма экспорта антикварных предметов была определена в 8 млн. рублей. Эта сумма определена для всего Союза и относилась также и к частному рынку, но Наркомторг огромную часть ее возложил на Наркомпрос РСФСР, определив размеры выделения из музеев в сумме 6 млн. рублей, а затем увеличив ее до 6800 тыс. рублей, в том числе для Ленинграда 6 млн. и для Москвы сначала 500 т., а затем 800 т. руб.

Так как Наркомпрос имел определенные указания границ выделения из музеев предметов старины и искусства «за исключением основных музейных коллекций», то в этом направлении и производилось выполнение заданий Правительства.

По 1-е мая с.г. Наркомпросом выделено экспортных музейных ценностей по Ленинграду на 4.122.000 руб., из коих Ленинградгосторгом принято на 1.322.744 руб., а продано из них всего лишь на сумму около 500.000 руб., но Москве выделено музеями на сумму около 800.000 руб., а принято Мосгорторгом всего лишь на сумму около 95.000 руб. и ничего еще не продано. Таким образом Наркомпросом выделено музейных ценностей на сумму ок. 5 млн. руб., но

Госторгом продано за это время всего на 500.000 руб.

Подводя итоги проделанной работы по выделению и реализации экспортных музейных ценностей и учитывая опыт в этом отношении, следует признать, что все указания Наркомпроса по этому поводу, представленные в свое время Правительству, полностью подтвердились, а именно:

а) в связи с лозунгом культурной революции все крупные провинциальные центры РСФСР, а также Автономных и Союзных Республик, усилив между прочим и музейное строительство, обратились за экспонатами в музейные хранилища Ленинграда и Москвы, т. к. в силу исторических условий только в этих центрах и сосредотачивались все культурные ценности. По поводу снабжения провинциальных, автономных и союзных центров музейными ценностями, состоялись в некоторых случаях постановления ВЦИКа и СНК РСФСР. Наркомпрос РСФСР оказался в большинстве не в состоянии выполнить эти распоряжения Правительства, т. к. почти все запасы музейных хранилищ, в самой существенной своей части, были изъяты для экспортных целей;

б) неблагоприятный политический эффект от продажи за границу музейных ценностей подтвердился появлением в иностранной прессе статей о массовой распродаже Советским Правительством музейных ценностей, в том числе Эрмитажных, а также наложением б. владельцем ареста на проданную в Лондоне обстановку дворца Палей и предстоящим там сенсационным судебным процессом;

в) вместе с тем материальный успех от всей этой операции оказался, как видно из приведенных цифр, незначительным по выделению и ничтожным по реализации, в особенности по сравнению с теми перспективами, на которые указывал Правительству Наркомторг, и тем ущербом, какой получился для культурного строительства Союза. Накладные расходы по выделению, оценке и в особенности по реализации огромны, достигая до 35% стоимости товара; если принять даже во внимание, что сама реализация затягивается надолго, то содержание магазинов, выставок, аппарата и пр. съест большую часть дохода от этой операции;

г) Наркомторг СССР и Госторг оказались не состоятельными в таком сложном деле, как реализация антикварных и музейных ценностей. До сих пор не определены ни методы продажи, ни наиболее подходящие для этого страны, а в организационном отношении существует полная неразбериха, чего не отрицают и сами Госторги, требующие от Наркомторга СССР большей определенности в руководстве и самостоятельности в оперативной своей работе; указания Наркомпроса, осведомленного о вкусах и требованиях к тем или иным видам искусства в разных странах, не были приняты во внимание и Уполномоченным Наркомторга вывезены в Берлин гобелены и др. предметы, изъятые из Эрмитажа, на сумму около 800.000 руб., каковые предметы могли быть проданы выгодно только в Париже. Несмотря на то, что Берлин может быть только посредническим центром для продажи музейных ценностей, они продолжают вывозиться туда в наиболее ценной своей части, что помимо всего приведет к затовариванию их.

Несмотря на всю неудачу и явный «просчет» в этом деле, некоторые ответственные представители Наркомторга продолжают, вследствие недостаточной компетенции и осведомленности в этом деле, заявлять о возможности получить от реализации предметов искусства и старины на десятки и сотни миллионов рублей, делают необоснованные предположения о продаже американцам «на снос» целых дворцов с содержащимися в них ценностями, предлагают своего рода «пятилетний перспективный план» продажи музейных ценностей, точно дело идет не о временной чрезвычайной мере, вызванной неожиданными затруднениями, а о нормальной торговле продукцией страны.

Ввиду всего изложенного, а также ввиду того, что в процессе дальнейшего выделения музейных ценностей для экспорта Наркомпрос подошел сейчас вплотную к тем границам, которые установлены для этого Правительством, а именно к основным музейным коллекциям, между тем представители Наркомторга настаивают на дальнейшем выделении, исходя из априорно намеченных контингентов и давая свое некомпетентное или предвзятое определение понятия об основных музейных коллекциях.

Наркомпрос считает необходимым довести до сведения Правительства о совершенно неудовлетворительной постановке дела реализации предметов искусства и старины, а также просить о прекращении дальнейшего выделения ценностей из музейных хранилищ.

Нарком по просвещению **Луначарский**

Выписка из протокола № 270 заседания Совета Народных Комиссаров от 24 июля 1928 года

СЛУШАЛИ: О выделении в экспорте антикварных ценностей.

Постановили: 1. Обязать совнаркомы союзных республик не позже 1-го сентября с.г. закончить (во исп. решения СНК от 23/I и 7/II—28 г.) выделение антикварных ценностей на сумму не менее 8 м.р.

2. Обязать СНК РСФСР выделить в 1928—29 г. для экспорта за границу антикварные ценности на сумму в 10 м.р., причем выделение половины общей суммы закончить не позже 1.I.1929 г., а второй — не позже 1-го июня 1929 г.

3. Обязать СНК УССР выделить в 1928/29 г. для экспорта за границу антикварные ценности на сумму в 1 м.р.

4. Принять то, что вся выручаемая от реализации антикварных ценностей валюта поступает полностью в распоряжение Союза.

Средства (в червонцах), выручаемые от реализации антиквврных ценностей республик — остаются в их распоряжении.

Предложить Совнаркомам союзных республик обсудить вопрос о таком использовании этих средств, которое стимулировало бы возможно более интенсивное выделение антикварных ценностей.

5. Считать необходимым создание в составе Госторга РСФСР особого оперативного органа по собиранию и реализации антикварных ценностей.

6. Выделение и реализацию предметов старины и искусства сосредоточить, соответственно, в музеях и Госторге РСФСР. Оценку их возложить на специальные комиссии, образуемые госторгами по соглашению с наркомпросами соответствующих республик.

7. Признать целесообразным устройство в крупнейших центрах Европы и Америки специальных аукционов для реализации антикварных ценностей СССР.

8. С целью привлечения в СССР из заграницы покупателей антикварных ценностей:

а) считать необходимым всемерно упростить формальную сторону въезда их в СССР и вывоза культурных и антикварных ценностей — при непременном и полном соблюдении всех требований, предъявляемых законами СССР,

б) организовать для приезжающих в СССР иностранцев выставки антикварных ценностей.

Публикация Михаила ОДИНЦОВА.

Совсем недавно казалось, что вопрос «Кто был кто?» по отношению к прошлому неуместен: все были раз и навсегда поделены на «хороших» и «плохих», «прогрессивных» и «реакционных». Но стоило пошатнуться былым представлениям — и нас охватила лихорадка исторического познания. Пришла пора пристальнее вглядеться в многоликий мир политических партий России начала XX века. Этой теме посвящена наша новая рубрика. Люди, объединявшиеся в партии, мечтали изменить мир. Многие из них готовили революцию и участвовали в ней. Одни остались ей верны, другие разочаровались и отступили. Они шли разными путями, искали и ошибались, но нередко бывали правы и прозорливы. Не станем в очередной раз выставлять оценок политическим деятелям прошлого. Наша задача — понять их устремления и сомнения. Помимо прочего, такое понимание может оказаться небесполезным, когда в стране идут оживленные дискуссии о проблемах многопартийной системы. Рубрику ведет кандидат исторических наук Лев ОВРУЦКИЙ. Сегодня в разговоре принимает участие доктор исторических наук Анатолий РАЗГОН.

ПАСЫНКИ РЕВОЛЮЦИИ

Из политического досье

ЛЕВЫЕ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ (ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ) — партия образовалась из оппозиционного течения, возникшего среди эсеров в годы первой мировой войны, и конституировалась в ноябре 1917 года, сохранив традиционный эсеровский девиз: «В борьбе обретешь ты право свое!» Лидеры — М. Спиридонова, М. Натансон, Б. Камков, С. Мстиславский и другие. Левые эсеры — наиболее радикальные из демократических идеологов крестьянства — участвовали в Октябрьской революции, входили в Петроградский и местные Военно-революционные комитеты, имели по трети мест на II—V Всероссийских съездах Советов, во ВЦИК. В декабре 1917 года, заключив правительственный блок с большевиками, получили семь наркомовских портфелей. В марте 1918-го, в связи с неприятием Брестского мирного договора, вышли из коалиционного правительства. Акция 6 июля 1918 года поставила партию на грань катастрофы. Она потеряла десятки тысяч членов, миллионы избирателей. От нее отделились группы, образовавшие партии «революционных коммунистов» и «народников-коммунистов», часть партийцев ушла в подполье — «камковцы», «спиридоновцы». К концу 1922 года партия прекратила существование.

I. БЛОК

Лвв Овруцкий. Несмотря на то, что историография партии левых социалистов-революционеров (в дальнейшем — ПЛСР) включает в себя десятки монографий и сотни статей, можно утверждать: подлинная история этой партии еще не написана. И дело не только в недоступности многих архивных материалов (хотя и в этом тоже). Проблема — в преодолении стереотипных подходов, основанных на неистребимом желании «заклеймить» и «разоблачить» давних политических противников.

Анатолий Разгон. Кто такие левые эсеры? Наверное, правильно было бы сказать, что это последовательные эсеры. В то время как социалисты-революционеры после Февраля отказались от своих позиций, левые эсеры остались верны старому народническому знамени.

Уже на III съезде социалистов-революционеров (май — июнь 1917 года), когда партия была, что называется, на подъеме, во весь голос заявило о себе левое крыло, насчитывавшее 42 человека. Обнаружились принципиальные расхождения по программным вопросам: о земле (левые настаивали на скорейшем выполнении давних эсеровских требований — без выкупа передать землю крестьянам, правые уклонялись и маневрировали), о власти (левые были против коалиции с кадетами), о мире (левые стояли на интернационалистских позициях, правыв поддерживали лозунг войны до победного конца). После июльского кризиса фракция левых эсеров выступила с декларацией, в которой резко отмежевывалась от политики своего ЦК и заявляла о намерении, «**не порывая организационной связи с партией, определенно и твердо отграничиться от политики, усвоенной руководящим большинством**». Левые активизировались в Риге, Ревеле, Новгороде, Таганроге, Саратове, Минске, Пскове, Одессе, Московской, Тверской и Костромской губерниях. Еще с весны они занимали сильные позиции в Воронеже, Харькове, Кронштадте, Казани. Общенациональный кризис, как это всегда бывает, ускорил размежевание.

Л. О. Однако еще днем 25 октября 1917 года, то есть за несколько часов до открытия II Всероссийского съезда Советов, левые эсеры не имели собственной фракции. Она была организованв вечером, уже во время работы съезда, и с ее руководством ЦК РСДРП и начал переговоры о блокв, об участии в Советском правительстве, о совместных действиях. Не кажется ли вам, что организационнвя неоформленность левых эсеров, неопределенность их статуса помешали в этот момент заключению правительственного блока?

А. Р. Да, здесь была проблема. По-видимому, этим объясняется, что первая попытка диалога окончилась неудачей: 26 октября Б. Д. Камков, В. А. Карелин и В. Б. Спиро отклонили предложение большевиков об участии в Совете Народных Комиссаров. Левые эсеры требовали образования правительства из представителей всех социалистических партий и, возможно, надеялись избежать окончвтельного разрыва с собственной партией, с «революционной демократией», покинувшей съезд. Кроме того, они считали, что два-три министерских портфеля — это слишком мало, чтобы выявить собственное лицо, не затеряться, не оказаться «просителями в большевистской передней».

В то же время, к чести левых эсеров, надо сказать, что они не ушли со съезда Советов, как того требовал ЦК социалистов-революционеров. Более того, они приняли участие в работе ВЦИК, высказались в поддержку программы Совнаркома по вопросам мира, земли, рабочего контроля.

Несомненно, отказ войти в СНК не был окончательным. Понимая это, большевики четко обозначили платформу возможного соглашения, ясно дали понять, что готовы передать левым эсерам чрезвычайно важный пост наркома земледелия и пополнить левоэсеровскими делегатами только что сформированный ВЦИК. Возможность и необходимость дальнейших переговоров и соглашения основывались прежде всего на том, что, по словам Ленина, не было «коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян».

С каждым часом в руководстве ПЛСР усиливалось понимание, что изоляция от большевиков гибельна и равнозначна «изоляции от жизни». Особую активность проявляла М. А. Спиридонова. Еще в дни корниловского мятежа она налаживала связи с секретариатом ЦК РСДРП(б), резко критиковала политику эсеров, не раз заявляла, что единственное спасение революции — в переходе власти к рабочим и крестьянам. В канун Октября и в дни переворота она звала своих единомышленников в атакующие колонны, во время поездки по югу страны (Харьков, Александровск, Бердянск, Одесса) в начале ноября 1917 года агитировала за власть Советов. К голосу Спиридоновой прислушивались с необычайным вниманием: она была признанным руководителем, душой, совестью левого крыла партии социалистов-революционеров.

В то же время большевики демонстрировали искреннюю готовность к сотрудничеству. 4 ноября 1917 года на пленуме ВЦИК они выразили сожаление, что представители левых эсеров не принимают участия в правительстве. В. И. Ленин предложил Колегаеву возглавить наркомат земледелия. Обладая третью мандатов, левые эсеры получили пропорциональное количество мест в Президиуме ВЦИК, в его постоянных комиссиях. Руководство отделами — важнейшими рабочими органами ВЦИК — правящая партия сочла возможным разделить с левыми эсерами на паритетных началах. Так, Иногородний отдел возглавили Свердлов и Алгасов, Агитационный — Володарский и Каховская, по национальному вопросу — Урицкий и Прошьян. Казалось бы, все условия для правительственного блока были налицо. Что же все-таки мешало?

А. Р. Ответить на этот вопрос мы сможем, проследив за ходом Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов (10—25 ноября 1917 года). Партийный состав съезда (100 левых и 49 правых эсеров, 29 большевиков и так далее) создавал неустойчивое равновесие. Левые эсеры, поначалу заявив о «нежелании связывать себя с правительством Октябрьского переворота», настаивая на организации «однородного социалистического правительства», вместе с тем внесли резолюцию, которая одобряла программу II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, декреты о земле и мире, провозглашала необходимость объединения вновь избранного Исполкома Советов крестьянских депутатов и ВЦИК-II созыва. И все же большевикам удалось переломить настроение делегатов. Обычно это событие связывается с заключительным словом Ленина по аграрному вопросу, когда он заявил: **«Нам говорят, что мы против социализации земли и что поэтому мы не сумеем договориться с левыми эсерами.**

Мы отвечаем на это: да, мы против эсеровской социализации земли, но это не помешает нам быть в честном союзе с левыми эсерами.

Сегодня или завтра левые эсеры выдвигают своего министра земледелия и, если он проведет закон о социализации, мы не будем голосовать против. Мы воздержимся» (Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 101). Это была серьезная уступка крестьянству, и она решила дело.

Социализация земли... Для многих читателей это совершенно неизвестное понятие. В чем его сущность?

Л. О. Суть социализации заключалась в уравнительном разделе земли по, как говорили эсеры, «потребительско-трудовой норме» (фактически пришлось делить по едокам). Эта идея была закреплена уже в Декрете о земле, принятом на II съезде Советов 26 октября 1917 года. Как известно, этот декрет и составляющий его основу «крестьянский наказ о земле» идейно соответствовали эсеровским представлениям. Упреки на этот счет Ленин парировал заявлением: **«Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос»** (ПСС, т. 35, с. 27).

Найдется ли в советской истории другой случай, когда коммунисты, отложив в сторону свой программный принцип, последовали за стихийным устремлением масс? Разве что поворот к нэпу? Так ведь он — после Тамбова и Кронштадта...

Речь Ленина, резолюции и телеграммы, поступавшие от провинциальных Советов, все нараставшая решимость делегатов с мест, готовых идти с большевиками и крайне раздосадованных проволочками, заставили президиум съезда высказаться за ускорение переговоров о слиянии ВЦИК и Исполкома, который предстояло сформировать на Чрезвычайном крестьянском съезде.

Вечером 15 ноября открылось совместное заседание ВЦИК, Петроградского Совета и Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов. Объединение высших органов Советов состоялось. Сильную, яркую речь произнесла Спиридонова, выразившая уверенность, что только в союзе с рабочими российские крестьяне сумеют добиться свободы, равенства, земли.

Окончательно министерские портфели были распределены в декабре. ВЦИК утвердил Штейнберга наркомом юстиции, Прошьяна — наркомом почт и телеграфа, Трутовского — наркомом по местному самоуправлению, Карелина — наркомом имуществ Российской республики, Колегаев стал наркомом земледелия, Бриллиантов и Алгасов — наркомами без портфеля.

Некоторые исследователи полагают, что левые эсеры шли с большевиками до тех пор, пока революция решала вопросы буржуазно-демократического характера, но разорвали блок, как только дело дошло до собственно социалистических задач. Так ли это?

А. Р. Обратимся к фактам. На начало 1918 года в Совнаркоме фракция левых эсеров располагала третью голосов, что соответствовало раскладу партийных сил во ВЦИК. Особая роль принадлежала в СНК Прошьяну. В статье «Памяти тов. Прошьяна» Ленин писал: **«По-своему, не через марксизм; не от идей классовой борьбы пролетариата, этот человек сделался социалистом, и мне не раз доводилось наблюдать при совместной работе в Совнаркоме, как тов. Прошьян становился решительно на сторону большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров, когда они выражали точку зрения мелких хозяйчиков».** Как считал Ленин, не оборвись трагически жизнь Прошьяна, его новое сближение «с коммунизмом было бы неизбежно». Позиции Прошьяна разделяли Алгасов и Колегаев. Гораздо труднее складывались деловые отношения большевиков с Карелиным, Штейнбергом и Трутовским.

Левые эсеры были также представлены в правительстве Советской Украины (Е. П. Терлецкий и другие). А. И. Егоров, М. А. Муравьев, Ю. В. Саблин, В. Б. Спиро занимали ответственные должности в Красной Армии, на флоте; П. А. Александрович (В. А. Дмитриевский), В. Д. Волков — в ВЧК. Мы очень мало, точнее — почти ничего, не знаем о деятельности левых эсеров в наркоматах, ВЧК, в местных Советах. Во всяком случае, очевидно, что партии ЛСР довелось немало потрудиться на социализм.

«Оппозиция, соединенная с поддержкой» — так определял Ленин позицию ПЛСР, выступая 29 апреля 1918 года во ВЦИК с докладом «Об очередных задачах Советской власти». Можно ли считать, что после того, как IV Чрезвычайный съезд Советов (март 1918 года) ратифицировал, вопреки протестам левых эсеров, Брестский мир с кайзеровской Германией и ПЛСР отозвала своих представителей из Совнаркома, сотрудничество с большевиками было прекращено и наметилась линия, фатально ведущая к акции 6 июля?

Л. О. Отнюдь! Левые эсеры остались в местных Советах, во ВЦИК, в коллегиях многих наркоматов. Само решение об оставлении постов в Совнаркоме было одобрено II съездом ПЛСР весьма незначительным большинством голосов; характерно, что Спиридонова и некоторые другие лидеры партии голосовали против. От этого решения до мотивов, обусловивших выступление 6 июля, дистанция огромного размера.

Могла ли сама по себе антибрестская волна подняться так круто, если учесть, что массовая психология склонна, как сказал бы Гамлет, «мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться»? Ведь политика «передышки» стала фактом, она давала свои плоды и, уж во всяком случае, подтверждала народную мудрость: «Худой мир лучше доброй ссоры». Так что в поисках причин антибрестовских настроений левых эсеров здесь следует, как в детской игре, сказать себе «холодно».

На IV съезде Советов ПЛСР имела 20 процентов голосов. Выступив против Бреста, она, по замечанию Ленина, «заведомо разошлась с крестьянством». Однако на V съезде Советов левые эсеры получили уже около трети мандатов, увеличив представительство наполовину. За счет чего? За счет призывов к войне с Германией? Вряд ли русский крестьянин, засеяв в мае впервые полученный надел, в июне пришел к выводу, что война предпочтительнее жатвы.

Мне кажется, «теплее» будет следующее предположение. Левые эсеры завоевали симпатии значительной части крестьянства выступлениями против продовольственной политики большевиков. По логике левоэсеровских теоретиков, истоки ее коренились в Брестской капитуляции. Как писал Камков, **«капитуляция вовне неминуемо влечет капитуляцию внутри... Гибелью русской революции в ее первый период** (имеется в виду Февраль.— **Л. О.) была ее зависимость от англо-французского капитала. Гибелью революции в ее второй период является та зависимость, в которую она попала от германского капитала».**

А. Р. Разумеется, нашему брату-историку куда легче и привычнее относить такого рода идеи на счет того, что к лету 1918 года ПЛСР стала кулацкой (эта точка зрения была зафиксирована даже в некоторых энциклопедических изданиях). Но анализ выступлений левых эсеров по этому вопросу, в частности во ВЦИК 4-го созыва (март — июнь 1918 года), показывает, что ни разу они не поднимали голоса в защиту кулачества и, наоборот, много раз выступали против.

Л. О. Чем руководствовались левые эсеры, протестуя против продовольственной диктатуры? Прежде всего, принципу централизации они противопоставляли принцип децентрализации, предлагая передать осуществление продовольственной политики в руки местных Советов. Кроме того, в декрете о продовольственной диктатуре говорилось не только о «деревенской буржуазии», о «кулаках», но и о «держателях хлеба» вообще. Это-то и смутило левых эсеров. Карелин вполне резонно спрашивал: **«Что... обозначает то чрезвычайно расплывчатое понятие: крестьянская буржуазия, кулаки, люди, имеющие в деревне излишек хлеба, которое выставлено в этом проекте декрета? Само собой разумеется, что беспощадная борьба с теми, кто задерживает у себя излишки, должна быть; борьба с этим злом и составляет прямую обязанность Советской власти. Но нужно определить эту категорию... Нужно понять, что сейчас в деревне имеются элементы чисто трудовые, крестьянские, которых могут преследовать кулацкие элементы, и эти трудовые элементы могут быть оплотом в борьбе с кулаками...»**

Левые эсеры, как видно из выступления Карелина, были **за** борьбу с кулаками, но опасались, что удар придется по мелкому и среднему крестьянству: декрет обязывал «каждого... владельца хлеба» сдать его, объявлял «всех... имеющих излишки и не вывозящих их на ссыпные пункты... врагами народа».

Противопоставление деревенской бедноты «трудовому крестьянству» казалось левым эсерам бессмысленным и даже кощунственным. Комитеты бедноты именовались ими не иначе, как «комитетами лодырей». Надо признать, что весьма часто люди, входившие в комбеды (типа деда Щукаря или Игнашки Сапронова), давали к этому повод.

На V съезде Советов левые эсеры подвергли резким нападкам продовольственную политику большевиков. *«Мы будем бороться на местах,—* запальчиво предостерегала Спиридонова,— *и комитеты деревенской бедноты места себе иметь не будут... если большевики не прекратят насаждать комбеды, то левые социалисты-революционеры возьмут в руки те же револьверы, те же бомбы, какими они пользовались в борьбе с царскими чиновниками».* Ей вторил Камков: *«...Не только ваши отряды, но и ваши комитеты мы выбросим вон за шиворот».* По утверждению Камкова, в эти отряды шли рабочие, чтобы грабить деревню.

Не менее эмоционально возражал левоэсеровским ораторам Ленин: *«Тысячу раз будет неправ тот, тысячу раз ошибается тот, кто позволит себе хоть на минуту увлечься чужими словами и сказать, что это борьба с крестьянством, как говорят иногда неосторожные или невдумчивые из левых эсеров. Нет, это борьба с ничтожным меньшинством деревенских кулаков...»* (ПСС, т. 36, с. 507).

Как видим, мнения диаметрально противоположные. Кто же был прав?

Л. О. Чуть позднее сам Ленин признавал, что ***«сплошь и рядом»*** (выделено мною.— **Л. О.**) **по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство»** (ПСС, т. 38, с. 146). Тут сказался очевидный, но зачастую игнорируемый разрыв между теоретическим решением и его практической реализацией. Мы слишком привыкли писать историю по отдельным цитатам и партийно-государственным постановлениям, полагая, что, если факты с ними расходятся, то тем хуже для фактов. Как бы то ни было, левые эсеры, выступая против комбедов и продотрядов, возможно, были не так уж и «далеки от народа», как это нам представлялось ранее.

II. МЯТЕЖ

V съезд Советов, вдохновенная речь Спиридоновой с призывом к срыву Брестского мира и священной войне против германского империализма, убийство немецкого посла графа Мирбаха, совершенное Блюмкиным и Андреевым, отряд ВЧК под командованием левого эсера Попова, аресты Дзержинского и других видных большевиков — фабула 6 июля 1918 года известна читателю по фильму «6 июля», поставленному по сценарию М. Шатрова. Антисоветский, антибольшевистский мятеж — точка зрения советской историографии по поводу этого события вплоть до недавнего времени. Но вот в Париже в 1985 году выходит работа Ю. Фельштинского «Большевики и левые эсеры (октябрь 1917— июль 1918). На пути к однопартийной диктатуре». По версии автора, мятеж — следствие чекистской провокации...

Л. О. Мне лично эта версия представляется спорной, однако работа Фельштинского заставляет задуматься над вопросами, о которых раньше говорили: задавать полезно, но отвечать опасно. В частности, был ли мятеж антисоветским? Был ли он направлен против большевиков? И был ли мятеж — мятежом?

А. Р. Итак, был ли мятеж антисоветским? Тут надо различать объективную оценку и субъективные побуждения. Несомненно, убийство Мирбаха поставило страну на грань войны с Германией; учитывая соотношение сил, сомневаться в исходе возможного столкновения не приходится. Что же касается субъективных побуждений, то левые эсеры вовсе не собирались свергать власть Советов, которую они, хотя и с оговорками, поддержали в Октябре и в сотрудничестве с большевиками основательно укрепили в последующие месяцы.

Они рассчитывали, что выборы на V съезд Советов дадут им около половины (если не более) голосов, так что в день открытия съезда, когда мандатной комиссией еще не был утвержден его состав, левоэсеровская газета «Знамя труда» заявила: **«Наша партия превращена уже в большую партию, претендующую на руководящую роль в стране».** Эти и подобные заявления у нас всегда было принято оценивать со знаком минус: вот, дескать, рвутся к власти. Между тем очевидно, что в рамках многопартийной системы совершенно естественна политическая борьба за преобладание своей партии. Здесь нет ничего антисоветского, поскольку власть-то остается у советской партии. Мы привыкли отождествлять Советскую власть с властью большевиков, забывая о том, что Ленин еще до Октября предлагал меньшевикам и эсерам, имеющим большинство в Советах, взять власть, которая — уже внутри этих органов — будет переходить от партии к партии в результате свободных выборов. Этот же тезис он повторил, выступая на заседании ВЦИК 21 ноября 1917 года. Ленин подчеркивал, что при последовательном осуществлении права отзыва внутри советской системы **«переход власти от одной партии к другой может происходить мирным путем, путем простого перевыбора»** (ПСС, т. 35, с. 111).

Документы из архива Департамента полиции, хранящиеся в ЦГАОР СССР. Деятели партии левых эсеров: Анастасия Биценко, Марк Натансон, Прош Прошьян (Тер-Погосов).

Л. О. Следуя принципу Монтеня: «Намерения — лучшие судьи поступков», следует, наверное, признать, что левые эсеры были весьма далеки от антисоветизма. Помимо кандидатур Эйхгорна, главнокомандующего германскими оккупационными войсками на Украине, и Мирбаха, в качестве объекта для террористического акта обсуждалась, например, кандидатура кайзера Вильгельма II. Согласитесь, убийство кайзера с целью свержения Советской власти — это нечто из области фантастики.

В Бюллетене № 1 ЦК ПЛСР, изданном сразу после покушения, содержалось предупреждение, что **«всякие попытки темных и контрреволюционных сил, белогвардейцев, германских и союзных провокаторов, направленные к низвержению Советской власти, будут подавляться самым беспощадным образом»**. Обращение к железнодорожникам завершалось здравицей Советской власти, «власти рабочих и крестьян». В листовке «В выборные комитеты 2-го и 3-го латышских полков» говорилось: **«ЦК ПЛСР категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремится, а произвел убийство Мирбаха в целях прекратить завоевание трудовой России германским капиталом»**.

Характерно, что, выступая 15 июля на заседании ВЦИК, Я. М. Свердлов отметил: «...**более спокойная оценка того, что произошло, побуждает нас откинуть квалификацию действий (левых эсеров)... как попытку захвата или свержения советской власти. Здесь совершенно определенно был террористический акт... Попытки захвата власти или свержения советской власти не было»**.

А. Р. Был ли мятеж направлен против большевиков? И на этот вопрос трудно ответить однозначно. Как показывала следственной комиссии Спиридонова, **«во всех постановлениях ЦК партии свержение «большевистского» правительства ни разу не намечалось»**. В протоколе заседания ЦК ПЛСР от 24 июня 1918 года говорилось: **«Ввиду того, что настоящая политика партии может привести ее, помимо собственного желания, к столкновению с партией большевиков, ЦК партии, обсудив это, постановляет следующее:**

Мы рассматриваем свои действия как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков. Однако, ввиду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций. А чтобы в этой схватке партия не была использована контрреволюционными элементами, постановлено немедленно приступить к выявлению позиции партии, к широкой пропаганде необходимости твердой, последовательной интернациональной и революционно социалистической политики в Советской России».

Можно предположить, что рост собственного влияния левыми эсерами был переоценен и породил эйфорическое настроение. Им могло показаться, что все противоречия, разделяющие ПЛСР и большевиков, могут быть сняты одним ударом. По-видимому, политический расчет тех, кто стоял за покушением на Мирбаха, был основан на уверенности, что за убийством посла немедленно последует война. В этом случае левые эсеры и большевики (по крайней мере «левые коммунисты») были бы вынуждены вновь сблокироваться, однако на сей раз в блоке преобладала бы ПЛСР. Это логично, поскольку провал большевистской тактики передышки как бы подтверждал правоту левоэсеровской политики революционной войны; естественный ход вещей выводил бы левых

эсеров в авангард. Так что момент межпартийной конкуренции не может быть сброшен со счетов, другое дело, что эта конкуренция и вестись должна в законных формах...

Теперь о мятеже. Был ли он акцией, в которую оказалась втянута вся партия? Изучение материалов центральных и областных архивов показало: нет ни одного бесспорного свидетельства, что левые эсеры загодя и целенаправленно готовили широкое, четко спланированное выступление в общероссийском масштабе. Ни единого!

Л. О. Более того, многие лидеры ПЛСР, ее многочисленная фракция на съезде Советов (не говоря уже о рядовых членах партии) узнали о выступлении из газет. Что это было? Спонтанная акция, за которую несет ответственность часть ЦК, или, как точнее и эмоциональнее определял Ленин, «безумно-истерическая авантюра»?

С точки зрения военной, у левых эсеров и в мыслях не было какого-либо наступления (что, собственно, и составляет существо любого мятежа с целью захвата власти). Так, Ю. Саблин показывал, что **«в ответ на поступавшие в ЦК предложения об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные к ЦК и отряду Попова шаги, ЦК отвечал заявлением о необходимости строго оборонительных действий, ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом»**.

Отряд Попова располагался всего в километре от Кремля и Большого театра, где проходил V съезд Советов, но не делал никаких попыток атаковать их. Да и сами аресты большевиков выглядят оборонительными мерами. Скажем, Дзержинского левые эсеры вынуждены были арестовать, чтобы не быть арестованными самим.

А. Р. Интересно и мнение, так сказать, «другой стороны». Следственная комиссия допросила свыше 600 человек и не смогла сделать вывода, что это было восстание с целью захвата власти. Как заметил член комиссии В. Кингисепп, значительная часть отряда Попова **«находилась в полном неведении и непонимании происходящего даже 7 июля, когда среди них разрывались снаряды»**. Не случайно в заключении обвинительной коллегии Революционного трибунала констатировалось, что левые эсеры встали на путь вооруженной борьбы «легкомысленно, по-детски». Общая численность левоэсеровских отрядов едва превышала 1700—1800 человек, и с такими-то силами, язвительно говорится в заключении, «партия левых эсеров решила приступить к спасению мировой революции». По мнению председателя Московского Совета П. Смидовича, **«люди эти не управляли ходом событий, а логика событий захватила их, и они не отдавали себе отчета в том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было»**.

Л. О. Мне кажется, исследователи иногда впадают в ошибку, придавая предшествующим событиям особое значение в свете последующих. Так, один историк рисует «этюд в багровых тонах», основываясь на поездке левого эсера Петрова в Ярославль за вооружением. Между тем известно, что весной 1918 года боевые дружины формировались при центральных и местных комитетах партии большевиков и левых эсеров, существовал даже Главный штаб боевых организаций ПЛСР, и он получал субсидии по распоряжению Совнаркома.

Другой — усматривает нечто зловеще-заговорщическое в том, что незадолго до 6 июля члены ЦК ПЛСР Колегаев и Майоров пытались отправить из Казани в Москву вагон с динамитом. Зная о характере акции, что, скажите на милость, они стали бы делать с этой взрывчаткой? Минировать Большой театр? Скорее всего

динамит предназначался для переправки на Украину, где в это время разворачивалась партизанская война против немцев. К тому же вряд ли такое задание, будь оно столь конспиративным, могло быть поручено Колегаеву, который о готовящемся и не подозревал, а узнав, в знак протеста немедленно вышел из ЦК и из партии.

Но чаще всего просматривается стандартный подход: после этого — значит, по причине этого. Не кажется ли сомнительным и утверждение, что убийство Мирбаха и выступление Муравьева — звенья одной цепи?

А. Р. Думается, и это не так, в противном случае трудно объяснить, почему выступление Муравьева началось только 10 июля — как бы плохо ни работала в то время связь, сигнал к выступлению должен был быть получен ранее. Если таковой вообще был послан. Ленин передал по прямому проводу членам Реввоенсовета фронта, который возглавлял Муравьев: **«Левые эсеры похвалялись, что они рассчитывают на Муравьева, я думаю, что это простая похвальба»**,— и был прав. Не стоит и говорить, как выиграло бы выступление левых эсеров, если бы акции Блюмкина — Андреева и Муравьева были синхронизированы. То, что это не было сделано, как раз и доказывает отсутствие заранее спланированного заговора.

Л. О. Тем не менее Муравьев выступил...

А. Р. Да, в ночь на 10 июля с отрядом примерно в тысячу человек он покинул Казань, где располагался штаб фронта, и двинулся на пароходах в Симбирск, оттуда телеграфно объявил войну Германии.

Л. О. Представляю себе переполох в Берлине, когда там была получена грозная телеграмма из никому не ведомого Симбирска...

А. Р. Через семь десятилетий это смотрится дешевой опереткой, но тогда возможность поворота Чехословацкого, как его называли, фронта на 180 градусов вызывала совсем иные ассоциации. Отряды Муравьева прежде всего приступили к арестам партийных и советских работников, в числе прочих был арестован и командующий 1-й армией М. Тухачевский. Вечером 10 июля Муравьев собрал актив левоэсеровской парторганизации и предложил заключить перемирие с чехословаками, прекратить гражданскую войну и объявить войну Германии. Сделать это надлежало от имени новообразованной Поволжской советской республики, в правительство которой намечалось ввести Камкова, Спиридонову, Карелина и других. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться: Муравьев был убит.

Л. О. Чем же объяснить выступление Муравьева, если признать, что оно не было частью заранее разработанного плана? Вероятно, здесь классовый подход, когда мотивы поведения отдельного человека выводят, например, из всеобщей склонности мелкой буржуазии к колебаниям, неуместен. Есть ситуации, когда поведение человека очень мало зависит от его социального происхождения. Кто такой Муравьев? Прежде всего способный офицер. Честолюбив? Разумеется! Октябрь застал его в чине подполковника. Он молод, ему всего 38 лет, но с ноября семнадцатого, когда он вступил в ПЛСР и явился в Смольный с предложением услуг, сделана головокружительная карьера. Петроград стал его Тулоном: в дни наступления Керенского Муравьев — командующий Петроградским военным округом, в декабре — начальник штаба у Антонова-Овсеенко, затем командует Группой войск, оперирующей против Центральной Рады и на румынском фронте. А далее — неожиданный провал: Дзержинский пытается привлечь его к ответственности за злоупотребление властью и даже добивается кратковременного ареста. И хотя все обошлось в общем-то благополучно и 13 июня Муравьев получает назначение командующим Чехословацким фронтом, этот эпизод вряд ли был им забыт.

И вот вообразите его душевное состояние, когда Ленин по прямому проводу предписывает членам Реввоенсовета И. Кобозеву, К. Мехоношину и Г. Благонравову установить тройной контроль над Муравьевым, попеременно дежурить при нем, не оставляя ни на миг. И даже после того, как 7 июля Муравьев заявляет о выходе из ПЛСР, Мехоношин получает ленинскую телеграмму: «Запротоколируйте заявление Муравьева... продолжайте бдительный контроль». Представьте себе командующего фронтом, за которым стерегущей тенью следуют соглядатаи — комиссары, представьте, что отречение от собственной партии ему, как подследственному, предлагают удостоверить собственноручно. Муравьев ощущает, что прежнего доверия уже не будет, а без доверия все его расчеты рушатся. В отчаянии он идет ва-банк.

Долгое время считалось, что после 6 июля 1918 года партия левых эсеров канула в небытие. Тут скорее всего имел место привычный валовой подход: для нас партия не партия, если за нею не идут миллионы или она не представлена в парламенте. Преодоление «вала» ведет к тому, что в последние годы все чаще историки относят распад и гибель этой партии к началу 20-х годов. Хронология приобретает немаловажное значение, когда мы размышляем о механизме формирования в нашей стране однопартийной системы.

А. Р. Акция 6 июля вызвала раскол в партии левых эсеров. Часть ее бывших членов образовала партии революционных коммунистов и народников-коммунистов, часть ушла к большевикам. Тем не менее партия жила. Вопрос — как? На I Совете партии левых эсеров в августе 1918 года ставились задачи срыва Брестского мира, децентрализации продовольственного дела, ликвидации комбедов. Временное исполнительное бюро партии санкционировало уход в подполье. Состоявшийся в октябре 1918 года IV съезд выступил против продовольственной политики большевиков, за упразднение СНК и передачу его функций ВЦИК. II Совет левоэсеровской партии (декабрь 1916 года) подверг резким нападкам аграрную политику большевиков.

Л. О. Как всегда бывает, поражение послужило мощным импульсом к пересмотру взглядов. Именно в это время ПЛСР официально выдвигает концепцию «синдикально-кооперативной федерации» (предложена О. Чижиковым, доселе малоизвестным левоэсеровским деятелем из Твери). Из нее следовало, что «**всю индустрию и транспорт берет в управление Всероссийский Совет Профессиональных Союзов, избранный от всех синдикальных федераций этих областей народного хозяйства... Во главе пролетарских и крестьянских организаций стоит Высший Производственный Совет...**». Что касается распределения, то «**рабочий класс организован в рабочую, крестьянство — в крестьянскую потребительскую кооперацию, все остальное население — в общегражданскую. Все эти ветви и кооперации... возглавляются Высшим Советом Кооперации**». И, наконец, «**Высшим Хозяйственным органом... является Всероссийский Синдикально-Кооперативный Совет, избранный на паритетных началах как производственных, так и потребительско-распределительных ассоциаций**».

Не нужно обладать большим воображением, чтобы в этих конструкциях, сформулированных на языке, далеком от строгих правил марксистского синтаксиса, разглядеть протест против всеобщего обобществления, огосударствления всего и вся.

А. Р. Разумеется, подпольная деятельность левых эсеров не ограничивалась теоретическими изысканиями. Зимой 1919 года в Москве ВЧК были арестованы и осуждены 50 левых эсеров, в том числе Спиридонова, Трутовский и другие. В марте левые эсеры организовали выступления в Петрограде. ЧК арестовала 35 активистов, обнаружила их подпольную типографию. Выступления происходили также в Пскове, Туле, Казани, Брянске, Орле, Гомеле, Астрахани и других городах. Всего в первой половине 1919 года было раскрыто 45 левоэсеровских организаций; один этот факт опровергает утверждение о гибели ПЛСР сразу после 6 июля.

Л. О. Да, партия продолжала существовать, но в ней шли процессы внутренней дифференциации. Гражданская война еще и еще раз ставила вопрос о неприемлемости террористических методов. Характерно, что именно летом 1919 года, в самый драматический ее момент, ЦК ПЛСР большинством голосов отверг методы вооруженной борьбы против большевиков. В октябре по левоэсеровским организациям было распространено циркулярное письмо, призывавшее к объединению на почве отказа от конфронтации с РКП(б). Большинство ЦК ПЛСР в апреле и мае 1920 года (в связи с польским наступлением) признало необходимость активного участия в жизни Советов. Специально принятая резолюция содержала призыв бороться с контрреволюцией, поддерживать Красную Армию, участвовать в социальном строительстве и преодолении разрухи. Это свидетельствовало о переходе ПЛСР на более реалистические позиции.

Переход к нэпу означал смену ориентиров — от гражданской войны к национальному примирению. Отказ от продразверстки, казалось бы, шел навстречу требованиям левых эсеров и создавал почву для

сближения РКП(б) и ПЛСР. Почему же этого не произошло?

Л. О. 4—6 сентября 1921 года состоялось Всероссийское совещание ПЛСР. По отношению к нэпу оно заняло противоречивую позицию, одобрив переход от продразверстки к продналогу, в то же время усмотрело в нем поражение социалистической революции. Надо полагать, здесь сработали логика фракционной борьбы, стремление подвергать тотальной критике любое предложение политического оппонента.

К концу 1922 года руководящий центр левых эсеров в России фактически распался: часть лидеров находилась в заключении или ссылке, часть эмигрировала, часть отошла от политической деятельности. Многие в разное время вступили в РКП(б) — Б. Ф. Малкин, Д. А. Магеровский, А. Л. Колегаев, А. А. Биценко, В. А. Алгасов и другие. Возможно, здесь кроется один из ответов на вопрос, почему сближения с большевиками не состоялось.

Западные историки говорят о репрессиях, обрушившихся на левых эсеров, в то время как советские — настаивают на лояльности коммунистов. Приводится, например, циркулярное письмо ЦК РКП(б), в котором говорится: *«Работа с левыми эсерами признается нами возможной при условии, что товарищи левые эсеры отмежевываются от авантюристического акта своего ЦК, причем дают подписку (каждый от себя лично), что, осуждая этот поступок, считают необходимым работать в направлении беззаветной защиты Советской власти от всяких покушений, с чьей бы стороны они ни исходили».*

Л. О. Подобного рода указания делались не раз, но не всегда — можно сказать, далеко не всегда — исполнялись. Чем это объяснить? Мне кажется, прежде всего дело в гигантском разрыве между уровнем политической культуры большевистских «верхов» и «низов». В отчетном докладе VIII съезду партии Ленин говорил: «**От нас потребуется частая перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным. «Как это,— скажет он,— вчера вы давали обещания мелкой буржуазии, а сегодня Дзержинский объявляет, что левые эсеры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!..» Да, противоречие. Но противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево. Мы переменили по отношению к ней свою тактику, и всякий раз, когда она поворачивается к нам, мы говорим ей: «Милости просим...»** (ПСС, т. 38, с. 136—137).

Казалось бы, чего больше? Но в том и проблема, что к «частой перемене линии поведения» масса рядовых большевиков, как правило, была неспособна. Ожесточение — естественный спутник гражданской войны — поражало в первую очередь способность воспринимать мир многоцветным. Когда брат шел на брата и сын — на отца, глаз различал лишь белое и красное. Сегодня, по едкому замечанию одного из лидеров левых эсеров, В. Карелина, «становись к стенке, я к тебе применю принцип классовой борьбы», а завтра «милости просим» — такого рода политические виражи удобно совершать только лишь на бумаге. На практике же срабатывала инерция подозрительности и недоверия.

Прискорбно, но факт: в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», изданной в 1987 году, отсутствует справочный материал даже о наркомах — В. Алгасове, В. Трутовском, И. Штейнберге. Более того, мы до сих пор не знаем имени и отчества наркома Михайлова, да и подлинность фамилии вызывает сомнения. А ведь когда-то эти люди находились на авансцене истории...

А. Р. Целый пласт прошлого — и какого прошлого! — вынесен сталинской историографией за пределы нашей исторической памяти. Теперь придется воссоздавать его по крохам, по песчинкам. У истоков партии стояли настоящие бойцы, писал лидер и историограф левоэсеровского движения С. Д. Мстиславский. И в этом нет преувеличения. Попробуем обратиться к биографиям членов первого ЦК ПЛСР. В его состав входили 15 человек: В. А. Алгасов, А. А. Биценко, Б. Д. Камков, В. А. Карелин, А. Л. Колегаев, Б. Ф. Малкин, С. Д. Мстиславский, М. А. Натансон, П. П. Прошьян, М. А. Спиридонова, В. Е. Трутовский, А. М. Устинов, П. И. Шишко, А. А. Шрейдер, И. З. Штейнберг.

Средний возраст — около 35 лет. Самому младшему — Малкину — едва исполнилось 27. Патриарх — шестидесятисемилетний Натансон. Ветеран освободительного движения, он был одним из организаторов кружка «чайковцев», «Земли и воли».

Любопытно социальное происхождение членов ЦК. 10 человек были представителями средних слоев города, двое принадлежали к богатым помещичьим фамилиям, один — к семье крупного военного. 12 человек получили высшее или незаконченное высшее образование, остальные — среднее или незаконченное среднее. По национальному составу в первом ЦК доминировали русские — их было 8 человек, евреев — четверо, армян, немцев, украинцев — по одному. Средняя продолжительность пребывания в партии эсеров равнялась одиннадцати годам. Конечно, более десятка лет, отданных активной борьбе,— огромный срок. Такое могли выдержать лишь единицы — люди, особенно сильные духом, глубоко убежденные в необходимости и справедливости дела, которому посвятили жизнь. На каждого из членов ЦК приходилось по два ареста, по три года тюрьмы и три — эмиграции, около двух лет ссылки. В группе лидеров заметную роль играли бывшие эмигранты: Б. Д. Камков, В. А. Карелин, А. Л. Колегаев, М. А. Натансон, П. П. Прошьян, А. М. Устинов, за рубежом входившие в Парижскую и Швейцарскую организации эсеров. Люди чрезвычайно активные, они были редакторами и сотрудниками ряда газет и журналов, участвовали в пропагандистских кампаниях в лагерях русских военнопленных.

Л. О. Как встретили Октябрь будущие члены ЦК ПЛСР? Нашей историографией эта проблема либо замалчивалась, либо освещалась односторонне: живописались колебания лидеров, попытки в противоположность лозунгу «Вся власть Советам!» найти иной, который дал бы возможность управлять страной.

А. Р. Было и так. Кстати, об этом прямо говорила Спиридонова на II съезде партии: «**Вы должны признаться — пусть это прошлое — как вас несильно надо было уговаривать, чтобы вы были впереди в Октябрьскую революцию. Нас было пять человек борцов**».

Документы свидетельствуют, что большевиков активно, действенно поддержали В. А. Алгасов, А. А. Биценко, Б. Ф. Малкин, С. Д. Мстиславский, П. П. Прошьян, М. А. Спиридонова, А. М. Устинов, П. И. Шишко. Были, разумеется, и сотни других.

Стоит напомнить, что осенью 1917 года по приказу Керенского были брошены в «Кресты» Прошьян, Устинов и Шишко, что Биценко с оружием в руках сражалась за власть Советов в Москве, что Алгасов и Устинов входили в Петроградский ВРК, а в группе наркомов — левых эсеров, состоявшей из семи человек, шесть (Алгасов, Карелин, Колегаев, Прошьян, Трутовский, Штейнберг) являлись членами ЦК ПЛСР. Семеро из 15 членов ЦК были избраны в Учредительное собрание (Камков, Карелин, Колегаев, Спиридонова, Трутовский, Устинов, Штейнберг).

Л. О. Разные судьбы — это разные жизни и разные смерти.

Натансон умер неопороченным в 1919 году. Мстиславский стал известным писателем, автором романа о Баумане «Грач — птица весенняя», умер в 1943 году, репрессиям не подвергался. Шрейдер и Штейнберг эмигрировали, входили в так называемую заграничную делегацию левых эсеров. Шрейдер умер в 1930 году, Штейнберг дожил до 1955-го, издав в Нью-Йорке незадолго до смерти свои воспоминания. Устинов, Биценко, Малкин, Колегаев, Алгасов в разное время вступили в РКП(б), были на советской работе, в 1937—1938 годах репрессированы. Тяжелейший удел достался Камкову, Карелину, Трутовскому, Спиридоновой. Практически с 1919-го по подводящий черту 1938 год (только Спиридонова дожила до 1941-го и была расстреляна в Орловском централе при подходе немцев) — ссылки и тюрьмы. Что и говорить, пасынки революции...

Владимир АЛГАСОВ

ИЗ СТАТЬИ «БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ»

(«Наш путь», 1918, № 1)

Социализация земли не есть еще социализм на земле... Социализация есть лишь приближение к социализму: она ведет к нему, поскольку является переходной формой землепользования, при которой земля обобществляется, социализируется.

...Право пользоваться землей... получают всякий гражданин и гражданка, пожелавшие обрабатывать землю собственным трудом, без помощи наемных рабочих. Таким образом, устанавливается другой основной принцип социализации земли: труд считается исключительным источником права на пользование землей для ведения сельского хозяйства.

...Количество земли, причитающееся на долю всех, кто имеет право на пользование землей, определяется трудовой и потребительской нормой, существующей в данном поле: не меньше того, что нужно для безбедного существования семьи, не больше того, что в силах обработать семья, не прибегая к наемному труду...

Совершенная нелепость, как это предлагают некоторые, сначала создать «табула раза», повытряхнув всех землевладельцев с их насиженных мест и из налаженных хозяйств, а затем уже приступить к общему уравнительному наделению, начав с батраков и пролетариев.

Это значило бы на годы разрушить всю сельскохозяйственную жизнь деревни, понизить до минимума производительность земли также на многие годы и совершить ничем не оправдываемую социальную несправедливость, которая бы привела к гражданской войне на местах.

Задачи социализации земли совершенно иные: отнять у тех, у кого избыток, в пользу тех, у кого недохватка земли до уравнительно-трудовой нормы и, наконец, дать возможность всякому желающему потрудиться на земле, доступ к пользованию ею.

В основе социализации лежит принцип созидания, но никак не разрушения. Отсюда стремление ввести коллективные формы хозяйства, как более продуктивные по сравнению с единоличными. Повышая производительность, устанавливая новые социальные отношения в деревне, проводя в жизнь принцип коллективного права, социализация земли ведет прямым путем к социалистическим формам хозяйства. Новый закон подтверждает это каждой строчкой, каждым параграфом своего текста.

ИЗ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ ПЛСР, ПРИНЯТОГО НА II-м СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

(апрель 1918 года)

...Партия левых социалистов-революционеров в настоящий момент будет отстаивать в политической области следующие меры:

1. Диктатуру трудового народа: вся власть как в центре, так и на местах должна принадлежать трудовому народу — его классовые органы должны править страной.

2. Советскую Республику. Органами ее являются съезды или пленумы (общие собрания) и исполнительные комитеты; первые — это органы высшего руководства, вторые — это органы, объединяющие в себе и законодательную... и исполнительную власть...

3. Свободную федерацию Советских Республик, образуемых на основе национальных, бытовых, производственных и территориальных особенностей.

4. Полноту местной исполнительной власти.., заключающуюся в сосредоточении местными советами в своих руках всех исполнительных функций и вправе назначения на все должности своих представителей.

5. Ценз труда при выборах в советы и суды (представительство лишь от класса трудящихся), постепенное проведение прямого, равного, тайного и пропорционального голосования.., выборность по организациям труда, право отзыва депутатов, обязанность отчета перед избирателями.

6. Реальное обеспечение осуществимости для трудящихся отрицательных прав свободы (свободы совести, слова, печати, собраний и союзов) и проведение в жизнь положительных прав свободы (права на существование, права на труд, права на землю, права на воспитание и образование).

...В **вопросах рабочей программы** партия левых с.-р. считает необходимым как переходную ступень к национализации и социализации предприятий проведение в жизнь рабочего контроля над производством, который вводит организованный рабочий класс в создание материальных ценностей не как посильную мускульную энергию, а как творческое начало. Рабочий контроль понимается в партии левых с.-р. не как отдача фабрик и заводов рабочим, железных дорог — железнодорожникам и т. д., а как организованный централизованный контроль над производством в общегосударственном масштабе...

...Русская революция в последней стадии своего развития окончательно выявила, что многомиллионная масса трудового крестьянства России есть класс, интересы которого противоположны не только интересам самодержавной бюрократии и помещиков, но в корне противоположны всему укладу буржуазно-капиталистического строя. Стремясь к достижению своих классовых целей, трудовое крестьянство естественно объединяется с рабочими, и только в прочном союзе их залог дальнейшей успешной борьбы за лучшее будущее угнетенных классов, за социализм.

...Как и раньше главным требованием трудового крестьянства является повсеместное проведение социализации земли, то есть отмены частной собственности на землю и проведение уравнительно-трудового землепользования, исключающего наемный труд.

Навстречу этому идет естественный процесс широкого применения коллективного труда на общественной земле. Крестьянские общины, законно опасаясь дробления земли на мелкие участки, усиливают формы совместной обработки и устанавливают вполне последовательные, с точки зрения социализма, нормы распределения продуктов труда по едокам, независимо от трудоспособности того или иного члена трудовой общины.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ, ПРИНЯТОЙ НА II СОВЕТЕ ПЛСР

(декабрь 1918 года)

...Внутренняя политика правящей партии по-прежнему продолжает быть направленной к вытравлению социальной сущности октябрьской революции, продолжает под прикрытием социалистических фраз вести политику узко-партийных интересов, с одной стороны, и явного надругательства над классовыми интересами революционных трудящихся масс, с другой. В частности, в отношении трудового крестьянства политика правительства, не обладающего никаким доверием в деревне, сводится исключительно к выкачиванию всеми средствами хлеба, скота, денег и людей. Земельная политика правительства отменяет... основной закон о социализации земли... Эта политика, выражающаяся в искусственном насаждении так называемых коммун и советских хозяйств (с применением наемного труда), ведет к созданию нового класса советских батраков и государственно-оброчных крестьян, к образованию в деревне привилегированных слоев, живущих за счет трудового крестьянства.

...В итоге... разрывается союз города и деревни. ...Правительство в своей продовольственной политике пользуется исключительно методами карательно-реквизиционных отрядов, вместо того, чтобы наладить продуктообмен между городом и деревней и поднять уровень промышленности.

...Управление страной по-прежнему находится не в руках свободно избранных советов и их исполнительных органов, а в руках — либо специально назначенных сверху комиссаров, либо в подтасованных и фальсифицированных учреждениях, именующих себя то советами, то комбедами, то революционными комитетами. Наконец бешабашная система массового террора (расстрелов, арестов, контрибуций, удушения свободной мысли и др. издевательств над гражданами) устраняет от дела революции широкие трудовые массы, превращая его в монополию одной правящей партии...

Екатерина МЕЩЕРСКАЯ

ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ ДАВНО

Екатерина Александровна Мещерская родилась в 1904 году в семье, принадлежавшей к древнему княжескому роду. После революции судьба ее сложилась непросто — одним только арестам Екатерина Александровна подвергалась тринадцать раз. Сейчас она живет в Москве. Эти воспоминания написаны специально для нашего журнала.

Среди людей живет, и ест, и дышит,
Гремя тяжелой, многолетней чешуей,
Своей когтистой лапой что-то пишет,
Страшило-чудище из пыли вековой.
Марксистский век ошибся, не предвидел...
— На это, право, слов не нахожу!
— А ты ЕКАТЕРИНОЗАВРА видел?
— Да нет...
— Тогда пойдем, я покажу!

(Сама о себе)

В многочисленных получаемых мною письмах часто встречается просьба: «Напишите о своем детстве!»

О нем, о детстве, у меня написано очень много, но постараюсь что-нибудь выбрать. Покороче.

Воспитывали нас строго, в жестком режиме, но, несмотря на это, мы росли непослушными и своенравными детьми. Почему-то мы имели обо всем свои собственные суждения...

Наша мать обожала своего первенца (и моего единственного брата) Вячеслава. Когда умер отец, она не хотела, чтобы сын видел его в гробу, и в день похорон Вячеслав сидел на втором этаже в наших детских комнатах под присмотром Алексея Ивановича, старого камердинера отца. Но едва Алексей Иванович отвернулся, как мальчик залез на подоконник и прильнул к стеклу.

Внизу, по мостовой, медленно двигалась похоронная процессия. Под траурной попоной шел с низко опущенной головой любимый конь отца (для «понуренности» голову коня маленьким ремешком притягивали за уздечку книзу); затем шли военные, несли на бархатных подушках многочисленные ордена отца, среди них орден самой высшей боевой славы: орден Андрея Первозванного с мечами,— в отличие от других орденов он носился не на шелковой цветной ленте, а на массивной золотой цепи, украшенной эмалью.

Боясь, что Вячеслав, увидя похороны отца, расплачется, камердинер поспешил его утешить.

— Не горюйте, князинька! — сказал он.— Вы теперь, после смерти вашего батюшки, уже не князинька, а сами стали князь!

— Неправда,— остановил его Вячеслав.— Я вовсе не князь.

— Почему же?— озадаченно спросил камердинер.

— Потому что я как будто бы князь. Когда я вырасту и буду сражаться в боях и когда мне, как и папе, дважды прострелят грудь, вот тогда я буду князь...

Всякий раз, вспоминая об этом, старый камердинер нашего отца Алексей Иванович плакал.

С самого раннего детства нас учили называть горничных, лакеев и вообще слуг на «вы». Меня, еще крошку, тоже все звали на «вы», а офицеры с галантной нежностью целовали, здороваясь и прощаясь, мою руку.

На «ты» меня звали только мои родные и дети, друзья моего детства.

К сожалению, наши родители не любили Англию и потому английскому языку нас не учили. У меня были две гувернантки: фрейлейн и мадемуазель. Один день немецкий, другой — французский. У Вячеслава был гувернер и бессменный учитель греческого языка.

В ту же пору в нашем манеже меня стал приучать к дамскому седлу наш берейтор, и — о счастье! — меня поставили к балетному станку!

Обедали мы у себя, наверху. Только в большие праздники или в особо торжественные дни нас сажали за стол со взрослыми.

В три часа дня, за чаем, нам давали по одной (иногда и по второй) конфете. Мы никогда не смели бы попросить третью, наверно, из гордости, предвидя отказ. На сон грядущий мы получали стакан молока и кусочек черного хлеба. Но вообще молока мы пили сколько хотели: в детской у нас всегда стоял хрустальный кувшин, полный сырого молока.

Зато наша любимая няня Пашенька всегда нас баловала: избежав зорких глаз гувернанток, она умела принести нам в своем обширном кармане душистый пряник. Он стоил две копейки, был большой, продолговатый, коричневый, благоухал гвоздикой, корицей, мускатным орехом... Няня любила нас преданной, тревожной любовью, которая иногда оборачивалась для нас неприятностями.

Надо сказать, что я, не имея еще никакого понятия о танцах, едва только научившись ходить, неизвестно почему, бегала на цыпочках.

Катя Мещерсквя перед поступлвнием в Дворянский институт. 1914 г.

Даже любила стоять на носках, чем очень огорчала няню и порой выводила ее из терпения. «Опять кандыбобером пошла! — кричала она на меня.— Ступней ходи, дурочка! Ходи ступней!..» Она, так же, как и я, не понимала, что это было моим призванием, и, расстроившись моим непослушанием, доложила обо всем маме.

Боже мой, что тут началось! Наша мать всегда была окружена льстецами, приживалками, всякого рода «прихехешками», которые только и ждали того, чтобы чем-нибудь ее расстроить. И пополз по всем углам шепоток: «Князь был легендарно стар... В маленьких детях аномалию сразу не распознаешь, а вот как начнут подрастать, так, глянь, и дефективность начинает проявляться...» Действительно, мой отец был «легендарно стар». Ему было восемьдесят три года, когда он дал мне жизнь. Он жил бы еще, если бы (безумно любя объезжать не знавших узды лошадей) не провалился ранней весной под хрупкий, не окрепший еще лед.

Старичок доктор-ортопед долго меня осматривал, а потом вместе с мамой и ее окружением закрылся в мамином будуаре.

Пока моя гувернантка была погружена в чтение увлекательного романа, я сбежала вниз и прижалась к щели закрытых дверей будуара. От бега, от волнения сердце мое учащенно билось, в ушах стоял звон... До меня долетали обрывки фраз. Мама спросила: «А не сросшиеся ли у нее связки мускулов в икрах?!» Потом прозвучал металлический тенор старичка доктора: «Как жаль, что она княжна! Ведь ее дорога — балет!» Потом мои тетки стали утверждать, что я люблю и умею хорошо притворяться, и несколько раз прозвучало слово «актриса», но я, уставшая прислушиваться, неправильно его поняла, стала плакать, стучать кулаками в дверь и орать: «Я не от крысы! Сами вы все от крысы, а я от мамы!»

Меня тут же поставили за подслушивание на полчаса в угол и затем лишили на целую неделю сладкого блюда за обедом.

С самых ранних лет для нас существовало одно слово, которым мерились все наши поступки. Этим словом было слово ЧЕСТЬ. Изменить своему честному слову было равно предательству. Отсюда верность и любовь к родной земле. Отсюда любовь к природе и к животным. Между прочим, во всех наших трех имениях всякая охота была запрещена.

Теперь, когда я вижу какую-то слепую, жертвенную любовь родителей к своим детям и внукам, я понимаю, насколько мы в своем детстве были одиноки. Мы очень редко видели свою мать. Оставшись вдовой в тридцать два года, она посвятила всю себя благотворительности. В имениях, где существовали только церковноприходские школы, то есть дающие четырехклассное образование, она достраивала, расширяла школьные здания, нанимала учителей и вводила восьмиклассное образование. Приезжавший с семьей учитель отправлялся в Софьино (нашу молочную ферму) и выбирал себе понравившуюся ему корову. Оранжерея, в которой разводили особый сорт розовых («мещерских») персиков, была перестроена в большую «Потребительскую лавку» для крестьян, чтобы им не ездить за каждой мелочью в Москву. Тогда поезд до Москвы шел два с половиной часа по одноколейке и долго простаивал на разъездах.

Одиноким, безродным старухам из наших деревень назначали пенсию. При этом они не обивали пороги контор, а получали деньги прямо из банка, по почте.

Когда началась война с немцами в 1914 году, наша мать отдала все четыре дома, окружавшие дворец, и только для нижних чинов, то есть рядовых солдат.

Иногда мама вечером поднималась к нам, в наши комнаты, осведомиться о нашем поведении и, видя меня наказанной, холодно произносила: «Ну, конечно, Китти, как всегда, в углу...» А я, увидев на улице нищенку с детьми, грустно вздыхала: «Какие счастливые дети нищенки! Они всегда с мамой... Они свободны... могут бегать и давить замерзший на лужах лед...»

Однажды после очередного посещения нас дворянами я спросила Вячеслава, откуда они взялись.

— Как это откуда? Из бояр,— ответил он.

— А бояре откуда? — не унималась я.

— Бояре? Из отличившихся подвигами в сражениях бойцов...

С этой минуты я загорелась только одним желанием: поскорее увидеть этих замечательных людей — и, ложась спать, каждый раз после молитв добавляла еще одну: «Господи! Сделай так, чтобы я увидела этих бояр!»

И вдруг этот счастливый день наступил! Запыхавшись от бега по высокой лестнице, в комнату влетела горничная:

Александр Ввсильевич и Екатерина Прокофьевна Мещерские.

— Скорее! Скорее! Вас требуют, вас никогда не видели, хотят на княжну посмотреть. Княгиня велела вас переодеть, скорее снимайте платье.

Пока длилось переодевание, обрывки мыслей теснились в моей голове: как это я, такая некрасивая, покажусь боярам? Меня окружали всегда одни красавицы: мама, ее сестры, моя любимая тетя Нелли Оболенская и ни с кем не сравнимая мать моей души княгиня Урусова (когда-то ученица Полины Виардо, хорошо знавшая И. С. Тургенева). Я посмотрела на себя в зеркало и увидела какую-то замухрышку, но вдруг мой взгляд упал на круглую пудреницу, оставшуюся после бегства нашей очередной гувернантки. Быстро вынув из нее большую, полную пудры пуховку, я запихнула ее в кармашек платья, потом, также стремглав сбежав вниз по лестнице, сначала очень густо напудрила себе все лицо, затем вошла в гостиную и опустилась в глубоком реверансе перед гостями.

Но где же бояре? Где они — в шитых серебром и золотом кафтанах, отороченных соболями, с длинными бородами, ниспадающими на грудь, с драгоценными перстнями на руках, которые ослепляют искрами играющих камней? Ведь я же видела их на сцене Большого театра, в «Сказке о царе Салтане», в «Золотом петушке», в «Князе Игоре»? В креслах сидели всего-навсего три старика, и притом препротивных. При моем появлении один из них с ужасом откинулся в глубину своего кресла, да так там и замер. У другого, худого, был красный нос, как у извозчика на морозе; вытянув вперед морщинистую шею, он все щурился и щурился, рассматривая меня. Третий усиленно разглядывал меня в лорнет и при этом нервно жевал губами. Тогда я догадалась: видимо, дворяне решили, что у меня на лице какая-нибудь короста или парша.

Стоя за креслом мамы, Вячеслав давился от беззвучного смеха. Мама побледнела (она обычно всегда бледнела от гнева).

— Что это такое? — медленно спросила она.

Екатеринв Прокофьевна с двтьми Катей и Вячеслввом.

Поняв, что погибла, ловя в уме подходящее слово между духами и пудрой, я громко выговорила:

— Это я духою! — И снова присела в глубоком реверансе.

Мама нервно позвонила в колокольчик.

— Выведите ее отсюда,— приказала она лакею.

В московских салонах пошли слухи, что малолетний князь — красавец, умен и прекрасно воспитан, а княжна больна какими-то накожными болезнями и страдает слабоумием...

Брат бредил военщиной. Мечтал собрать свой полк и с ним вместе влиться в русскую армию. Когда же он поступил в Московский Лицей Цесаревича Николая (сейчас это здание в конце Остоженки занято Институтом международных отношений), то вместе со своими товарищами-лицеистами возглавил общество «Эксцельсиор», образованное, конечно же, на военный манер. Учились стрельбе, военной тактике, изучали полки и их форму.

— Рыжая,— обратился он как-то ко мне.— У нас намечается празднование дня Лермонтова. Будем выступать, между прочим, и со стихами. Я хочу, чтобы ты написала к этому дню поэму в стихах.

— Ты с ума сошел! Для того чтобы писать стихи, нужно знать стихосложение. Помнишь, как у Пушкина: «Не мог он ямба от хорея, как мы ни бились, отличить...»

— Вот-вот, я и ловлю тебя на слове. Достань-ка мне Пушкина.

Брат раскрыл книгу, нашел начало «Евгения Онегина», сел сзади меня на стул, положил обе свои руки мне на плечи и начал медленно читать, отбивая такт по моим плечам:

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок...
Тата, тата, тататата,
Тата, тата, тататата...

Вот в таком ритме выдумывай и пиши!

— Да о чем же писать-то?

— О том, как в метель сбились с пути лошади, в кибитке замерзали два гусара, потом чудом выехали на огонек, попали к помещице и украли у нее дочку. Если справишься, объявим тебя нашей полковой поэтессой. Ну как?

— Постараюсь,— еле слышно пролепетала я, предчувствуя, что у меня ничего не выйдет и что я опозорюсь, но какой-то бесенок, видимо, сидевший во мне с детства, вдруг ожил, заподпрыгивал, заподскакивал, и я уже ничего не различала вокруг, кроме видений, скользивших перед моим внутренним взором.

Один за другим замелькали дни. Как могла я писать, когда с утра до ночи глаза то немки, то француженки неотрывно следили за мною? Я пользовалась временем, когда немка писала письма родителям в Германию, а француженка — своему жениху в Париж. Теперь в кармашке, где у меня лежал носовой платок, прятался еще маленький огрызок карандаша и смятый листок бумажки. Но большей частью я сочиняла ночью, лежа в кровати, а утром вспоминала. Записывала я стихи украдкой, когда приготовляла уроки к следующему дню. Прятала в игрушечной комнате, под толстый кукольный ковер. Прообразы моих героев были настоящие, существующие в жизни люди, хотя с их возрастом ничего совпасть не могло. Когда отец женился на моей матери, она была ровесницей его старшей внучке.

От первой жены (Е. С. Строгановой) у отца была единственная дочь Наталья, или Лили, как ее называли. Вот этим именем своей сводной сестры, которую я никогда не видела, я и назвала героиню моей «Метели».

Начиналась моя поэма так:

Княгиня Эн в своем имевьи
Решила зиму проводить...

Эту «поэму» я написала в 1914 году, когда мне было десять лет. Она вызвала грандиозный скандал*. В тот же год я поступила в закрытый Дворянский институт, который помещался в здании Запасного Дворца у Красных ворот. Советская власть заняла его под НКПС.

Институт называли еще «патриотическим», потому что форма у нас была цветов русского флага: белые блузки, красные кожаные пояса и василькового цвета юбки. Вспоминаю с великой благодарностью и сам институт, и наших преподавателей, и всех наших классных дам. Проучилась я в нем всего три года, так и осталась полной невеждой. Мое происхождение лишило меня права не только на учение, но на хлеб и на труд.

Это вполне естественно. Поступи Истории никому не дано изменить... И как бы это парадоксально ни звучало, а я сама выбирала и строила свою жизнь. «Человек — кузнец своего счастья». Я в это верю.

Октябрь 1988 года

* Полотер поднял тетрадку, выглядывавшую из-под ковра в игрушечной комнате, и передал ее проходившей мимо гувернантке. У мамы сейчас же последовал сердечный припадок.

КАПИТАНЫ, ЖЕНИХИ, НЕВЕСТЫ...

РАКУРС

Рубрику ведет кандидат исторических наук Владимир НИКИТИН

Группа девушек за столом в окрестностях Валмиера.

Виды Риги. Конец XIX — начало XX в. Фото «Карл Гебенсбергер и К°».

Члены Рижского общества велосипедистов — участники патриотического заезда в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г. Рига. 9 сентября 1912 г. Фото Ансиса Скариньша.

В латышских музеях бережно собирают старые фотографии. Большая коллекция фотоснимков хранится в Музее истории Риги и мореходства. Сначала может показаться, что работы эти мало чем отличаются от других фотографий прошлого века. Но присмотревшись, нельзя не заметить, сколь своеобразна манера латышских фотомастеров.

У истоков национальной светописи — этнографическая выставка 1896 года в Риге. Там, помимо прочих экспонатов, было представлено множество фотографий, и уже тогда определилось своеобразие национального фотоискусства — интерес к народным традициям, быту, жизни простого человека.

В 1897 году в Сигулде открылось ателье Мартинша Буцлера (1866—1944). Через несколько лет он возглавил латышское фотографическое общество. Общественный деятель, издатель первого литературно-фотографического журнала «Лучи» и первой книги по фотографии на латышском языке, организатор слетов на «Горе фотографов» в окрестностях Сигулды и первых фотовыставок, Буцлер был истинным подвижником национального фотодела. Основанная им небольшая мастерская по производству фотоматериалов успешно выдерживала конкуренцию с известными западными фирмами. К сожалению, до нас дошло лишь незначительное число работ этого мастера. Но тем выше ценятся они в музейных собраниях.

А рядом хранятся снимки Вилиса Ридзениекса (1884—1962). В начале века открыл этот молодой фотограф ателье в Виндаве (ныне Вентспилс). Стиль его работы заметно отличался от других многочисленных фотосалонов. Здесь не только выполняли портретную съемку, но и создавали замечательные пейзажи окрестностей города: море, дюны, сосны. Сам Ридзениек стремился запечатлевать необычные состояния природы — штормы, грозы, самые яркие закаты и восходы. Позднее это пристрастие к съемке сиюминутных ситуаций сделало из него блестящего фоторепортера.

В ином стиле работал Янис Риекст (1881—1970) — мастер этнографических этюдов, первоклассный портретист. Его альбом портретов латышских писателей был преподнесен Льву Толстому, который очень дорожил подарком.

Сохранился в Музее истории Риги и альбом-каталог видов латышской столицы и ее окрестностей, насчитывающий около сотни снимков. Пользуясь им, посетители фотоателье могли заказать приглянувшиеся фотографии. Интересно, что популярны были не только виды исторических мест и памятников архитектуры, но и так называемые «Shap shots» — моментальные снимки бытовой тематики. Рассматриваешь их сегодня, и проходят перед глазами традиционные певческие праздники, знаменитые рижские капитаны, цеховые мастера, невесты и женихи, неизвестные крестьяне, и все это — история Латвии, любовно и тщательно сохраняемая новыми поколениями.

Одна из самых популярных в Риге фотографий — «Карл Гебенсбергер и К°» на Елисаветинской улице. Фото Г. Гебенсбергера. Конец XIX в.

Воспитанник приготовительного класса мореходного училища Карлис Зинбергс на каникулах со своими родственниками. 1907 г.

Образец свадебного снимка. 1910 г. Рижский купец Паелгис и дочь владельца хутора Амалия Страути.

Обратная сторона паспорта самого известного фотоателье в г. Вентспилсе — «Конкуренция», основанного в 1910 г. В. Ридзениексом.

Второй механик Мартыньш Зандерс. Фото М. Лапиньша, Рига. 1908 г.

Капитан Микелис Микельсон. Конец XIX — начало XX в.

Праздник на «фотогрвфическои горе» в раионе Сигулды, где по инициативе известного фотогрвфа Мвртиншв Буцлера регулярно устраивались фотографические слеты с 1906 по 1908 г.

Портрет нвизвестной. Фото Янисв Риекста. Рига. 1907—1910 гг.

Портрет одного из свмых известных капитанов — Мартыньша Веиде. Ригв. 1910 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

«РУССКОЕ И ВЕЛИКОРУССКОЕ»

Николай УЛЬЯНОВ
(1904—1985)

В интеллектуальном наследии русской диаспоры Николаю Иваноеичу Ульяноау принадлежит особое место. Возможно, потому покуда и не добрались до него нынешние публикаторы, что стоит он несколько особняком, не вписывается в смутно ощущаемый культурный контекст. Он никогда не ввязыаался в литературные скандалы, не искал популярности, был далек от конъюнктуры. Темы его могут показаться периферийными, оторванными от живого литературного процесса. И вместе с тем, читая Ульянова теперь, нельзя не порвзиться жгучей актувльности многих его работ. Придет аремя, и советский читатель по достоинству оценит глубину, убежденность и независимость его суждений, его аскетически точный слог, его духовное благородство. А пока уместнее ограничиться краткой биографической справкой.

Николай Ульянов родился 23 двкабря 1904 года е Санкт-Петербурге. Будучи гимназистом, он страстно увлекся театром, мечтал стать режиссером, но жизнь распорядилась иначе. В 1927 году Николай Иванович окончил историко-филологический факультет Ленинградского университета. Как историк он является учеником академикв С. Ф. Платонова, пиетет к которому Ульянов сохранил до конца своих дней. По окончании аспирантуры он преподает сначала в Архангельском пединститутв, затем в своей альма-матер, много и плодотворно работает а качестве старшего научного сотрудника Постоянной историко-археологической комиссии при Академии нвук.

Научная карьера Николая Ивановича оборвалась 2 июня 1936 года: он был арестоаан органами НКВД и приговорен к пяти годам лагерей по обвинению в контрреволюционной пропаганде. Срок свой он отбывал на Соловках и в Норильске. Освободившись перед самой войной, он оказался в Ульяновске, где зв неимением иных средств к существованию работал ломовым извозчиком. В сентябре, будучи мобилизован на окопные работы под Вязьмой, Ульянов попадвет в немецкий плен. Совершив побег из Дорогобужского лагеря, он добрался до осажденного Ленинграда и рвзыскал в одном из оккупированных немцами пригородов жену. Осенью 1943 года супруги напраалены в качестве остврбайтеров на рвботу в Германию — сначала в Дахау, затем в лагерь Карлсфельд близ Мюнхена. Николай Иванович работавт сварщиком на заводе БМВ. Надежда Николаевна, выпускница медицинского факультета,— врачом в лагерном госпитале. В 1947 году, избежав насильственной репатриации, Ульяновы эмигрируют в Марокко. Николай Иванович по-прежнему работает сварщиком, одновременно возобновляет и творческую деятельность, регулярно посещает Париж, знакомится с виднейшими представителями русской эмиграции. В 1953 году супруги переезжают в Канаду, еще через два года — в Нью-Йорк. Наконец в 1955 году Ульянов приглашен преподавателем русской истории и литературы в Йельский униаерситвт. Здесь, в Нью-Хэйвене, штат Коннектикут, Николай Иванович жил и работал вплоть до своей кончины, последовавшей 7 марта 1985 годв.

Н. И. Ульянов много публиковался во французской и американской русскоязычной прессе. С 1952 по 1981 год в США издано 11 книг Ульянова, среди них два исторических романа — «Атосса» и «Сириус», сборник рассказов «Под квменным небом», монография «Происхождение украинского сепаратизма». Эссе «Русское и великорусское» впервые опубликоаано парижским журналом «Возрождение» (№ 185, 1967) и включено в вышедший в том жв году в Нью-Йорке сборник «Диптих», откуда мы и перепечвтываем этот текст с любезного разрешения едовы автора Надежды Николаевны Ульяновой.

Владимир АБАРИНОВ

Писать «для народа» — не литература, а просвещение. Либо пропаганда.

Н. УЛЬЯНОВ

Лет семнадцать тому назад, в Париже, в Musée de l'Homme, мне довелось видеть карту России с надписью: «Россию населяют русские, великоруссы, белоруссы, малоруссы и украинцы».

Невежество Европы во всем, что касается России — не новость, но в данном терминологическом букете сами русские не всегда разбираются. Если недоразумение с малороссами и украинцами легко устраняется, то совсем не легко уладить вопрос с русскими и великоруссами. За внешней его простотой кроется большая историко-культурная проблема и острое государственно-политическое содержание. Загляните в прежние труды по этнографии России, и вы мало что узнаете о «русском» народе; речь там идет о великоруссах, малоруссах, белоруссах. Слово «русский» понималось как некий субстракт этих велико-мало-бело-русских ветвей, составлявших вместе около 80 процентов населения России.

Но вот, после большевистского переворота имя России оказывается снятым с фасада страны и заменено буквами СССР. Каждая из русских ветвей объявлена самостоятельным народом. Малороссия названа Украиной, Белоруссия осталась Белоруссией, но та часть страны, которую этнографы считали заселенной великоруссами, не получила названия «Великороссии», она стала РСФСР, то есть «Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой». На практике, всю славянскую часть ее жителей именуют не великоруссами, а русскими.

Причина такой терминологической неупорядоченности кроется в традиционном невежестве по части отечественной истории не одних большевиков, но всех русских революционеров, взявших на себя миссию преобразования России.

До татарского нашествия ни Великой, ни Малой, ни Белой России не существовало. Ни письменные источники, ни народная память не сохранили о них упоминания. Выражения «Малая» и «Великая» Русь начинают появляться лишь в XIV веке, но ни этнографического, ни национального значения не имеют. Зарождаются они не на русской территории, а за ее пределами и долгое время неизвестны были народу. Возникли в Константинополе, откуда управлялась русская церковь, подчиненная константинопольскому патриарху. Пока татары не разрушили киевского государства, вся его территория значилась в Константинополе под словом «Русь» или «Россиа». Назначавшиеся оттуда митрополиты именовались митрополитами «всея Руси» и резиденцией

имели Киев, столицу русского государства. Так продолжалось три с половиной столетия. Но вот, разоренное татарами государство начало становиться легкой добычей чужеземных государей. Кусок за куском русская территория попадала в руки поляков и литовцев. Раньше всех захвачена была Галиция. Тогда, в Константинополе установилась практика именовать эту отошедшую под польскую власть русскую территорию — Малой Русью или Малой Россией. Когда, вслед за поляками, литовские князья стали забирать одну за другой земли юго-западной Руси, эти земли в Константинополе, подобно Галиции, получали наименование Малой Руси. Термин этот, так не понравившийся в наши дни украинским сепаратистам, приписывающим его происхождение «кацапам», сочинен не русскими, а греками, и порожден не бытом страны, не государством, а церковью. Но и в политическом плане стал он употребляться впервые не в московских, а в украинских пределах. В XIV веке галицкий князь Юрий II в своих латинских грамотах именовал себя «князем всей Малой Руси» (dux totius Rutenia minorum). Под «великой» Русью патриаршая константинопольская канцелярия разумела все то, что осталось подвластно митрополиту киевскому. Сам Киев, пока его не захватили литовцы, относился к «великой» Руси, но с 1362 года, будучи взят Ольгердом, великим князем литовским, становится «Малой Русью».

Таким образом, «Великая Россия» первоначально не означала отдельного народа или племени, относилась не к одному какому-нибудь княжеству, вроде московского, но ко всем северо-восточным землям, не подпавшим под власть иноверных государей. Жильберт Ланнуа, французский путешественник, посетивший Новгород в 1413 году, называет его «Великой Русью». На итальянской карте Андрео Бьянки 1436 г., вся северо-восточная Русь обозначена, как «Imperio Rosi Magno».

Но если в западноевропейских источниках «Великая Россия» упоминается еще в XV веке, то в Москве этот термин встречается не раньше XVI века. Впервые мы его видим в «Апостоле» — первой книге, напечатанной Иваном Федоровым в 1556 г. Встречается он и под 1584 г. в чине венчания царя Федора Ивановича.

Из этой краткой справки видно, какое расплывчатое, неопределенное и совсем неофициальное значение имело выражение «Великая Русь» или «Великая Россия». Если оно более или менее отчетливо определяло территорию, то совсем неясно выглядело по отношению к народу. Единственно, что оно могло в этом случае означать,— это православный народ, живущий в той части Руси, церковь которой подчиняется митрополиту Киевскому (потом Владимирскому и Московскому). Когда, после присоединения Малороссии и Белоруссии, царь Алексей Михайлович стал писаться «всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцем» — это опять-таки ничего не выражало, кроме объединения под его властью земель, принадлежавших когда-то киевскому государству и получивших разные наименования после его распада.

Что касается слова «великорус», то его вообще не было в ходу, чуть не до самого XIX века. Неправильно утверждает Большая Советская Энциклопедия, будто наименование «великорусы» или «великороссы» стало употребляться с начала XVII века. Случаев, когда бы они употреблялись как имена существительные, либо не было совсем, либо было очень мало. Встречаются они как прилагательные: «великороссийские пределы», «великороссийские войска». Чаще всего находим их в малорусских источниках. Существовал в Москве «Великороссийский приказ» — административное учреждение, ведавшее с 1688 г. управлением так называемой «Слободской украйны» — казацкими поселениями, не вошедшими в состав левобережной Малороссии и составлявшими особые полки: ахтырский, сумский, харьковский и изюмский. Назван этот приказ «великороссийским», конечно, в противоположность «малороссийскому», в компетенцию которого входила та территория, что присоединена к России после Переяславской рады. Причина такого разделения администрации заключалась, видимо, в том, что перечисленные полки осели в великороссийских землях, выйдя из польской Малороссии еще до присоединения ее к Москве.

Такие летописные своды, как Никоновский, составленный в середине XVII века, упоминают иногда о «Великой Руси», но слов «великорус» или «великорусский» там нет. Весьма возможно, что в письменности того времени их можно иной раз обнаружить, но для этого требуются специальные разыскания. Народ назывался русским (как он назывался и в Литве), а государство либо «российским», либо «московским», но никогда «великорусским» [1]. Сущей модернизацией надо признать заглавие книги А. Е. Преснякова «Образование великорусского государства». Ни в XIV, ни в XV, ни в XVI веках оно себя так не называло. Любопытно, что вышедший в 1960 г. труд Л. В. Черепнина озаглавлен: «Образование русского централизованного государства». И хронологические рамки, и география здесь те же, что у Преснякова, но Черепнин, во многом расходящийся с Пресняковым, ни разу не касается терминологического вопроса и не объясняет, почему одно и то же государство называется у него «русским», а у его предшественника «великорусским».

Порой кажется, что бифуркация эта — результат простой неосмысленности и закоренелой традиции. С таким объяснением можно было бы считаться, если бы мы не знали, что в старину ее не было и что она — явление сравнительно новое.

«Великорусы» — порождение умонастроений XIX—XX в.— развития этнографии, повального увлечения фольклором, собиранием народных песен, изучением плясок, обрядов и обычаев деревни, а также «пробуждения» национализмов, шедших рука об руку с ростом либерального и революционного движения. Едва ли не главную роль тут сыграло появление украинского сепаратизма с его отталкиванием от общерусского имени и делавшего все, чтобы объявить это имя достоянием одной «Великой России». В этом он нашел себе поддержку со стороны радикальной русской интеллигенции. Обе эти силы дружно начали насаждать в печати XIX века термин «великорус». В учебниках географии появился «тип великоруса» — бородатого, в лаптях, в самодельном армяке и тулупе, а женщины в пестрядинных сарафанах, кокошниках, повойниках. С самого начала с этим словом, так же как со словами «малоросс» и «белорус», связано было представление о простом народе славяно-русского корня, преимущественно крестьянском. Некоторое различие в быте, в обычаях, в диалектах покрывалось одинаковым уровнем их культурного развития. То были потомки древних вятичей, радимичей, полян, древлян, северян и прочих племен, составлявших население Киевского государства и не слишком далеко ушедших от своих предков по пути цивилизации. Но примечательно, что города, помещичьи усадьбы, все вообще культурные центры России, оказались вне поля зрения этнографов. Ни Тургенев, ни Чайковский, ни один из деятелей русской культуры или государственности не подводились под рубрику «великорусс». Даже олонецкий мужик Клюев и рязанский мужик Есенин, в отличие от прочих рязанских и олонецких великорусов, значились «русскими».

[1] Едва ли не первый стал называть его так В. Н. Татищев в XVIII веке, не разбираясь при этом ни в смысле, ни в происхождении этого термина. На Татищеве в этом случае сильно сказалось алияние польских историков, вроде Стрыйковского.

* * *

За обоими этими терминами явственно видны два разных понятия и явления. В самом деле, почему хороводные пляски, «Трепак», «Барыня», «Комаринская» суть «великорусские» танцы, а балет «Лебединое озеро» — образец «русского» искусства? «Великорусскими» называются и крестьянские песни, тогда как оперы Даргомыжского, Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, даже при наличии в них народных мотивов — «русскими». Да и всей русской музыке, ставшей величайшим мировым явлением, никто не пытался дать великорусское имя. То же с литературой. В самые жестокие времена гонений на все русское, советская власть не решалась на переименование русской литературы в великорусскую. Одно время настойчиво противопоставлялась ей «советская», с явным намерением задавить и приглушить национальный термин, но за последние годы наблюдается некоторое ослабление в этом смысле; приезжающие сюда советские поэты, вроде Евтушенко, клянутся русским именем и в Москве решено, по-видимому, дать ход этому движению. Русскую литературу знает весь мир, но никто не знает литературы великорусской. Есть крестьянские песни, сказки, былины, пословицы, поговорки на различных великорусских диалектах, но литературы нет. Не слышно было, чтобы «Евгения Онегина» или «Мертвые души» называли произведениями «великорусской» литературы. Не решалась советская власть и на переименование русского литературного языка в язык «великорусский». Письменный русский язык, на котором пишет наука, поэзия, беллетристика, ведется делопроизводство, которым пользуется повременная печать — древнее существующих наречий великорусских, малорусских, белорусских. Ведет он свое начало от начала Руси и занесен к нам извне, с византийских Балкан. Это язык договоров Олега с греками, язык начальной русской летописи, язык митрополита Иллариона, «Слова о полку Игореве» и всех литературных произведений киевской эпохи. Он продолжал существовать и эволюционировать после татарской катастрофы. На нем писали все части Киевского государства, как отошедшие к Литве и Польше, так и оставшиеся в Великой России. Назвать его языком одной из этих частей невозможно, хотя бы потому, что его создание — плод тысячелетних усилий не одних жителей Великой России, но в такой же степени России Малой и Белой. Особенно ярко проявилось это в середине XVII века, в царствование Алексея Михайловича, когда к исправлению церковных книг приглашены были киевские ученые монахи — Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие. Исправление вылилось в целую языковую реформу, в упорядочение письменности вообще. Сухой приказный язык Москвы и южнорусская проза, испытавшая на себе польско-латинское влияние, подверглись сближению и унификации. Приводились в порядок лексикон и грамматика, вырабатывались литературные каноны, ставшие общими для всех частей православной Руси.

В XVII и в первой половине XVIII века главная роль в формировании литературного русского языка принадлежала южанам, а не северянам. В это же время подвизался в Москве белорус Симеон Полоцкий — поэт, драматург, ученый и богослов, воспитатель царских детей. При Петре Великом видим абсолютную культурную гегемонию юго-западной интеллигенции в создании канцелярского и книжного языка XVIII века. Для развития литературной речи «малорус» Григорий Сковорода сделал не меньше «великоросса» Михаила Ломоносова. А потом следуют поэты — Богданович, Капнист, Гнедич, вписавшие вместе с Державиным, Херасковым, Карамзиным новую страницу в русскую литературу. И так вплоть до Гоголя. В итоге получился, по словам Проспера Мериме, «самый богатый из языков Европы. Он создан для выражения наитончайших оттенков. Одаренный удивительной силой и сжатостью, которая соединяется с ясностью, он сочетает в одном слове несколько мыслей, которые в другом языке потребовали бы целой фразы». Создан он всеми тремя ветвями русского народа, а не одной московской его частью, и называть его «великорусским» — антинаучно и несправедливо.

Настало время заявить открытый протест против отождествления слов «русский» и «великорусский», тем более что советская власть решила, видимо, устранить терминологическую невнятицу путем объявления этих двух слов равнозначными.

В 1960 г., в Малой Советской Энциклопедии, сказано: «Ростово-Суздальская земля, а впоследствии Москва, становятся политическим и культурным центром великорусской (русской) народности. В течение XIV—XV веков складывается великорусская (русская) народность, и Московское государство объединяет все территории с населением, говорящим по великорусски»[1]. Пятью годами ранее, в 37 томе Большой Советской Энциклопедии, на стр. 45 писали о XVI веке, как о времени, когда «завершилось складывание русской (великорусской) народности». Там же сказано, что «русская народность образовалась на территории, в древности заселенной племенами кривичей, вятичей, северян и новгородских словен».

Перед нами несомненное установление знака равенства между «русским» и «великорусским». Нельзя не видеть в этом такого же бедствия для нашей страны и народа, как в злонамеренном отторжении от русского корня украинцев и белорусов. Долг каждого русского — поднять голос в защиту своего имени и прежде всего восстановить истинное его значение.

* * *

Почему это имя живет тысячу лет, и несмотря на все старания вычеркнуть его из официального лексикона, неизменно возрождается, как явление первого плана? Ровесник русского государства и русской истории, оно имеет право на то, чтобы над ним серьезно задумались. Оно всегда означало нечто более широкое, чем та территория, с которой его ныне связывают.

Мы не знаем ни его значения, ни времени его возникновения, и не имеем надежды узнать при теперешнем состоянии источников; все написанное на этот предмет — ряд гипотез — не более. Самой вымученной (да и не новой) из таких гипотез, представляется сочиненная по велению свыше, после второй мировой войны. «Как показали новейшие работы советских историков,— гласит тот же 37 том Б.С.Э.,— ...древние русы или росы, были одним из восточно-славянских племен. Племя это, обитавшее первоначально, вероятно, в бассейне реки Рось, став ядром племенного союза, который уже в 6—8 веках охватывал значительную территорию в Среднем Поднепровье, где позже возникли города Киев, Переяславль русский, Курск, Стародуб, Чернигов».

Не касаясь вопроса о том, насколько убедительно «показали» советские историки, нельзя не заметить, что их версия не способствует упрощению терминологической проблемы, к чему стремится правительственная мысль СССР, но запутывает и осложняет ее. Если племя «Русь» действительно существовало и если население обширной территории приняло его имя, то не знак ли это существования русского народа в долетописные времена? Нам ведь, в данном случае, безразлично, откуда пришло это имя; важно, что оно уже тогда существовало и что народ считал себя русским. Б.С.Э. так и говорит: «слово «русские» было самоназванием древнерусского народа еще в период Киевской Руси (9—12 вв.)». Но в таком случае и «великоруссы», как синоним «русских», не могли не существовать тогда же. О каком же «складывании русской (великорусской) народности в XIV—XVI вв. говорит Малая Советская Энциклопедия? И сколько раз эта народность «складывалась»?

[1] М.С.Э., т. 8, стр. 55.

Нам так и не объяснено, почему первое складывание связано с Поднепровьем, с землями полян, древлян, волынян, а второе перенесено в волжско-окские и ильменские пределы — к кривичам, вятичам, новгородским словенам?

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы надуманный и наскоро сколоченный характер концепции обнаружился в полной мере. Бедные советские историки, как это всегда бывало, поставлены в трагическую необходимость изворачиваться и расплачиваться своей научной совестью за нелепую, лживую Конституцию СССР[1], составленную не на учете условий собственной страны и ее истории, а теоретически, отвлеченно, путем механического приложения схемы, разработанной для другого европейского государства.

Однако если происхождение и первоначальное значение слов «Русь» и «русские» продолжает оставаться закрытым для нас, то имеются определенные свидетельства того, что понималось под ними во времена исторические — в эпоху Киевского государства. У таких видных историков, как Ключевский, находим интерпретацию слова «Русь» не как этнической группы, а как государственной верхушки. Такой она выступает уже в IX—X веках. «И седе Олег княжа в Киеве и беша у него варязи и словене и прочи прозвашася русью». Возвращаясь из победного похода под Царьград в 907 г., он велел: «Исшийте парусы паволочиты Руси, а словеном кропиньныя».

Император Константин Багрянородный особенно подчеркивает разницу между славянами и русью, рисуя славян данниками руси. Он красочно описывает ежегодные сборы дани со славян. В ноябре месяце, князья «выходят со *всеми руссами* из Киева и отправляются в полюдье, то есть в круговой объезд, и именно в славянские земли вервианов, друговитов, кривичей, северян и остальных славян, платящих дань руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев».

Собирая дань, русы выступали в то же время судьями местного населения, создателями администрации, строителями городов-крепостей, организаторами военных походов, и они же были купцами-воинами, торговавшими с Византией и с Востоком. То была группа, стоявшая над всеми полянами, древлянами, северянами, радимичами и вятичами. Никакие родоплеменные отношения их не связывали; чаще всего это были выходцы из неславянских народов — варяги, венгры, осетины, греки, хозары, финны, печенеги, торки, половцы.

«Русь» — это князья, бояре, княжи мужи, огнищане, мечники, тиуны, дружинники — все составлявшие военный, церковный, административный аппарат власти — «господствующий слой». Но в отличие от таких же «слоев» в западных странах, русскому приходилось много работать для удержания своего господства. Надо было следить, чтобы дань с подчиненной ему необъятной территории не собиралась кем-нибудь другим. «Не дайте хазарам, дайте мне». Отсюда постоянная забота о защите своих земель от иноземцев, защите сложной и трудной вследствие особых географических условий. И защита, и успешность собирания дани зависели во многом от администрирования, от устроения земли и приобщения ее к культуре. В России, в отличие от западных стран, нельзя было «господствовать» и «эксплуатировать», не устроив предварительно объекта господства и эксплуатации. По мере развития господствующий слой сделался центром притяжения всего выдающегося, деятельного, развитого и культурного. Русские — это та группа населения, чья историческая судьба связана с государственностью и с культурой.

Давно замечено, что государство в России шло впереди народа. Не поляне, древляне, вятичи и не великоруссы, малоруссы и белоруссы, а русские учредили православную церковь в России — первую носительницу культуры. Не великоруссы, не малоруссы, а русские собирали землю и восстанавливали разрушенное татарами государство. Это русские повернули Россию лицом к Европе, русские выработали образованный слой населения, это они создали литературный язык, литературу, музыку, театр, науку.

Школы, университеты, интеллигентные профессии в Европе возникали независимо от светской власти, они создавались церковью, обществом, народом. Средневековый европейский город сложился в мощную силу очень рано и сделался одним из важных факторов истории. В России, напротив, городская жизнь стимулировалась и развивалась благодаря государству, да и города, мало не все, построены князьями.

Государство в Европе, в полном смысле слова, было надстройкой над обществом; в России само общество — создание государства. Иначе и быть не могло в стране первобытной, с населением редким, состоявшим из звероловов и примитивных хлебопашцев, рассеянных по необъятному пространству. Государству самым фактом его существования уготована была здесь роль двигателя всяческого успеха — хозяйственного, культурного, военного и политического. Надплеменной, наднациональный его характер сохранялся во все времена и при всех трансформациях. Инициатива насаждения культуры исходила всегда от него.

Кто этого не понимает, тот не поймет и группы народонаселения, именуемой русскими. И тот не поймет, почему орловского мужика называют великоруссом, а Тургенева и Бунина, уроженцев той же Орловской губернии,— русскими.

Ни в Англии, ни в Германии ничего подобного не наблюдается. Там простой народ давно вышел из стадии этнографического существования, созрел национально и между ним и интеллигентным слоем населения нет той разницы, которая существовала и существует в России. Да и сам этот интеллигентный слой не имел там такой исторической миссии, которая выпала ему в России.

Вот почему «русский» и «великорусс» — понятия неслиянные. Один означает аморфную этнографическую группу, стоящую на низком культурном уровне, другой — категорию историческую, активный, творческий слой народа, не связанный с какой бы то ни было «этнографией» — носитель души и пламени нашей истории. Это тот слой, что порождал некогда людей вроде декабриста Пестеля, немца по рождению и лютеранина по вере, требовавшего в своей «Русской Правде», чтобы официальным языком в проектируемой им республике был русский, а церковный примат принадлежал православной церкви.

Советская власть до того запуталась в терминологии, что часто переносит русские черты и особенности на великороссов, характеризуя их, как столп и утверждение всего СССР. Русская (великорусская) народность все в той же Б.С.Э. объявлена «носительницей наиболее совершенных форм хозяйственной и общественно-политической жизни, государственного строя, высокой культуры, наиболее многочисленной и развитой из народностей Восточной Европы и севера Азии». Она «была единственной народностью, которая могла взять на себя инициативу в объединении многих нерусских

[1] Речь идет о Конституции СССР 1936 г., т. н. «сталинской».— Прим. ред.

народностей в одно многонациональное государство, способное сдержать напор иноземных захватчиков».

Читая это, глазам не веришь: куда же делись «страна рабов», «вшивая Россия», «господствующая нация»? Великороссы преподнесены нам не полудиким, неграмотным народом, погрязшим, по словам Ленина, в «идиотизме деревенской жизни», и даже созданный ими государственный строй — не «тюрьма народов», а почтенное «многонациональное государство». Зачем же было разрушать это государство? Неужели для того, чтобы теперь «посмертно реабилитировать»? Превознося великороссов, как соль советской земли, большевики грешат против духа ими же созданной конституции — несправедливо унижают мужиков полтавских и витебских, ничуть не менее развитых, чем их костромские и пензенские собратья.

После второй мировой войны Сталин, как известно, счел нужным в специальном обращении выразить благодарность русскому народу, открыто признав, что гигантская битва выиграна благодаря его исключительной стойкости и самоотверженности. «Спасибо ему, русскому народу!»

Документ этот примечателен и своей необычностью, и загадочностью. Неужели Сталин под русскими разумел великороссов, не назвав их ни разу по имени? Неужели он сознательно унижал малороссов и белоруссов, дравшихся не хуже москалей? Не верится. Но если это так, то более откровенного обнажения цинизма и фальши национальной политики КПСС трудно представить.

Позволительно допустить, однако, что автор нелепого догматического разрешения национального вопроса, вредного для самой советской власти, понял каким-то чутьем, слово «русский» в его историческом смысле и воздал должное его духовному образу, возникавшему каждый раз в грозные минуты истории.

Не ему ли выражал он благодарность за свое спасение?

* * *

Русский народ почти неуловим при статистическом методе изучения. Каждый русский может быть отнесен либо к великоруссам, либо к украинцам, либо к полякам, немцам, грузинам, армянам. Гоголь — хохол, Пушкин — из арапов, Фонвизин — немец, Жуковский — турок, Багратион — грузин, Лорис-Меликов. Вахтангов, Хачатурян — армяне, Куприн — татарин, братья Рубинштейны, Левитан и Пастернак — евреи, добрая треть генералитета и чиновничества была из немцев. Можно без труда рассортировать эту группу. Так сейчас и делают; каждая национальность старательно выискивает «своих» среди знаменитых русских и зачисляет их в свой национальный депозит. Мы можем с улыбкой следить за этой шовинистической игрой. Печать русского духа, русской культуры слишком глубоко оттиснута на каждом ее деятеле, на каждом произведении, чтобы можно было стереть ее или заменить другой печатью. Отмеченное ею никогда не будет носить ни великорусского, ни украинского, ни какого бы то ни было другого имени. И если, при статистическом подходе, «русских» можно растащить как избу по бревнышку, то есть в то же время что-то подобное цементу, что сплачивает эту группу в другом плане и делает прочнее железобетонного сооружения. Не оттого ли, что она не великорусская, а совсем другая по замыслу?

Достоевский полагал, что «русское отношение к всемирной литературе есть явление почти неповторяющееся в других народах в такой степени во всю всемирную историю... Всякий поэт — новатор Европы, всякий пришедший там с новой мыслью и с новою силою, не может миновать русской мысли, не стать почти русской силой».

Способность приветствовать все великое, где бы оно ни появилось, и принимать в свой духовный организм — одна из черт русской культуры. И этим она давно определила себя как мировое, а не как местное явление.

Какой контраст с советской политикой!

Русские, по словам одного известного публициста,— живое воплощение самого великого завоевания русской истории — культуры. Преступление революции, ударившей со всей силы по русским, было преступлением против культуры.

Еще до октябрьского переворота революционные партии сбросили Россию со счетов, уже тогда ей противопоставлено было новое божество — революция. После же захвата власти большевиками Россия и русское имя попали в число запретных слов. Запрет продолжался, как известно, до середины 30-х годов. Первые семнадцать-восемнадцать лет были годами беспощадного истребления русской культурной элиты, уничтожения исторических памятников и памятников искусства, искоренения научных дисциплин, вроде философии, психологии, византиноведения, изъятие из университетского и школьного преподавания русской истории, замененной историей революционного движения. Не было в нашей стране дотоле таких издевательств надо всем носившим русское имя. Если потом, перед второй мировой войной, его реабилитировали, то с нескрываемой целью советизации. «Национальное по форме, социалистическое по содержанию» — таков был лозунг, обнажавший хитроумный замысел.

Приспособляя к России всеми силами австромарксистскую схему, большевики «постигли» все национальные вопросы, за исключением русского. Точка зрения некоторых публицистов, вроде П. Б. Струве, видевших в «русских» «творимую нацию», nation in the making, как называли себя американцы, была им чужда и непонятна. Руководствуясь этнографическим принципом формирования СССР и сочинив украинскую и белорусскую нации, им ничего не оставалось, как сочинить и великорусскую. Они игнорировали тот факт, что великоруссы, белоруссы, украинцы — это еще не нации и во всяком случае не культуры, они лишь обещают стать культурами в неопределенном будущем. Тем не менее с легким сердцем приносится им в жертву развитая, исторически сложившаяся русская культура. Картина ее гибели — одна из самых драматических страниц нашей истории. Это победа полян, древлян, витичей и радимичей над Русью. Своим вандализмом большевики разбудили эту стихию. Мы ясно видим, как культурная русская речь опускается до великорусских говоров и матерной брани. Все эти «авоськи», «забегаловки», «насыпучки», «раскладушки», «показухи», «смефуечки» — показатели направления, в котором эволюционирует «великий могучий» русский язык. Мы давно уже задыхаемся от вони портянок в советской литературе, с тревогой следим за превращением оперы в собрание песен, по образцу «Тихого Дона», с тревогой видим, как эстрадный жанр так называемых «народных» песен и плясок все больше противопоставляется классическому балету, которому уже грозила однажды опасность уничтожения, как «придворному» аристократическому искусству и которого спасла только его мировая слава. Теперь над ним висит угроза «реформы» путем превращения в пантомиму с политической фабулой.

Трудно преувеличить опасность возведения этнографии в ранг высших ценностей. Это прямая победа пензенского, полтавского, витебского над киевским, московским, петербургским. Это изоляция от мировой культуры, отказ от своего тысячелетнего прошлого, конец русской истории, ликвидация России. Это — крах надежд на национальное русское возрождение.

1967 г.

Франц-Йозеф ШТРАУС:

«В 1961 ГОДУ МЫ БЫЛИ НА ВОЛОСОК ОТ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ»

Западногерманское издательство «Зидлер-ферлаг» выпустило книгу «Воспоминания» покойного премьер-министра Баварии, председателя ХСС Ф.-Й. Штрауса — фигуры колоритной, до конца своих дней оказывавшей заметное влияние на политику ФРГ (в 50—60-е годы возглавлял министерства обороны и финансов, на выборах 1980 года баллотировался на пост канцлера).

Наша пресса Штрауса никогда особо не жаловала: «реваншист» — вот один из самых расхожих (и далеко не самых крепких) эпитетов, которыми его награждали. Правда, он сам, называвший себя убежденным антикоммунистом, в долгу не оставался, титулуя СССР «империалистической державой» и даже грозя стереть нашу страну с географической карты. Таковы были времена, но они постепенно менялись, менялся мир, менялись мы, менялся Штраус. Меньше чем за год до смерти, в декабре 1987 года, он впервые был официально приглашен в Москву и принят в Кремле.

Из его обширных «Воспоминаний» мы выбрали отрывки, касающиеся прежде всего Советского Союза. Читателю, вероятно, будет небезынтересно познакомиться не только с оценками и наблюдениями человека, стоявшего «по другую сторону баррикады», но и узнать новые, до этого неизвестные факты; например, о том, что летом 1961 года, в канун сооружения Берлинской стены (и за год с лишним до «карибского кризиса»), все мы, как теперь выясняется, были на волосок от ядерной войны...

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС И СООРУЖЕНИЕ СТЕНЫ

Блокада Западного Берлина в 1948—1949 годах и события 1958 года, приведшие к созданию стены 13 августа 1961 года,— были ли это два кризиса или один затянувшийся 13-летний кризис с перемириями, паузами, признаками надежды? Даже если их было два, оба они сыграли роль, выходящую далеко за пределы Берлина, Германии и самой Европы.

В 1945 году из-за глупости тогдашнего главнокомандующего союзными войсками Эйзенхауэра и всей американской политики в целом город оказался в руках у русских. Американцы тянули время, выжидали и совершили грубую недооценку ситуации, уступив русским преимущественные права на Берлин. Для США поначалу Берлин представлялся разрушенным городом, не имеющим политического значения, обладающим лишь символической ценностью. Напротив, Советы видели в Берлине вражескую столицу, которую следовало захватить и оккупировать в ознаменование полной победы.

Оба берлинских кризиса были частью большой схватки. Блокада 1948 года была организована Советским Союзом, когда он еще не был ядерной державой; в ходе кризиса 1961 года СССР уже почти достиг ядерного паритета. В 1948 году Советы хотели вернуть в свое владение то, что им некогда принадлежало — по крайней мере в военном отношении — в 1945 году. Возведение стены с заложенным внутри ее драматическим кризисным потенциалом было, разумеется, событием куда более значительным, чем просто промежуточный этап. Стена означала значительный поворот как в мировой, так и в германской политике. И не в последнюю очередь она была признаком слабости коммунистического блока — как Москвы, так и Восточного Берлина: вынужденным решением с целью предотвратить «голосование ногами» против коммунистического режима на немецкой земле. Только с материальной точки зрения возведение стены принесло победу русским. Морально и психологически она явилась откровенным признанием поражения, однозначно склонившего дискуссии о привлекательности двух систем в пользу Запада.

В ноябре 1958 года стали известны ультимативно сформулированные советские требования: в течение 6 месяцев статус Берлина (здесь и в дальнейшем речь идет о Западном Берлине.— **Ред.**) должен быть пересмотрен. За ними последовали очередные угрозы и требования, например, объявленное 25 марта 1960 года намерение заключить сепаратный мирный договор с ГДР. Возможные неясности устранил Вальтер Ульбрихт, заявивший: Берлин расположен на территории ГДР. Хрущевское размахивание ракетами, крупные осенние маневры Красной Армии на всей территории ГДР — дело становилось серьезным.

После первого берлинского ультиматума западная сторона начала просчитывать всевозможные варианты: чего хотят русские, что они могут и что они будут делать.

Следовало разделить два момента. Один — ультиматум Хрущева, попытки провести его в жизнь с все возрастающим нажимом, хотя названные им сроки выдержать было нельзя. Другой — все увеличивающееся число людей, бегущих из ГДР в ФРГ. Велика была притягательная сила Федеративной Республики с ее захватывающим дыхание экономическим взлетом. Нехватка рабочей силы, хорошие возможности для заработка, растущее благосостояние в ФРГ — все это, в контрасте с невыносимыми условиями, характерными для режима Ульбрихта, привело к массовому уходу квалифицированных, по большей части молодых, рабочих из ГДР. Возможно, были еще и опасения, что однажды ловушка захлопнется и выезд станет невозможным. Коллективизация сельского хозяйства в 1959—1960 годы, принудительное создание сельскохозяйственных производственных кооперативов еще больше увеличивали неприязнь к режиму. Вполне возможно, что Ульбрихт обратился к Хрущеву и сказал: нужно что-то делать, чтобы массовый переход на Запад не привел к экономическому краху ГДР, что означало бы тяжкое политико-психологическое поражение всей социалистической системы.

Ультиматум Хрущева истекает без

последствий, дипломатическая деятельность продолжается на полных оборотах. С мая по август 1959 года в Женеве проходит конференция четырех держав, год спустя над территорией СССР сбит американский самолет «У-2», Хрущев с ботинком в руках выступает в ООН. В начале июня 1961 года в Вене происходит встреча Кеннеди с Хрущевым. И все так же продолжается массовое бегство из ГДР на Запад.

По нашей информации, базирующейся на данных отечественных и союзных служб, в 1961 году мы могли исходить из трех возможных вариантов: первый — тотальная блокада Берлина, сходная с 1948 годом; второй — требование СССР о предоставлении ему или ГДР контроля над западноберлинскими аэропортами Темпельхоф и Тегель, чтобы таким образом залатать прореху; третий — возведение стены. Самым худшим вариантом был бы первый. Второй с политической точки зрения выглядел утопией: немыслимо, чтобы западные державы на своих аэродромах допустили бы контроль со стороны русских или ГДР. И, наконец, строительство стены рассматривалось как вариант маловероятный. Судя по всему, дело шло к повторению блокады образца 1948 года.

Военную оккупацию Берлина мы исключали. Русские в этом случае рисковали бы третьей мировой войной, так как американцы никогда не оставляли ни малейших сомнений в том, что — и это были не угрожающие тирады, а вещь, вполне серьезная,— нападение русских на Берлин повлекло бы за собой самые страшные последствия. Таким образом, исходить надо было из того, что советская сторона в конечном итоге будет действовать рационально и не переступит порога большой войны. Москва будет стремиться к решающим позиционным победам, действуя в отведенных ей границах. Оптимальным результатом для себя Москва наверняка считала получение особого статуса для Берлина, что поставило бы город в зависимость от СССР или ГДР.

Общая стратегия советской политики в отношении Берлина и озабоченность руководства ГДР массовым переселением из страны летом 1961 года совпали. Ульбрихт в который раз выступил против утверждений западных «авантюристов», будто ГДР намерена разделить Берлин стеной. Это, по его словам, обман и грубая ложь, никто и не помышляет о строительстве стены. Он отрицал подобные намерения 4 июня на страницах «Нойес Дойчланд», 6 июля — перед Народной палатой и 31 июля — в интервью лондонской «Ивнинг стандард». Так как цена утверждениям коммунистов была известна, следовало теперь всерьез рассчитывать на строительство стены.

Тот факт, что в июле 1961 года я побывал в США, доказывает, что ситуация не была еще столь драматичной, во всяком случае, не в такой степени, чтобы требовалось принимать срочные решения. За месяц до этого Кеннеди на встрече в верхах с Хрущевым в Вене обратился с четким предостережением к СССР: «Будет холодная зима».

Я встретился с генералом Клеем, который информировал меня о некоторых интересных соображениях, возникших в связи с ситуацией вокруг Берлина. Он предлагал своему правительству формально принять Берлин в НАТО, сделать его федеральной землей ФРГ и распространить гарантии защиты США как державы НАТО на Берлин. Это предложение было отвергнуто с мотивировкой, что в таком случае часть территории НАТО оказалась бы в центре влияния Варшавского Договора, что неразумно с политической точки зрения.

Клей рассказал мне далее, что еще в 1948 году во время блокады Берлина он предлагал американскому правительству двинуть танковые войска по автобану в направлении Берлина и в случае попыток остановить их военной силой заставить заговорить танковые орудия. Танковый прорыв к Берлину ему разрешили, но без снарядов. Перед лицом таких смехотворных ограничений он эту идею отбросил. В нынешней ситуации, предлагал Клей, следовало бы еще раз серьезно взвесить вопрос о включении Берлина в НАТО, а в остальном — не поддаваться ни на какие угрозы русских.

Вернувшись в Европу, я первым делом навестил канцлера Аденауэра, чтобы представить ему отчет о своей поездке в Америку. Обсуждался «план на случай непредвиденных обстоятельств» — самый худший из вариантов полной блокады Берлина: в день «икс» русские объявляют, что с такого-то времени блокированы все сухопутные, воздушные и водные подступы к Берлину. Что предпримет против этого Запад? Были проиграны все варианты.

Мы располагали детальной картиной всего происходящего в стане врага, для нас это было чрезвычайно важно. Ибо, насколько можно было установить из передвижений войск и их концентрации, возможность тотальной блокады Берлина не исключалась. Первое соображение касалось воздушного пространства и воздушных путей. Если Берлин будет блокирован, можно ли возобновить «воздушные мосты», как это было в 1948 году? Ответ: по старому образцу — нет, хотя бы из-за нехватки транспортных средств. Несмотря на мужество берлинцев, возникла бы нехватка продовольствия, которую едва ли удалось бы устранить. Следующий вопрос: велика ли помощь от снабжения по воздуху, если наземные пути будут надолго перекрыты? Было решено, что полеты пассажирских самолетов будут продолжаться. Если русские станут угрожать им, пассажирские самолеты будут летать в сопровождении эскорта ВВС союзников — в крайнем случае нападающие самолеты врага будут сбиваться. Случай тяжелый, но обсуждался он со всей серьезностью.

Если западные самолеты будут подвергнуты обстрелу с земли зенитной артиллерией или ракетами, то эти зенитные позиции должны быть уничтожены. Превентивные удары по аэродромам не предусматривались.

Вплоть до этого пункта среди западных участников обсуждения царило единство. При ответе же на вопрос, как прорывать блокаду, мнения разделились. Моя позиция была предельно ясна: защита Берлина — задача союзных держав. Если на этом пути возникнут препятствия, если дело дойдет до вооруженного столкновения с врагом, необходимо решать проблему в рамках НАТО. Только в этом случае можно рассматривать вопрос об участии бундесвера.

У штаб-квартиры НАТО в Париже были на этот счет другие соображения, главным образом из-за давления англичан. Их план: направить невооруженную колонну к Берлину. Если ее остановят и завернут, послать вооруженный конвой, который, однако, в случае нападения не будет оказывать сопротивления, а должен отступить. Следующим шагом должна стать отправка боевой группы с танковым подкреплением в объеме бригады, затем — дивизия, после нее — нескольких дивизий и так далее. Я решительно выступил против такого плана. По моей оценке, в случае конфликтной ситуации война будет проходить не на автобане и не возле него — это не та война, которую, если можно так выразиться, стороны будут наблюдать с трибун по обеим сторонам автобана, как военный спектакль. Вызванные такими мерами военные действия выйдут из-под контроля. Но прежде всего участие немецких войск на этой стадии конфликта из-за правовых аспектов исключено. Ибо такое выступление развязало бы антигерманскую кампанию во всем мире, в том числе и в рядах собственных союзников: немцы начали первую мировую войну и проиграли ее, развязали вторую и тоже проиграли в пух и прах, и вот несколько лет спустя они опять нападают!

Моим самым ярым противником, как сообщил мне генерал Ферч, был шеф британского штаба обороны лорд Маунтбэттен. Он упорно требовал немедленного включения одной или двух немецких дивизий на участке прорыва. Мое контрпредложение: вести воздушные операции. Вместо того, чтобы действовать на суше все возрастающими силами, установить международную блокаду против СССР: запретить посадку всех советских самолетов, захватывать советские суда в Мировом океане. Тогда СССР увидит, что его берлинский прорыв сопряжен с чудовищным военным риском, который может повлечь за собой болезненные последствия и поставить мир на грань третьей мировой войны.

Переговоры в штаб-квартире НАТО возобновлялись через короткие промежутки времени. В один прекрасный день ко мне прибыл Ферч — это случилось после дебатов с англичанами, в ходе которых французы держались довольно сдержанно. Взволнованный, он сообщил мне самые последние новости из штаб-квартиры НАТО. На тот случай, если запланированный прорыв американцев к Берлину по суше будет блокирован превосходящими силами русских, то США, по словам Ферча, намерены, прежде чем дело дойдет до массированного удара по СССР, сбросить одну атомную бомбу, причем на территорию ГДР. Я переспросил: «На территорию Советского Союза?» Нет, был ответ, на ГДР.

Американцы всерьез внесли эту идею на обсуждение. Это следовало уже из одного того, что они не только сделали нам общий запрос, но и хотели узнать от нас, какую из целей мы им порекомендуем. Это был самый отчаянный вопрос, который когда-либо вставал передо мной. Я сказал, что такую ответственность никто на себя взять не может. По моему железному убеждению, нельзя рассматривать цели, подобные Хиросиме или Нагасаки: тем самым, несмотря на возможный успех — завоевание доступа в Берлин,— мы взвалили бы на себя такое политическое бремя, что цена его ни в коей мере не оправдывала бы результат.

Затем речь зашла об одном русском полигоне, где было сконцентрировано большое количество русских войск. Если эта атомная бомба была бы сброшена точно, имела бы ограниченный радиус действия, то из мирного населения пострадали бы в основном люди, работавшие на этом полигоне. Один из полигонов, который мне был известен, я назвал: я бывал там в 1942 году при формировании немецкого танкового подразделения. Если уж дело грозило дойти до этого и нам не удалось бы помешать американцам, то из всех зол надо выбирать наименьшее, хотя все равно все это было достаточно скверно.

Если бы намерение американцев — сбросить бомбу на один из советских полигонов — было осуществлено, то это означало бы гибель тысяч советских солдат. Это была бы третья мировая война. Американцы осмелились внести эту идею, потому что точно знали, что Советы в то время не располагали надежно функционирующими межконтинентальными ракетами. Война, таким образом, проходила бы в основном в Европе, это была бы война обычными средствами, в которую США могли привнести некоторые ядерные компоненты. По счастью, эта идея в воскресный день 13 августа 1961 года превратилась в макулатуру. Берлин разделила стена.

КАК ОБРАЩАЛСЯ СО МНОЙ БРЕЖНЕВ

Встреча с Брежневым произошла в мае 1978 года в замке Гимних. Толчея во время церемонии встречи, фотографы, шквал вспышек. Брежнев: «Садитесь, господин Штраус». Когда мы уселись рядышком на диване, Брежнев извлек бумагу и стал зачитывать одно предложение за другим, и все это переводилось в той же последовательности. Доклад продолжался около 20 минут, значительная его часть представляла собой обвинительную речь против политики ХСС и меня лично.

Выходило, что ХСС — одна из партий, имеющих влияние на немецкую внутреннюю политику, и особенно на выработку политической линии ХДС/ХСС. В целом, упрекал меня Брежнев, политика оппозиции в бундестаге не является конструктивной. «К чему раздувать националистические настроения?» — спрашивал Брежнев, адресуясь к ХСС, и угрожающе добавил, что есть предел и у доброй воли СССР, когда кто-то пытается ревизовать итог минувшей войны. Брежнев продолжал: известно, что представители ХСС всеми способами нагнетают страхи. Иногда встречаются высказывания, будто СССР готовится оккупировать всю Западную Европу. Нет ничего, более далекого от истины: Москва готова к любым мерам в области разоружения — как же можно тогда говорить о военной угрозе со стороны СССР?

Упреки, которые Брежнев зачитывал монотонным голосом, еще больше усилились: нет никаких сомнений в том, что такие заявления делаются для разжигания политических конфликтов. Такие стереотипы мешают нам жить в добрососедстве. Советский Союз намерен быть хорошим партнером. Мне следует задуматься о возможностях сотрудничества.

Было видно, что Брежнев был хорошо подготовлен к беседе со мною, ибо он заявил:

«Сорок лет назад вы носили военную форму, были и под Сталинградом, где миллионы ваших соотечественников пожертвовали своей жизнью ради преступной авантюры Гитлера. Но все жертвы и страдания второй мировой войны не могут идти ни в какое сравнение с первыми минутами ядерного конфликта, если бы он был развязан».

Настал мой черед. В своем ответе я поблагодарил за откровенные высказывания и попросил отнестись с пониманием к тому, что я, в отличие от него, не заготовил письменного текста. Возможно, что так даже и лучше, потому что я должен остановиться на тех положениях, которые он высказал. Во-первых, я попросил его не становиться пленником официальной советской пропаганды. Картина, которую он тут нарисовал,— тоже стереотип, который не имеет ничего общего с действительностью. Я уже привык к существованию двух Штраусов: одного, которого рисует советская пропаганда, и другого, кем я являюсь в действительности и в этом качестве нахожусь перед ним. Одно не соответствует другому. Я страстный противник войны, был солдатом в России, в составе 6-й армии, и пережил всю ее трагедию. В Европе не должно больше быть никаких войн, это мое давнишнее твердое убеждение. Современная военная техника, в особенности ядерные бомбы, свела к абсурду возможность применения военных средств, войну вести невозможно, немыслимо, она не поддается расчету, ее нельзя выиграть. Война означала бы разрушение большей части Европы, Америки и значительной части Советского Союза. Брежнев прервал меня: «Нет, разрушение всего Советского Союза».

Тогда я продолжил более прямо и четко: «Теперь я хотел бы вам коечто сказать, прошу меня спокойно выслушать. Я родом из убежденной католической семьи, которая всей своей сутью противостояла национал-социализму. Расскажу, что я пережил 31 января 1933 года (приход Гитлера к власти.— **Ред.**) и что сказал мне отец, когда я вернулся из школы: «Мальчик, Гитлер стал канцлером. Это означает войну, а война — это конец Германии!» С того времени я, будучи совсем молодым, жил в надежде, что войны не будет, и в страхе, что она разразится. 6 лет я жил, раздираемый этими чувствами. И знаете, господин Генеральный секретарь, когда мне стало ясно, что победило — надежда или страх? 23 августа 1939 года. В этот день нацистская пресса под громадными заголовками сообщила о предстоящем заключении германо-советского договора. В ту же ночь был подписан пакт о ненападении. С этого момента я знал, что разверзлись врата храма войны, что ничто уже не остановит беду.

Не будь пакта Гитлера — Сталина, мировой войны — при соответствующей реакции западных держав — можно было бы избежать».

Затем прозвучали решающие слова в адрес Брежнева: «Я сын своего отца, вы — один из наследников, занимающих должность Сталина». Советский переводчик отказался переводить. У стенографа ручка чуть было не выпала из рук. Тогда я сказал переводчику: «Переводите, иначе это сделает мой переводчик. Генеральный секретарь имеет право услышать каждое мое высказывание — приятно оно ему или нет».

Мои слова перевели. Я ожидал резкой ответной реакции. Однако Брежнев все выслушал, на его неподвижном лице ничего не отразилось, нельзя было заметить никаких признаков неудовольствия. Дрожь прошла лишь по рядам тех, кто сопровождал его. По сообщению, которое я получил от федеральной разведывательной службы, Андрей Громыко позднее резко корил его за то, что он вообще меня принял, беседовал со мной в таком духе и так вежливо обращался со мной.

В заключение я добавил: «Как вы знаете, я противник коммунизма, но не враг русским. Я восхищаюсь вами: вы единственная держава, которая, несмотря на свои экономические проблемы, имеет цельную стратегию. В кабинете вашего шефа КГБ Андропова стоит глобус, и Андропов демонстрирует на нем каждому посетителю, что СССР следит за всеми событиями мировой политики, за всеми своими акциями и их последствиями на всем земном шаре. У русских есть целенаправленная глобальная стратегия, чего, к сожалению, нет у американцев». На это Брежнев сказал: «Хорошо, господин Штраус».

Я продолжал: «Конечно, у вас есть одна опасность. Хороший боксер теряет квалификацию, когда перед ним слабый спарринг-партнер. Из-за того, что вам в мировой политике никто не противостоит — возьмите Африку, Анголу и так далее,— есть опасность, что вы

потеряете свою квалификацию, поскольку вам не надо отвечать на чей-то вызов». На этом беседа закончилась.

Мы встаем, я протягиваю ему руку, он пожимает ее. Я иду к двери, он движется рядом, справа от меня. У дверей я снова протягиваю ему руку, он снова трясет ее, я иду, он следует за мной. Я дохожу до выхода и снова подаю ему руку, он вновь хватает ее. Я открываю входную дверь, спускаюсь по лестнице, он следует за мной. Внизу мы еще раз обмениваемся рукопожатием. Мне приходится почти силой удержать его от попытки открыть мне дверцу автомашины.

ДВА ВИДА ТЕХНИКИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ В СССР

С 28 по 31 декабря 1987 года я посетил Москву. Я сам находился за штурвалом самолета и совершил в московском аэропорту одну из самых трудных посадок за всю свою карьеру пилота: приземлялся ночью, в тумане, на обледеневшую полосу. В центре моего визита была продолжавшаяся более двух с половиной часов беседа с Михаилом Горбачевым, и именно она привлекла к себе самое пристальное внимание внутри страны и за рубежом.

Я никогда не набивался на приглашение в Москву, никогда не выступал в роли просителя. Я всегда говорил: если придет приглашение на приемлемых условиях, я его приму. Такой непременной предпосылкой для меня была (во всяком случае при первом визите) беседа с первым лицом государства. Летом 1987 года мне об этом сообщили в общих чертах, а в Рождество того же года передали официальное приглашение Горбачева. Меня тоже устраивало это время, когда замирает политическая жизнь, и 28 декабря мы вылетели из мюнхенского аэропорта.

Михаил Горбачев принял меня под беспрерывные вспышки фотографов. Я заметил, что плоды нашей встречи пожинают японцы: почти все фотоаппараты были японского производства. На это Горбачев возразил, что не все же в конце концов должно быть из Германии.

Уроки Чернобыля оставили е Москве глубокий след. Это выразилось и в осознании того факта, что вышедшая из-под контроля ядерная реакция влечет за собой непредсказуемые последствия. Мы все знаем, что радиоактивный потенциал, вырвавшийся наружу в Чернобыле, является крохотной частицей того, что высвободилось бы в результате взрыва одной-единственной ядерной боеголовки. Когда задумываешься о том, что у обеих сторон — несмотря на Договор по РМСД, имеющий весьма ограниченное значение,— в Европе продолжают оставаться тысячи боезарядов (и часть их нужно сохранить), то все это однозначно говорит о невозможности атомной войны. Если не удалось взять под контроль «небольшое» несчастье в Чернобыле, небольшое в сравнении с мировым радиоактивным потенциалом, то какие последствия были бы в случае взрыва дюжин, сотен ядерных боеголовок в ходе двусторонней бессмысленной войны на уничтожение!

Во время моего визита мне стало совершенно ясно, что в Советском Союзе существуют два вида техники. Есть высокоразвитая военная техника с ее заслуживающими внимания достижениями, в чем убедило нас и посещение Центра управления полетами. Советы далеко обогнали американцев в области пилотируемых космических полетов. Мы разговаривали с руководителем Центра, а также с несколькими космонавтами. Один из них только что вернулся на Землю после полета, длившегося 304 дня. Они произвели стыковку, расстыковку — этими техническими навыками они владеют безупречно. Мой вопрос: «Вы твердо намерены продолжать пилотируемые полеты, имеют ли они смысл в научном, техническом и экономическом отношениях?» Ответ директора Центра: «Мы твердо придерживаемся этого. Если бы мы этого не делали, то Советский Союз лишился бы своих больших технических достижений во многих областях. Для нас отказ от пилотируемых полетов немыслим, этот вопрос не подлежит дискуссии». Вероятно, их исследования осуществляются на более благоприятных условиях, чем у нас на Западе.

Я рискнул зайти достаточно далеко, сказав: без своей военной техники, военной силы Советский Союз был бы развивающейся страной. Больших возражений я не услышал. Военная техника сильно развита, быть может, она выглядит несколько грубее, чем западная, но кто видел их танки, самолеты, ракеты, должен признать: речь идет о громадных военно-технических достижениях. Проблемой остается гражданская техника. На эту тему я много беседовал со своими партнерами в Москве.

— 85 процентов вашего экспорта в Федеративную Республику Германии составляют газ и нефтепродукты. Из оставшихся 15 процентов половина опять же приходится на сырье. Почему вы не продаете готовые изделия, которые могут найти спрос на нашем рынке? Вы требуете от нас увеличения импорта из СССР, но что нам импортировать? Все те же нефть, газ, другое сырье? Конечно, мы можем заключить торговые договоры, в частности и через ЕЭС. Но что на деле будет куплено, это у нас решают потребитель, рынок. Если вы не в состоянии производить продукцию, пригодную для реализации на нашем рынке, то нечего и думать о каком-то повышении экспорта или об увеличении товарооборота с теми, у кого другая товарная структура. У нас система торговли, а не распределения. В этом состоит большое различие.

Я никогда не принадлежал к числу тех, кто верит, будто понятия «гласность» и «перестройка» наполнены западным содержанием. Они, как я считаю, чисто советские понятия, призванные стимулировать, наконец, эффективность системы, развязать созидательные способности людей при социализме, повернуться лицом к хорошим сторонам системы.

Несмотря на дружескую атмосферу и при всей открытости, не следует заблуждаться относительно твердости Горбачева. Он не из тех, кто сглаживает острые углы, не перебежчик, не отступник от своей системы. Он намерен мобилизовать внутри системы все, что поддается мобилизации. Что из этого выйдет — увидим. Не будучи мечтателем, я убежден: он не помышляет ни о какой войне с Западом. Он знает, что оружие, пущенное в ход, принесет ужасные потери и Востоку, отбросит его далеко назад.

Советский Союз — это не русский медведь с когтистыми лапами, сказал Горбачев. На это я заметил, что баварцы — тоже не кровожадные львы (на гербе Баварии изображен лев. — **Рвд.**). Если все то, что мы обсудили, станет реальностью, то в будущем русский медведь и баварский лев будут мирно возлежать и трапезничать рядом на одной лужайке.

В Москве я не поддался искушению сглаживать противоречия. Существуют огромные различия в системах, убеждениях, представлениях людей. Тем не менее после этого визита я твердо убежден в одном: Горбачев и новое политическое руководство СССР не хотят войны. Есть стремление к внутренним реформам, но не к фундаментальным изменениям системы, налицо также тенденция к смягчению конфликтов. Наш долг — оказывать помощь на этом трудном пути взвешенно и трезво, без иллюзий. Тот, кто следит за развитием в СССР глазами Запада и связывает с ним западные представления, будет разочарован. В результате моих бесед в Москве, и прежде всего с Михаилом Горбачевым, позволю сделать четыре вывода.

Первый: нынешнее советское руководство не помышляет ни о каких конфликтах с Западом.

Второй: оно готово заключать новые соглашения, в том числе в области тактических ракет и обычных вооружений, с целью обеспечить обороноспособность обеих сторон на минимальном уровне, что должно быть значительно ниже потенциала, необходимого для ведения наступательной войны.

Третий: Горбачев желает реформ, приносящих пользу стране, при этом он верит, что их можно осуществить, не отказываясь от существующей системы.

Четвертый: новое советское руководство испытывает особый интерес к сотрудничеству с Федеративной Республикой Германии в научно-технической, культурной и экономической областях. Мы выяснили возможности и границы такого сотрудничества в ходе тщательно подготовленных, деловых и серьезных бесед.

Ни глубокий пессимизм, ни чрезмерный оптимизм не являются верными ориентирами, руководствуясь которыми следует рассматривать новое развитие в Советском Союзе. Требуется сохранять чувство реальности, выдержку и бдительность.

Перевел и подготовил к печати С. ГУК.

Сергей АВЕРИНЦЕВ

Праздник слёз

На папертях слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд.
Максимилиан ВОЛОШИН

О, какое горе, о, какое
Горе, полное до дна!
Ольга СЕДАКОВА

Радищев едва ли не первым описал в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» живое воздействие отечественного религиозного фольклора:

«...Поющий сию народную песнь, называемую «Алексеем Божиим человеком», был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением... Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет, и онаго чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием...»

Волошин услышал русские духовные стихи в обстановке более неожиданной — на Красной площади сразу после Февральской революции. По обстоятельствам времени и места они были для него острым напоминанием о судьбе России в том, что мы нынче вслед за Бахтиным называем большим историческим временем.

«Благодаря отсутствию полиции, в Москву из окрестных деревень собралось множество слепцов, которые, расположившись по папертям и по ступеням Лобного места, заунывными голосами пели древнерусские стихи о Голубиной Книге и об Алексее Человеке Божьем.

Торжествующая толпа с красными кокардами проходила мимо, не обращая на них никакого внимания. Но для меня... эти запевки, от которых веяло всей русской стариной, звучали заклятиями. От них разверзалось время, проваливалась современность и революция, и оставались только Кремлевские стены, черная московская толпа да красные кумачовые пятна, которые казались кровью, проступившей из-под этих вещих камней Красной площади, обагренных кровью Всея Руси».

(Как ни странно, и мне в моем детстве еще довелось слышать духовные стихи от старушки, водившей меня гулять. Сколько держалось в ее памяти, не больше того,— но не магнитофонная запись фольклористической экспедиции, не выступление со сцены приглашенных наконец-то в столицу из своей глуши хранителей традиции. Без этого моя жизнь не была бы моей, а каким-то иным сюжетом. Прошу простить за автобиографическое отступление.)

От слепца в Клину, тронувшего Радищева и его бесчисленных предшественников, «калик перехожих» — единый мир, цепко удерживающий свои черты.

Пронзительный распев, безошибочно ударяющий в самое сердце. Упоение слезами, перекипающими в странную, ни с чем не сравнимую радость. Праздник слез, совершаемый истово, торжественно, важно, до полного насыщения изболевшейся души. Суровые слова — «про кровь, про казнь, про суд».

А мы плачем, возаышаем,
На День Судный помышляем!..
Скорбит сердце человека:
Кому поаем печаль мою,
Кого призоеу к рыданию?..
Скорбит сама земля:
Растужилась, расплакалась
мать сыра земля
Перед Господом Богом:
«Тяжел-то мне, тяжел, Господи,
вольный свет!..

Каково место русских духовных стихов в перспективе общечеловеческой?

У каждого христианского народа есть свой религиозный фольклор, перерабатывающий библейские и евангельские, апокрифические и житийные моменты так, чтобы сделать их своими, ввести в состав народной души. По одному латиноамериканскому преданию, лик Девы Марии нерукотворно отпечатлелся на национальном головном уборе новокрещеного индейца: это хороший символ. Святыня должна быть увидена в родном ландшафте; сакральные имена должны зазвучать по законам местной речи и местного мелоса. Все это — норма.

Многие мотивы религиозного фольклора являются общими для всей христианской Европы — от востока до запада. Сюда относится, например, упомянутая и в радищевской, и в волошинской цитате легенда о св. Алексии Человеке Божием, единственном, нежно любимом сыне богатых родителей, который в ночь своей свадьбы бежал из дома, гонимый жаждой аскетического подвига, долго нищенствовал на чужбине, а затем, изменившись до неузнаваемости, в лохмотьях и язвах вернулся на двор отца и жил там, как подкармливаемый из милости бродяга, предмет глумления для отцовских слуг; лишь когда он умирает, близким дано ради вящей сердечной растравы опознать его тело, и все завершается плачем родителей и нетронутой молодой жены. Семья святого, изображаемая с полным сочувствием, наделяется всеми атрибутами знатности и богатства, да еще в сказочно гиперболизированном виде; но вся эта роскошь оказывается ненужной, и соль сюжета — в горькой иронии. Благополучие хотя бы и праведных богачей в некотором смысле неистинно; и только нищий Алексий, терзая самых близких людей и себя самого, живя в скудости и поругании, тем самым живет в истине, в стихии истины. Так вот, легенда эта, выплыв на юго-восточной окраине христианского мира, для начала получила великолепную разработку в поэзии старофранцузской (поэма 1040 г.) и средневерхненемецкой (эпос Конрада Вюрцбургского, ок. 1225—1287 гг., и семь других стихотворных переложений); М. Ф. Мурьянов привел серьезные доводы в пользу того, что и к нам сюжет пришел с Запада, через Новгород. В этом — наше единство со всей Европой. Но дальше начинаются различия.

О том же Алексии на Западе скоро забыли; на Руси — пели все больше и больше. На Западе центр церковного года — Рождество; и средоточием, эмоциональным камертоном религиозного фольклора чем дальше, тем больше становится домашний уют колядок, слагаемых от Польши и Украины до Атлантики. Рождество располагает одновременно к бодрости и к растроганности: малое Дитя, к Которому не страшно подойти для приветствия,— и поющая о Нем семья, собравшаяся в тепле.

У нас рождественская тема — на периферии, но даже в ней острее трагический, а не идиллический момент: сны Богородицы, провидящей обреченность Сына, апокрифическая «Аллилуиева жена», выдающая собственного младенца на погибель вместо младенца Христа. А в самом центре — темы муки, которую то ли злые люди причиняют неповинному (скажем, Иосифу), то ли сам страдалец берет на себя ради сурового подвига; и надо всем этим — тема суда. Даже красота природы — это красота «прекрасной пустыни», места отшельнической страды, где нужно «есть гнилую колоду», «испивать болотную водицу». Даже в ней — соблазн, который необходимо преодолеть:

Хоша придет мать весна красная,
И лузья-болоты разольются,
И древа листами оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами:
Не прельщусь я на все
благовонные цаеты..

Кто это не поймет — не узнает о России ничего.

ПЛАЧ АДАМА

Восплакался Адамий, перед раем стоя:
— Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!
— Мене ради, раю, сотворен бысть,
— Евы ради, раю, заключен бысть.—
Ева согрешила, Адама прельстила,
Закон преступила, Богу согрубила,
Ум свой погрузила во тьму кромешнюю,
Весь род наш отгнала от раю святого.
Адам вопияше к Богу со слезами:
— Увы мне, грешному, увы беззаконному!
— Уже аз не слышу архангельскаго гласа,
— Ничто же вкушаю от райския пищи! —
Адам вопияше к Богу со слезами:
— О Боже милосердный, помилуй нас грешных! —
Что проговорит Ева, Адаму глаголет:
— Адамий, Адамий, ты мой господине!
— Не велел нам Бог жити во прекрасном раю,
— Ничто же вкушаю от райской пищи,
— Сослал нас Господь на трудную землю,
— Нам хлеба снадати от потнаго лица,
— Нам правдою жити и зла не творити.—

СТИХ О ВОЗНЕСЕНИИ

Опосля Христова Воскресенья,
На шестой недели Вознесенья,
Вознесся Христос Бог Царь Небесный,
А вознесся Господь на нéбеса.
Заплакала меньшая братья:
— Милослив Владыка, Царь Небесный,
— Куды нас, убогих, оставляешь,
— На кого нас, убогих, покидаешь? —
Пbabречет Господь Царь Небесный:
— Не плачьте, меньшая моя братья,
— Оставлю вам гору золотую,
— Оставлю вам реку медвянýю;
— Можете-ль златой горой владати,
— Медвяной рекой разливати,
— Между собой разделяти? —
Этая меньшая братья
Между собой совет произлагали:
Злетою горою не владати,
Медвяной рекой не разливати,
Между собой не разделяти,—
Отоймут князья и бояра.
Иоанну Богослову доносили:
— Ай же ты, Иоанн Богослове,
— Донеси-тко к Господу к Исусу
— Об нас-то, об меньшой братьи:
— Златой нам горою не владати,
— Медвяной рекой не разливати,
— Между собой не разделяти.—
Этот Иоанн Богослове
Доносит он к Господу Исусу:
— Милослив Владыко, Царь Небесный,
— Благослови слово заговорити,
— За меньшую братью заступити!
— Не оставляй Ты им гор золотыих,
— Не оставляй рек медвяныих:
— Златою горой им не владати,
— Медвяной рекой не разливати,
— Между собой не разделяти,—
— Отоймут князья и бояра,—
— Помрет твоя меньшая братья
— Голодною смертью и холодной.
— Оставь-ка Христове им слово,
— Оставь-ко их по миру ходити,
— А Господа Христа вспоминати,
— Имя святое нарекати:
— Хто их приоденет, приобует,
— А иный милостинку подаст,
— Иной темной ночью спасет,
— На путь на дорогу провожает,
— Все для-ради имени Христова,
— И для-ради душевнаго спасенья.—
И проречет Господь Бог, Царь Небесный:
— Ай же, Иоанн Богослове,
— Дарую уста тоби золотыи
— За твои за речи за умильни.

СТИХ О ПОКРОВЕ

Подошли враги к царству Грецкому,
Угрожают ему войной-гибелью;
Обложенные пришли в Божий Храм,
Плачут-молятся, просят помощи.
Услышала Мать Божия молитву их:
Она сошла с небес во Божию церковь.
Слава райская храм исполнила,
Богородице служат ангелы,
И пророки, и апостолы.
— Что ж Ты, Божий гость, голубица Ты,
— Всепречистая, Благодатная,
— Ты скажи, за чем прилетела к нам?
— Аль уж светлый рай от грехов наших
— Стал нерадостен, и пришла Ты к нам —
— Принесла нам казнь от Создателя? —
— Мне и светлый рай стал нерадостен,
— Небо ясное помрачилося:
— Ко мне ангелы каждый час несут
— Слезы горькия христианския;
— И смутилася я, опечалилась!
— Теперь к вам пришла в утешние,
— Помолить за вас с вами Господа.—
И вознесла Пречистая молитвенный глас
Ко своему Сыну ко Распятому,
Всех людей благодетелю и защитнику:
— Сыне мой, Иисусе мой!
— Услыши Ты нас с высоты небес,
— Защити и нас, грешных людей! —
В руках Богородицы был омофор святой:
Омофором тем покрыла Она
Благодатныим души скорбныя.

ЦАРЕВИЧ ИОСАФ ПУСТЫННИК

Во дальнеей во долине
Стояла прекрасная пустыня.
Ко той же ко пустыне приходит
Молодой царевич Осафий:
— Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Прими меня, мать пустыня,
От юности прелестныя,
От своего вольнаго царства,
От своей белой каменной палаты,
От своей казны золотыя!
Научи ты меня, мать пустыня,
Волю Божию творити!
Да избави меня, мать пустыня,
От злыя муки от превечной!
Приведи ты меня, мать пустыня,
В небесное царство!
Отвещает прекрасная пустыня
Ко младому царевичу Осафью:
— Ты младый царевич Осафий!
На жить тебе во пустыне:
Кому владать твоим царством,
Твоей белой каменной палатой,
Твоей казной золотою?
Отвещает младый царевич,
Царевич Осафий ко пустыне:
— Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Не могу я на свое царство зрети,
Ни на свою каменную палату
И на свою казну золотую.
А хочу я пребыть во пустыне:
Рад я на тебя работати,
Земные поклоны исправляти
До своего смертнаго часу!
Отвещает прекрасная пустыня
Ко младому царевичу к Осафью:
— Ты младый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне,
Не молясь во мне, Богу молиться,
На трудясь во мне, Господу трудиться:
Нат во мне царскаго ества,
И нат во мне царскаго пойла;
Есть-воскушать — гнилая колода;
Испивать — болотная водица.
Отвещает младый царевич,
Царевич Осафий ко пустыне:
— Прекрасная ты моя пустыня,
Любимая ты моя мати!
Не стращай ты меня, мать пустыня,
Своими великими страстями!
Могу я жить во пустыне,
Волю Божию творити,
Есть гнилую колоду:
Гнилая колода лучше царскаго ества;
Испивать болотную водицу
Лучше царскаго пойла;
Житье наше, мать, часовое,
А богатство наше, мать, временное:
Я рад на тебя работати,
Земные поклоны исправляти,
До своего смертнаго часу.
Отвещает прекрасная пустыня
Ко младому царевичу к Осафью:
— Ты младый царевич Осафий!
На жить тебе во пустыне:
Придет мать весна красна,
Лузья-болоты разольются,
Древа листами оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами,—
А ты из пустыни вон изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!
Отвещает младый царевич
Осафий к прекрасной пустыне:
— Прекрасная мать пустыня,
Любимая моя мати!
Хоша придет мать весна красная,
И лузья-болоты разольются,
И древа листами оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами:
Не прельщусь я на все благовонныя цветы;
Отрощу я свои власы по могучия плечи,
И не буду взирать я вольное царство;
Из пустыни я вон на изыду,
И тебя, мать прекрасная, не покину.
Отвещает прекрасная пустыня
Ко младому царевичу к Осафью:
— Свет младый царевич Осафий,
Чадо ты мое милое!
Когда ты из пустыни вон на выдешь
И меня, мать прекрасную, на покинешь,
Дарую я тебя золотым венцом,
Возьму я тебя, младый царевич,
На небеса царствовати,
С праведными лики ликовати!
Вся святыя, все пустынные жители
Младому царевичу Осафью вздивовалися,
Премногому царскому смыслу.
Поем славу Осафию-царевичу;
И во век его слава не минуется!

АЛЕКСЕЙ БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Во славном во гради во Риме,
При цари было при Онорьи,
Жил великий князь Ефимьяне
С своей обручною княгиней.
У того велика князя Ефимьяна
На было детища едина.
Великий князь Ефимьяна
Со своей обручною княгиней
Молился он Господу Богу:
— Дай ты нам, Господи, хоть детище едино,
При младости лет на утешенье,
При старости нам на береженье,
При после кончины на помин души.
Услышал Господь их моленье,
Даровал им детище едино:
В ту пору княгиня понеслася,
Оброчное время проносила,
Спородила детища-сына.
Был радостен князь Ефимьяна:
Священников в дом он призывает,
Младенцу имя нарекали,
Нарекали ему имя Олексием,
Во святой купели окрестили,
Златой крест ему наложили.
Рос Олексий до семи лет;
Великий князь Ефимьяне
Давал его грамоты учити:
Грамота ему, свету, далася,
Он скоро писать обучился.
Будет Олексий на возрости:
Великий князь Ефимьяне
Производил младого женити,
Прибрал ему младую княгиню
Во славном гради своем Риме.
Во Божию церковь их приводили:
Под златыми венцами стояли,
Златыми перстнями обручались,
Един чуден крест целовали,
Весь Божий закон принимая.
Вышел Олексий из Божьей церкви
В свою белокаменну полату:
Садили его, света, за трапезу
Со младой обручною княгиней.
Сидит Олексий за трапезой —
Хлеба-соли он не вкушает,
Медвяна питья не испивает,
Уливается горючима слезами.
Будет во втором часу ночи,
Ставал Олексий со ложницы,
Снимал с себя шелковый пояс,
С правой руки злачан перстень,
Дает он их обручные княгини:
— Возьми, моя младая княгиня,
Мой шелковый пояс,
Со правой руки злачен перстень;
Трудися Ты, Господу молися
За свои за младыя лета;
Ты тогда меня увидаешь,
Когда шелков пояс расплетется,
Злачен перстень роспаится.
Княгиня пред ним промолчала,
Ответа Олексию не давала,
Уливалась горючима слезамы.
Олексий на слазы не взирает,—
Пошел Олексий ко синю морю,
Во тое во Индейское царство:
Садился во малый кораблик,—
Понесло корабль во сине море,
Во это Индейское царство.
Выходил Олексий из судна,
Приходит во Божию церковь,
Становится в церкви на паперти;
Он молится Богу со слезамы,
Земныи поклоны исправляя,
Великий же князь Ефимьяне
Схватился про любезнаго сына,
Олексия Божья человека,
Посылал рабов его искати
По всем градам, по всим пустыням.
Искальщики долго ходили,—
Приходят ко городу Индею:
Нашли Олексия и не узнали,
Милостыней его наделяли.
Олексий от них принимает,
По нищей братьи разделяет,
За них Господа он молит.
Молился он здесь лет семнадцать;
Каждую неделю исповедался,
Всякую субботу причащался,
Кушал Олексий со укропом.
Богородица глас ему гласила:
— Раб ли, Олексий человек Божий!
Ты пришел ко мне, свет, помолился,
За младыя лета потрудился:
До Господа Боге ты доходен,
И молитва твоя Богу приятна.
Полно прогневлять тебе отца-матерь
И младу обручную княгиню:
Поезжай ты во свой Рим град
Ко своему отцу Ефимьяну.
Отец-мать тебя дома не узнают,
Ни млада обручная княгиня.
Гласу Олексий удивился,
Сам, стоячи, прослезился;
Выходил из соборные церкви,
Садился во малый кораблик:
С трудом корабль переносит
Его во славное Римское царство.

Выходит Олексий из корабля,
Приходит в соборную церковь,
Молится Богу со слезамы,
Земныи поклоны исправляя.
Великий князь Ефимьяне
Выходит от соборной обедни:
Князь милостыней всех наделяет,
Любимвго сынв вспоминвет,
Олексия Божья человекв,
Олексий от отцв принимвет,
Свм он, сввт, отцу поклонился,
И, стоячи тут, прослвзился:
— Ввликий князь Ефимьяне!
Напой-нвкорми меня хлебом-солью,
Построй мне, убогому, келью ради имвни Христовв,
За любимвго сынв Олексия.
Глвсу Ефимьян князь удивился
И сам, стоячи, прослезился:
— Рвб ли ты мой, Божий человечв!
Чем рвдостну весть возвещаешь
Про любимвго сынв Олексия?
Свм я про него, светв, не знвю,
Семнадцвть лет его поминвю:
В которой стране он пребывает,
В котором цврстве проживввт?
Олексий отцу отвечает:
— Великий ты князь Ефимьянв!
Квк мне твоего сынв не знвти?
В одной стрвне с ним пребывали,
В одной мы пустыне проживвли,
За одной трапезой мы вкушвли,
За одно мы Господу молились,
За едино мы спвсенье получвли.
Великий же князь Ефимьяне
Велел взять его во пвлвты,
Велвл нвкормить хлебом-солью,
Построил убогому келью
Близ своей белокаменной пвлаты;
Дал ему младого квлейника —
Убогвго сберегати, квлейку ему топити,
Ключвву воду носити;
Что свм князь воскушввт,
Тыи и убогому яствв посылвет.
Но злы были у князя ввдь рабы его:
Свми они яствв преедвли,
К Олексию в келью не доносят;
Блюдв и посуду вымывали,
Помои нв келью выливвли;
Олексий нв то не прогневился:
Со радостью нужду принимает,
Святым духом сыт пребывает.
Молился он Господу, трудился
Тридесять лвт и четыре.
Сведвл Олвксий житью кончину,
Посылвл он младого келейникв:
— Рвб ли ты мой, вврный ты квлейник!
Принвси чернил и лист бумвги,
Не ходи три дня и по три ночи,
За тебя я Богу помолюся,
За твои за младыя летв.
Рвб ли его, верныя келейник,
Принес ему чернилы и бумвгу.
Нейдет по три дни и по три ночи —
Нвчвл Олвксий житиё писвти:
В котором царстве он родился,
В квкой стрвне Богу молился.
Нвписал Олексий рукописанье:
Нвписввши, свят, он преставился.
Темьяном и лвданом запвхло
По всему по грвду по Риму;
Святой глвс в церкви явился:
— Взыщите во граде святаго
Близ дому князя Ефимьяне!
В ту пору Онорий-царь поднялся
Со святейшим пвтриархом
И со всем священным собором;
Царь до мощвй доступвет,
Пвтриврх к мощвм приложился:
— Святыи Божьи мощи!
Издвйте из рук рукописанье!
По чему тебя нвм, светв, знвти
И квк нвм тебя имвноввти?
Рукописанье тут отдалося,
И начвл патриврх его читати,
Чудесв являвт всвму миру.
Взял тут Ефимьян князь дочитати:
Дознвлся он любезнвго сынв,
И нвчвл он жалобно плвквть,
Цветныя ризы раздирвет,
Горючия слезы проливает:
— Свет ты, мое любезное чвдо,
Святый Олвксий человек Божий!
Для чего ты отцу мне не сквзвлся,
Пришед из великия пустыни?
Я бы сделвл тебе келью нв твкую
И не нв том бы сделвл месте.
Мвть ли его благовернвя княгиня
Идет ко святому,— свмв плачвт,
Мощи слезами обливвет,
Свой жвлостный глвс испущвет:
— Свет ты, мое любезное чадо,
Святый Олвксий человек Божий!
Пришед из великия пустыни,
Для чего ты мнв, матери, не сквзвлся?
Я бы свмв к тебе приходилв,
Свхврны бы яствв приносилв,
Одежды нв тебе переменялв,
В черни бы тебя не держвлв.
Проведвлв обручнвя княгиня,—
Схватилвсь зв шелковый пояс,
За свой злвченой перстень,—
Шелков пояс расплелся,
Злвчен перстень роспвялся;
Идет ко святому, свмв плачвт,
Мощи слезвми обливввт,
Свой жвлостный глас испущвет:
— Аль ты, мой муж возлюблвнный,
Жвнише ты мой обрученный,
Святый Олексий человек Божий!
Пришед из великия пустыни,
Для чвго ты мне, млвдой, не сквзвлся?
Я бы втвй к тебе приходилв,
За одно б с тобой Богу я молилвсь.
И чистое бы девство мы сохраняли,
И был бы между нами святой дух.
Олексия Божья человекв, Олексиевы святыи мощи
Принесли к святой соборной церкви.
Множество нвроду собиралось,—
Нвльзя святых мощей проносити:
Свмого князя нврод не пропустит
До любимаго сынв Олексия.
Великий тут князь Ефимьяне
Приквзвл квзну свою истощвти,
По улицам деньги розсыпати:
Но мир нв злато не польстился,
Принимвлись все зв святыя мощи.
От слепоты дввал тут Бог прозренье,
Глухим дввал Бог прослышвнье,
Рвзслабленным тут было здрввье,
Немощным-болящим исцеленье,
Грешным душвм было прощенье,
Праведным душвм было спвсенье.
Олексия Божья человекв
Со слввою, светв, погребвли
Во слвввном во грвде во Римв,
При святой соборныя церкви,
У святв Нифантия Чудотворца.
Лико вго пишут нв иконвх,
А житье Олвксиево в книгвх.
Ему же слввв нынв и во веки.

Сдано в набор 03.04.90. Подписано к печати 23.04.90. А 00277. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,18. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 450 000 экз. Заказ № 2163. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.